

Безруков

IV

**ПАРТИЯ
БОЛЬШЕВИКОВ
В ПЕРИОД
РЕАКЦИИ
(1907-1910 ГОДЫ)**

• МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1968 •

21 коп.

**ПАРТИЯ
БОЛЬШЕВИКОВ
В ПЕРИОД
РЕАКЦИИ
(1907-1910 ГОДЫ)**

**МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1968**

Издательство «Московский рабочий» выпускает сборники консультаций, справочных материалов, методических советов, указателей литературы, хроники событий по отдельным темам курса истории Коммунистической партии Советского Союза. В каждом сборнике публикуются также материалы из истории Московской, Калининской, Смоленской и Рязанской партийных организаций.

Сборники консультаций рассчитаны на самостоятельно изучающих историю КПСС, пропагандистов и слушателей системы партийной учебы, преподавателей и студентов.

Сборник содержит материалы по IV теме курса истории КПСС. Выпуском в свет этого сборника завершается издание серии «В помощь изучающим историю КПСС». Всего в этой серии вышло 17 книг. Издательство предполагает и впредь оказывать методическую помощь пропагандистам и самостоятельно изучающим историю КПСС.

Замечания и отзывы на данный сборник и предложения по характеру и содержанию всей серии просим присылать по адресу: Москва, проезд Владимирова, 6, издательство «Московский рабочий».

Составитель Н. Матюшкин

Н. МАТЮШКИН

РАЗОБЛАЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Революция 1905—1907 гг. окончилась поражением. Воцарилась реакция во всех областях. Россия превратилась в сплошной застенок. Не было таких мерзостей и жестокостей, которые не применяло бы против трудящихся озверевшее до предела царское самодержавие. Нагайки и штык, тюрьмы, виселицы и ссылки, убийства без суда и следствия, расправы чрезвычайных «судов» — все было брошено для отомщения за революционные действия и для запугивания народа. Во всем этом фактически проявлялся страх власть имущих перед новым могучим подъемом революционной волны, перед грядущей революционной бурей, которые были не за горами.

«Тяжелой свинцовой тучей быстро надвигается черная реакция на горизонт русской общественной жизни,— говорилось в одной из листовок петербургских большевиков.— Наступает непроглядная тьма, без единого проблеска света. Ядовитые испарения поднимаются с разлагающейся самодержавно-черносотенной трясины и насытили уже атмосферу нашей жизни до такой степени, что в ней невозможно стало дышать ни одной здоровой рабочей организации. Всякая смелая, живая мысль, всякое свободное правдивое слово, исходящее из лагеря революционного рабочего класса, борющегося за социализм — за свет и свободу, за истинное счастье всего трудящегося человечества,— всякая наша попытка выбиться из униженного положения вечных вьючных животных, носящих на своем горбу праздных паразитов — буржуев,— все жестокой рукой палача заглушается и в самом зародыше уни-

что жается нашими тиранами. Кровь народная льется рекою»¹.

Об этом же говорилось в большевистской листовке, выпущенной в Белоруссии: «Снова нас душат генерал-губернаторы, губернаторы, жандармы, полицейские, министры и несметная туча всякой большой и малой сволочи... Виселицы и пули, тюрьмы и каторга — вот вам «неприкосновенность» личности»².

Наступление столыпинской реакции

Разразившаяся в стране реакция получила название столыпинской по имени тогдашнего премьер-министра царского правительства, Ярый черносотенец, злейший враг народа, прожженный политикан Столыпин вполне устраивал российского самодержца как исполнитель роли вешателя и душителя революции. Он готовил себя к этой роли так, как только и могли готовиться царские сановники,— истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту дьявольскую «практику» лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские». Разумеется, Столыпин был не более как уполномоченный или приказчик определенного класса. Этот класс — крепостники-помещики с первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым во главе. Но «приказчик» был достоин своих хозяев.

Заняв пост главы правительства, Столыпин вступил в состояние непрерывной войны с народом, поднял против него меч жестоких расправ. В кругу приближенных он и сам, бахвалясь, называл свою политику военной. «Как носивший военный мундир Бисмарк исполнял штатское дело,— писала газета черносотенцев «Новое время».— так и носивший штатское платье Столыпин исполнял военное дело. Он был в непрерывном бою со времени вызова своего из Саратовской губернии».

Только с 1907 по 1909 г. было осуждено по политическим делам свыше 26 тысяч человек. Более 5 тысяч

¹ «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917». Том второй. Госполитиздат, 1939, стр. 24—25.

² «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. 1. Минск, 1961, стр. 139.

было приговорено к смертной казни. В тюрьмы в 1909 г. было брошено 170 тысяч революционеров. Почти 40 тысяч погибло в царских застенках еще до суда, не выдержав нечеловеческих условий существования.

Острые репрессий царизма направлялось прежде всего против рабочего класса и особенно против большевистской партии. В Петербургской организации 14 раз проводились массовые аресты, а ее городской комитет 6 раз целиком оказывался в кровавых лапах палачей. Московский партийный комитет 11 раз подвергался полному разгрому. Не было ни одного руководящего партийного органа на местах, который не испытал бы тяжелых ударов реакции. Резко сократилась и численность партийных организаций: Петербургская — с 8 тысяч в 1907 г. до 3 тысяч в 1908 г., в Екатеринбурге (Свердловске) — с 1070 до 250, в Иваново-Вознесенске — с 2 тысяч до 600. В 1906—1910 гг. было закрыто 500 профсоюзов. Почти в 19 раз сократилось число членов легальных профсоюзов — с 246 272 до 13 тысяч (1907—1909 гг.).

Политические репрессии против народа дополнялись санкциями в экономической области. Рабочий день был увеличен до 10—12, а порою и до 15 часов. Заработная плата понизилась на 30—50% и не могла обеспечить даже прожиточного минимума. «Жизнь на такие малые заработки стала равносильна голода-нию»¹, — отмечалось в одном из документов того времени.

Малейшие замечания людей о тяжести жизни вызвали бешеную ярость власть имущих. Рабочих немедленно изгоняли с предприятий и заносили в «черные списки». А с таким «волчьим паспортом» нельзя было никуда устроиться.

«Царское правительство, помещики и капиталисты, — писал В. И. Ленин, — бешено мстили революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»².

Народ проклял своих истязателей и палачей и прежде всего их верховода Столыпина. В массах зрели гроздя гнева, великого и неистребимого, который

¹ С. Завьялов. История Ижорского завода, т. I, 1934, стр. 306.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 72.

вскоре переплавился в могучую революционную энергию. Столыпин был пригвожден историей к позорному столбу как душитель прогресса и злейший враг трудящихся. Он и сам не отрицал жестоких расправ, но стремился выдать их за спасительное благо для России. Когда на одном из заседаний Думы Столыпин был назван в выступлении депутата кровавым палачом, он реагировал на это как рьяный черносотенец. Обратясь к правым депутатам, он сказал: «Вы, конечно, сумеете распознать кровь, о которой здесь так много говорилось,— кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить труднобольного».

Аграрный бонапартизм

Период реакции был отмечен новой политикой царизма в деревне, нашедшей практическое выражение в столыпинской аграрной реформе. По своему содержанию и историческому значению эта реформа представляла собой дальнейший шаг по пути превращения царизма в буржуазную монархию. Первым шагом, как известно, была реформа 1861 г., проведенная Александром II.

Столыпинская реформа выражала не силу, а слабость самодержавия. Хотя революция 1905—1907 гг. и потерпела поражение, хотя средневековые зубры и холопствующая перед ними буржуазия оказались на время господами положения, тем не менее дело революции не погибло и не могло погибнуть, ибо остались налицо вызвавшие ее причины, не были осуществлены стоявшие перед ней задачи, в том числе не был решен и аграрный вопрос. Главный вывод, который делали большевики, состоял именно в том, что поражение первой революции в России — явление временное, что за первой грянет и непрерывно наступит вторая, как день после ночи. «За первым шагом будет второй.— писал В. И. Ленин.— За началом борьбы будет продолжение. За революцией 1905 года идет новая, вторая революция»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 142.

Неразрывно связанный с этим вывод состоял в признании необходимости перестроить большевистские ряды, перейти от тактики наступления к тактике отступления, сохранить силы партии и определить ее задачи в новых условиях, не дать врагам революции деморализовать народ, убить в нем веру в революцию, в возможность победы над царизмом.

По-своему делали выводы и враги революции. Предаваясь контрреволюционным песнопениям, все более лютуя и издеваясь над народом, они в то же время не могли скрыть ни пережитого ими страха, ни страха перед будущим. В бравурных звуках фанфар по поводу одержанной ими победы нередко прорывались траурные мелодии. Менее предубежденные из царских сановников не могли не видеть, что победа в 1905—1907 гг.—это пиррова победа и что она будет не прочна, если не принять мер к укреплению надломленного революцией и колеблющегося самодержавного трона. Они настоятельно советовали царю и его правительству поторопиться с принятием такого рода мер, в том числе и в первую очередь в аграрном вопросе.

Большевики уделили первостепенное внимание анализу столыпинской аграрной реформы, выяснению ее классового характера и антинародной сущности. Раскрытие этих вопросов заняло особое место в произведениях В. И. Ленина в период реакции и в последующие годы.

В. И. Ленин показывает прежде всего, что столыпинская аграрная реформа не случайная, а исторически обусловленная, реальными обстоятельствами вызванная мера царского самодержавия. Не прихоть и произвол властей породили ее, а назревшие потребности развития страны, рост капитализма в сельском хозяйстве, стремление царизма предотвратить новый революционный взрыв в деревне.

Мощное революционное движение крестьян уже вынудило однажды царизм встать на путь некоторых преобразований в деревне. Реформа 1861 г. была проведена именно под давлением доведенного до отчаяния крепостного крестьянства.

Как отмечал В. И. Ленин, века крепостнического гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения крестьянства накопили в нем горы ненави-

сти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и помещиков, и все старые формы и порядки землевладения красной нитью проходило через все революционные выступления крестьян.

В статье «Крестьянская реформа» Ленин особо подчеркнул, что 1861 год породил 1905-й. Реформа лишь отсрочила для крепостников развязку, но не устранила ее. К 1905 г. борьба разыгралась на несравненно более широком поприще и проявилась в несравненно большем натиске на царя и помещиков. За эти годы в известной мере изменился и самый характер борьбы крестьян. Реформа, проведенная в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах.

Одним из проявлений революции 1905—1907 гг. было мощное аграрное движение за разрешение крестьянского вопроса. Острые этого движения было направлено против пережитков крепостничества. В этом было существенное отличие крестьянского вопроса в России от крестьянского вопроса на Западе. Если там речь шла о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, то в России главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдал от докапиталистических отношений и учреждений, чем от капиталистических. Если на Западе роль крестьянства как борца против абсолютизма и пережитков крепостничества была уже сыграна, то в России еще нет. И эта роль резко проявилась в ходе первой народной революции.

Из толпы мужиков, придавленных проклятым крепостным рабством, революция 1905—1907 гг. впервые в России создала активно действующую силу, направленную против помещиков и их самодержавно-крепостнической власти. Она наглядно показала царскому правительству, феодалам, буржуазии, что миллионы и десятки миллионов крестьян становятся борцами, не позволяют помыкать собой, как быдлом, как чернью, намереваются сокрушить ненавистные полукрепостнические порядки и стать свободными. Если в начале революции правящие классы страны строили расчеты на веру сельских мирян в «царя-батюшку», твердо заявляя, что «серячок выручит», то в дальнейшем эти

расчеты были поколеблены. С тревогой и страхом за свое будущее они стали понимать, что прежняя опора царизма в деревне в лице крестьянской общины и других многочисленных крепостнических пут рушится, что для сохранения их власти нельзя обойтись без создания новой классовой опоры. Если прежде крепостники-помещики проводили политику сохранения старой, сословной общины в деревне, прикрепления крестьян к земле, отстаивания рутины полукрепостнического землевладения, то после первой народной революции они отказались от этой политики и стали на новый путь.

«Диалектика истории сделала то,— подчеркивал В. И. Ленин,— что крестьянство,— которое в других странах при сколько-нибудь упорядоченном (с точки зрения требований капитализма) земельном строе является опорой порядка,— в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями вплоть до конфискации помещичьих земель и национализации земли (трудовики I и II Думы).

Эти радикальные и подкрашенные даже идеями мещанского социализма требования вызывались все не «социализмом» мужика, а экономической необходимостью разрубить запутавшийся узел крепостнического землевладения, расчистить дорогу для свободного фермера (предпринимателя в земледелии) на свободной от всех средневековых перегородок земле»¹.

Именно это прежде всего и понудило помещиков и их самодержавную власть прибегнуть к крупному хозяйственно-политическому маневру, рассчитанному на создание прочной опоры в деревне в лице многочисленного класса кулачества.

Еще в бытность свою саратовским губернатором Столыпин 11 января 1906 г., т. е. до окончания первой русской революции, писал министру внутренних дел в своем докладе: «Коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основной ячейки государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильно общины, с которою сжился народ, надлежало бы всячески содействовать единичным сделкам с помощью Крестьян-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 423—424.

ского банка, разрешить продажу и залог надельной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом. Тогда из кулаков и мироедов способнейшие из крестьян превратились бы в культурных деятелей. Община теперь развращена, терроризуется испорченной молодежью, и едва ли такая община разбогатеет от дешевого приобретения лишней земли».

Нетрудно видеть, что здесь высказана не только необходимость новой аграрной реформы, но и ее основные положения — создание опоры царизма в деревне в лице класса мелких землевладельцев, разрушение крестьянской общины, разрешение продажи и купли земли и т. д. Правда, в ту пору царь и его министры не приняли в полной мере предложений Столыпина, но суть дела от этого не меняется.

Тогда по докладу министра внутренних дел Дурново (29 января 1906 г.) царь отклонил ломку действовавших поземельных отношений, дав лишь согласие увеличить пролажу помещичьей земли через Крестьянский банк. Официально это было закреплено в его указе 4 марта 1906 г. Был также учрежден Главный комитет по землеустройству в центре и землеустроительные комиссии на местах в помощь Крестьянскому банку по продаже земли. Этой полумерой, которая «дополнялась» бесчисленными карательными экспедициями, царь и его ближайшие приспешники надеялись утихомирить деревню, погасить пламя крестьянской войны. Мощный подъем крестьянского движения летом 1906 г. показал, однако, что эти надежды были тщетными. И тогда было решено открыть «последний клапан».

Предложения Столыпина — это своего рода кредо новой политики царизма в деревне. Именно новой. Речь шла не о штопанье старых поземельных отношений, а об их ломке и создании новых. В статье «Новая аграрная политика» В. И. Ленин глубоко раскрыл содержание происшедшего в политике царизма поворота. В чем же сущность этого поворота? В том, что произошла перемена взглядов на характер крестьянского землевладения и общественных отношений в деревне. Развитие капитализма подточило сословную общину и полукрепостнические порядки в целом. Они пришли в самое острое противоречие с новыми условиями. По-

этому царизм решает распроститься с ними, но, как и в период реформы 1861 г., в интересах крепостников и крепостническими методами.

В. И. Ленин глубоко научно поставил и осветил вопрос о возможности осуществления столыпинской реформы на деле. Могла ли быть при известных условиях осуществлена эта антинародная, несшая огромные тяготы и невзгоды труженикам деревни реформа? В. И. Ленин отвечал на этот вопрос положительно. Могла, потому что объективное развитие производительных сил в деревне настоятельно требовало решения аграрного вопроса.

Но для успеха столыпинской политики нужны были долгие годы насильственного подавления и истребления народных масс деревни, не желавших умирать с голоду и быть выселенными из своих мест. История знала такие примеры. «Было бы пустой и глупой демократической фразеологией,— писал Ленин,— если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен! Но наше дело — ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития *через крестьянскую революцию*»¹.

Мировая история знала два пути решения аграрного вопроса при капитализме — прусский и американский, помещичий и крестьянский, реакционный и революционный. Как следует из самих названий этих двух путей, за которыми скрыты разные типы решения аграрного вопроса, прародиной одного из них явилась Германия, другого — Соединенные Штаты Америки. В Германии при решении аграрного вопроса верх взяли реакционеры, и прежде всего прусские помещики-юнкеры. Движение к капитализму шло медленно, мучительно, в интересах феодалов и во вред германскому крестьянству, причиняя ему огромные тяготы. В США процесс протекал путем создания свободных фермерских хозяйств, которые, к слову сказать, теперь давным-давно лишились прежней свободы и ведут невольную жизнь под ярмом американских монополий. Прежде свободный землевладелец, да и то свободный

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 31.

в ограниченном, буржуазном смысле этого слова, теперь, по сути дела, стал подневольным.

В. И. Ленин всесторонне и систематически разъяснял принципиальную разницу между этими двумя путями, ибо в ней заключался «гвоздь вопроса», поскольку на арене классовых битв в России решался вопрос, по какому пути пойти. Вот как, например, освещает этот вопрос Владимир Ильич в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в русской революции». Разрешение аграрного вопроса на пути к капитализму, отмечает он, происходит двояким образом. Или сохраняются феодальные латифундии и постепенно становятся основой капиталистического сельского хозяйства, господином положения является юнкер,— это прусский путь аграрного капитализма. Или же революция сметает помещичьи владения, а основой капиталистического земледелия становится свободный фермер на свободной земле, т. е. на земле, очищенной от всякого средневекового хлама,— это американский тип аграрного капитализма, обеспечивающий наиболее быстрое развитие производительных сил при наиболее благоприятных для масс условиях из всех возможных при капитализме.

В статье «О некоторых источниках современного идейного разброда» Владимир Ильич вновь затрагивает проблему «двух путей», раскрывая их принципиальное различие. Прусский путь — сохранение монархии и помещичьего землевладения, создание крепкого, т. е. буржуазного, крестьянства на данной исторической почве. Американский путь — буржуазная республика, уничтожение помещичьего землевладения, создание фермерства, т. е. свободного буржуазного крестьянства, путем резкого изменения данной исторической обстановки, т. е. революционными мерами. При этом Ленин особо подчеркивает, что российский пролетариат и его партия должны бороться за второй путь, ибо он обеспечивает наибольшую свободу и быстроту развития производительных сил капиталистической России, а победа в такой борьбе возможна только при наличии революционного союза пролетариата и крестьянства.

Русскому аспекту проблемы о двух путях в аграрном вопросе В. И. Ленин уделяет внимание и во мно-

гих других своих произведениях, освещая ее не только в теоретическом, но и в практически-политическом плане, сталкивая и противопоставляя две прямо противоположные линии, две противоположные политики в подходе к этой проблеме, раскрывая стоящие за этим классы и партии. Он показывает гибельность для народа одной из них, а именно столыпинской, и глубокую прогрессивность другой, а именно революционной, рабоче-крестьянской.

С особой остротой В. И. Ленин ставит вопрос о «двух путях» для России в работе «Политические заметки» «Либо победа крестьянского восстания и полная ломка старого землевладения на пользу обновленного революцией крестьянства, т. е. конфискация помещичьей земли и республика. Либо столыпинская ломка, которая тоже обновляет, на деле обновляет и приспособляет к капиталистическим отношениям старое землевладение, но только всецело в интересах помещиков, ценою безграничного разорения крестьянской массы, насильственного изгнания ее из деревень, выселения, голодной смерти, истребления тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками всего цвета крестьянской молодежи... Мы должны помочь народу ясно сознать это... Экономическая необходимость безусловно вызывает и безусловно проведет самый «крутой переворот» в земельных распоряжках России. Исторический вопрос состоит только в том, проведут ли его помещики, руководимые царем и Столыпиным, или крестьянские массы, руководимые пролетариатом»¹.

Как видим, В. И. Ленин учит подходить к вопросу о выборе пути со строго объективных позиций, подчиняя его решение задаче обеспечения победы революции. Выбор пути не есть простое желание или согласие тех или иных правительств, народов, классов и партий. Его решение в тот или иной период в той или иной стране зависит от целого ряда важных факторов, заранее неизвестных, нередко весьма сложных, противоречивых и запутанных, порой противостоящих друг другу. Поэтому вопрос этот, как правило, решается в острейшей классовой борьбе. В конечном счете, вы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417—418.

бор пути зависит от того, какой класс «наложит свою печать», явится главной направляющей силой при разрешении этого вопроса.

Со всей остротой вопрос о выборе пути стоял и у нас в стране. На известное время верховенство в этом вопросе взяли силы реакции. Но, так же как и в основном вопросе того времени — о революции, Столыпин и возглавляемые им по поручению самодержавного царя черносотенные силы являлись временщиками, борьба против которых не прекращалась ни на час и, в конечном итоге, принесла победу рабочим и крестьянам.

Практически новая аграрная политика царизма стала проводиться в жизнь с того момента, когда Столыпин стал сначала министром внутренних дел, а затем премьер-министром царского правительства. Уже само назначение саратовского наместника на эти государственные посты свидетельствовало о том, что самодержец всероссийский склонился в пользу сделанных ему Столыпиным предложений.

Не мудрено, что некоторые из сановников, почувствовав благосклонность царя к проекту Столыпина и завидуя его черной славе, попытались обвинить его в плагиате и приписывали себе приоритет в этом вопросе. Такую позицию занял, например, граф Витте, один из приближенных самодержца, не раз занимавший министерские кресла и стоявший во главе правительства. Он без обиняков заявил, что Столыпин «украл» у него основные идеи реформы.

Новая аграрная политика самодержавия нашла закрепление в указе от 9 ноября 1906 г. и в законе от 14 июля 1910 г. Согласно этим царским установлениям крестьянам было предоставлено право выходить из общины, получать из прежнего общинного фонда землю в личное пользование и закреплять ее за собой. Прежний «общинник», прикованный к ней цепями, имел право совершенно обособиться от нее.

Столыпин полагал, что это положение царских законов вызовет энтузиазм сельских жителей и они без всяких усилий, без всякого нажима со стороны властей подчинятся царской воле. Это была своего рода приманка для изголодавшихся и страдавших людей.

Так думал враг. Так он рассчитывал и разгадывал. Но последнее слово оставалось за народом.

Особое внимание и в указе от 9 ноября 1906 г., и в законе от 14 июля 1910 г. обращалось на создание хуторских хозяйств. С одной стороны, торжественно провозглашалось право выхода на хутора и отруба, с другой — на общину возлагалась обязанность беспрепятственно выделять изъявившим желание выйти из общины земли, и притом компактно расположенные. В случае отказа удовлетворить прошение желающих выйти из общины они имели право обратиться с жалобой к земскому начальнику, решение которого являлось безапелляционно обязательным.

Нетрудно видеть, куда нацеливались эти установления царского правительства. С одной стороны, была тенденция связать общину по рукам и ногам, лишить ее каких бы то ни было прав распоряжаться землей, противопоставить отрубщикам и хуторянам и фактически не мытьем, так катаньем ликвидировать ее. С другой стороны, сквозило намерение поставить хуторян и отрубщиков в привилегированные по сравнению с другими крестьянами условия. Хутора и отруба, по мысли составителей царских уложений, должны быть повсеместно вкраплены в массивы крестьянских земель и поселений. Им предназначалась роль своего рода опорных пунктов и «маленьких крепостей» централизма в крестьянском мире.

Обособлению хуторян и превращению их в особую касту, стоявшую над остальными крестьянами, способствовало и изданное в мае 1911 г. (в дополнение к указу и закону) Положение о землеустройстве. Созданные в соответствии с этим Положением землеустроительные комиссии были обязаны в кратчайшие сроки нарезать отрубные участки и приписываемые к их землям угодья, обособлять подлежащие устройству земли от соседних владений.

Одной из составных частей столыпинской аграрной реформы было переселение крестьян из центральных областей в Сибирь, в окраинные районы Востока, Средней Азии и Северного Кавказа. Этим намеревались прежде всего разрядить особенно накаленную атмосферу в центральных губерниях, задобрить бушевавший сельский люд лживыми посулами вольготной

жизни на новых местах. В то же время преследова-
лась цель создать опорные пункты царизма в нацио-
нальных районах, никогда не смирявшихся с гнетом
самодержавных сатрапов и активно боровшихся про-
тив них. Показателен в этом смысле и сам характер
создаваемых в национальных районах поселений. Они
обычно устраивались на самых лучших, обжитых и
уже окультуренных землях, а туземцы, по выражению
колонизаторов, изгонялись с насиженных мест.

Вполне определенный классовый характер носила
и финансово-кредитная политика царизма в период
столыпинской аграрной реформы. Хотя общая сумма
средств на ссуды крестьянам увеличилась, но деревен-
ская беднота опять же ничего не выиграла от этого.
Это объяснялось не только тем, что распределение
кредитов находилось в руках врагов трудового народа,
но и тем, что «деревенская голытьба», не могла освоить
кредитов, не имея ни кола ни двора. Выходит, что и в
данном случае выгоду получило только кулачество.

Все это показывает, что, разрабатывая законы о
реформе, царское правительство вовсе не думало
облегчать участь сельских тружеников. Цель была
иная: под видом заботы о населении деревни надеть
новое ярмо на неимущую часть ее, усилить в ней поля-
ризацию и создать себе опору в лице кулачества.
Это коварная и злонамеренная политика, основное со-
держание которой — аграрный бонапартизм.

Не переставая быть диктатурой крепостников-поме-
щиков, царское правительство в целях сохранения
этой диктатуры, в целях сохранения своей власти было
вынуждено лавировать между классами, между поме-
щиками и буржуазией.

Во-первых, это проявилось в отношении царизма к
городской буржуазии. Если раньше она пребывала в
роли оппозиции «его величества», то в годы реакции
становится одной из опор царизма. Прежде всего это
относилось к крупной, в политическом смысле наибо-
лее контрреволюционно настроенной части ее, так
называемой «октябристской» (объединявшейся в пар-
тии октябристов). Не забыта была и так называемая
либеральная буржуазия, объединенная в партию каде-
тов (конституционных демократов), — либеральная на
словах, контрреволюционная на деле.

Наиболее показательна в этом отношении III Государственная дума, возникшая в результате третьеиюньского переворота, с момента которого, собственно, и начался период столыпинской реакции. Если первые две Думы были соглашательскими, органами прикрытия деспотии царя флагом конституционализма, то III Дума была насквозь контрреволюционной. Выборы в Думу были проведены на основе реакционнейшего закона и таким образом, что в ней абсолютное большинство депутатских мест досталось черносотенным помещикам и буржуазии. Это и определило контрреволюционный характер III Думы. Она уже не заигрывала с народом, не изображала из себя кисейную барышню либерализма, а злобно размахивала кнутом и полицейской нагайкой, служа открыто опорой царизма. Тем самым III Дума из органа прикрытия царизма, каким были первые две, превратилась в орган разоблачения его, вопреки ее собственной воле.

Характеризуя деятельность III Думы, В. И. Ленин писал:

«Противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью буржуазной «конституции» выступает все яснее наружу, неся с собой элементы нового революционного кризиса. Самодержавие хотели прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывает, разоблачает, обнажает истинный характер нашей государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм»¹.

В чем же проявлялся бонапартизм в Думе? Почему потребовалось царизму прибегать к нему и в этом черносотенном учреждении, целиком послушном ему, даже и не помышлявшем о каком-либо противодействии государственной власти?

III Дума, действительно, не вызывала ни малейшего беспокойства у правительства, что гарантировалось уже самим составом ее депутатов, среди которых преобладали отпетые контрреволюционеры. В общем числе 442 депутатов Думы 171 место занимали черно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 276.

сотенцы, 113 — октябристы и родственные им группы, 101 — кадеты и близкие к ним группы, 13 — трудовики, 18 — социал-демократы и 16 — беспартийные. Как видно из этих данных, свыше $\frac{2}{3}$ депутатских мест принадлежало крайне правым партиям — черносотенцам и октябристам. Это была главная опора царизма в Думе. Но в Думе было и второе большинство — октябристско-кадетское, блок крайне правой и либеральной буржуазии, составлявший немного меньше половины депутатов.

Этим обстоятельством и пользовалось правительство в осуществлении своей эквилибристской политики. При проведении любых антинародных законов использовалось черносотенно-октябристское большинство, вполне солидарное в этих случаях. Однако интересы российского капитализма, хотя и грубохищнического, паразитического, не мирились с безраздельным господством крепостников-помещиков. Поэтому, когда царское правительство намеревалось провести через Думу закон в интересах буржуазии, пускалось в ход второе большинство. В силу этого черносотенная, помещичья часть первого большинства оказывалась в роли «оппозиции».

Вполне понятно, что от этой эквилибристики не претерпевала коренных изменений основная линия в деятельности царизма — верой и правдой служить классу помещиков. Но именно в целях сохранения власти и преимуществ этого класса он должен был искать и новые опоры, ибо прежней опоры на крепостников только становилось недостаточно.

Таков в основном и смысл аграрного бонапартизма. В этом вопросе также нельзя было сохранять статус-кво. В деревне горела почва под ногами крепостников. Шаткие устои крестьянской общины были подрывы развивающимся капитализмом. А наряду с этим объективным фактором действовал грозный для помещиков и их крепостнической власти субъективный фактор — мощное революционное движение крестьянства как выражение шаткости позиций господствующей власти в деревне. Поэтому, чтобы не лишиться своего господства в деревне, — а это было чревато кризисом всей самодержавной власти в целом, — предпринимались отчаянные попытки по изысканию новой опоры.

Характеризуя в этой связи столыпинскую аграрную реформу, В. И. Ленин писал:

«Перемена аграрной политики самодержавия имеет чрезвычайно большое значение для «крестьянской» страны, как Россия... Это глубочайший «сдвиг» в сторону *аграрного бонапартизма*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. = буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять — подкупать, чтобы нравиться, — браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»¹.

При этом В. И. Ленин особо подчеркивает объективную неизбежность аграрного бонапартизма Столыпина, как и бонапартизма вообще. Он не мог ни появиться на «свет божий», ни сколько-нибудь долго продержаться, если бы крестьянская община не развивалась капиталистически, если бы внутри нее не появлялось все больше кулацких элементов, с которыми самодержавие могло бы заигрывать, которым оно могло бы сказать: «обогащайтесь!», «грабьте общину, но поддержите меня!», как заявлял Столыпин. Поэтому при анализе бонапартизма важно видеть не только его эквилибристический характер, но и его объективные основы, его историческую обусловленность на определенном этапе развития той или иной страны.

Крах аграрной столыпинщины

Каковы же результаты этой новой политики в аграрном вопросе, что она принесла царизму и народу?

Получил ли от нее царизм то, что ожидал? Нет, он не добился в полной мере осуществления ни одной из своих целей. Столыпинская реформа окончилась крахом. Крестьяне оказали сопротивление ломке общи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 273—274.

ны, местами весьма активное и яростное. Из 96 сельских сходов Центрально-Черноземной области, например, только 7 высказались за выход из общины. В Московской губернии лишь немногим более 30% крестьянских дворов вышло из общины и закрепило землю в личную собственность за период с 1907 по 1915 г. Неутешительно для царизма разворачивалась кампания по выходу из общины и по стране в целом. За десять лет со времени издания указа от 9 ноября 1906 г. только 2 с небольшим миллиона крестьянских дворов вышло из общины и закрепило за собой земли. Как правило, выходили либо кулаки, либо бедняки. Одни для того, чтобы укрепить и упрочить свое положение мироедов и кровососов, стать классом мелких землевладельцев, «серых баронов». Другие для того, чтобы покончить со своим безысходным нищенским существованием деревенского паупера, получить и продать землю, стать пролетариями.

Особенно наглядно видно это при образовании хуторов и отрубов. Туда шли «исправные хозяева», мироеды, захребетники. А беднота в большей своей части оказалась в батраках у этих «маленьких помещиков». Не мудрено, что из 2 миллионов выделившихся хозяйств 1200 тысяч вскоре лишились наделов, продав их кулакам. В результате этого кулаки округлили свои владения, а беднота попала им в лапы.

Но даже и на отруба не было столь большой тяги, как хотелось бы царским правителям, хотя туда шли наиболее близкие царизму по духу и классовой принадлежности лица, из которых Столыпин намеревался выращивать «маленьких помещиков». Вот как это выглядело, например, по Московской губернии. За 9 лет (с 1907 по 1915 г.) здесь было создано лишь около 6,5 тысячи хуторов и отрубов, немногим более 3% общего числа хозяйств.

Еще более показателен сам процесс выхода крестьян из общин и закрепления ими земель в личную собственность. Если в первые три года после выхода царского указа от 9 ноября 1906 г. он был более или менее интенсивным, то с 1910 г. резко замедлился, а с 1915 г. фактически сошел на нет. В 1915 г. общее число выходов из общины не превышало 29 тысяч по всей стране.

Чем же можно это объяснить? Почему так широко разрекламированная царскими правителями и их подручными «вольготная» жизнь вне общины не пришлась по вкусу крестьянину? Не был ли он доволен условиями жизни в общине и хотел оставить все в нетронутом виде? Нет, это не так. Слишком горька была доля сельских тружеников в дореформенный и пореформенный период, чтобы отстаивать крепостнические и полукрепостнические устои. Крестьяне отстаивали не общину; они отстаивали право решать аграрный вопрос по-своему, по-крестьянски, и отвергали помещичий путь решения его, который им навязывало царское правительство. Не разбираясь во всех тонкостях этого вопроса, они тем не менее чувствовали, что им готовится ловушка, что их хотят связать по рукам и ногам.

Характерно в этом отношении, например, письмо крестьян из Пензенской губернии:

«У помещиков, конечно, одна цель — насадить больше собственников и тем умножить себе товарищей, чтобы в будущей борьбе сделать перевес против малоземельных крестьян».

В этом письме довольно точно схвачена основная целевая установка столыпинской аграрной реформы — глушение крестьянского движения, создание опоры царизма в деревне в лице кулаков. Даже в таком реакционнейшем органе, как трижды черносотенная Дума, прорывались подлинные настроения крестьян, жаждавших земли и воли, понимавших, что их вновь собираются обокрасть, как в злополучном 1861 г. «Земля должна принадлежать всем трудящимся, земля как воздух и вода; мы пришли сюда добывать землю и волю» — это было доминирующим требованием крестьянских депутатов.

В прениях по аграрному вопросу в III Думе выступал, например, монархистски настроенный, «типичный правый крестьянин» Сторчак (как охарактеризовал его В. И. Ленин). Начал он свое выступление в уважительных тонах по отношению к тронной речи Николая II, кончил же отнюдь не по-царистски. Он заявил: «А если сказал государь, чтобы была правда и порядок, то, конечно, если я сижу на 3 десятинах земли, а рядом 30 000 десятин, то это не есть порядок

и правда»¹. Это голос одного из миллионов, которые маялись всю жизнь на 3 десятинах и которых экономическая действительность толкала на массовую революционную борьбу против тридцатитысячников!

Еще более определенно выступил крестьянин Кропотов, депутат от Вятской губернии, хотя в его речи содержались некоторые наивные представления о путях разрешения аграрного вопроса. Наказывали мне избиратели, начал он, передать депутатам Думы: так жить больше нельзя, люди не могут понять, почему им насильственно навязывают выходить из общины, почему их земли отданы в распоряжение земских начальников. Он многозначительно заметил при этом, что как только в их местности начинают применять закон 9 ноября, то у «новых помещиков... горят дома». Кропотов попытался по-своему и объяснить все это: «Все дело в том, чтобы вознаградить помещиков... Почему же государственная важность требует отнять у бедного последний кусок и отдать тем, которые... сумели по закону, писанному правительством, случайно удержать за собой землю? Не требует ли государственная важность заставить обрабатывать земли, праздно лежащие: помещичьи, казенные, удельные, монастырские?..» Касаясь этой речи, В. И. Ленин заметил: «Сколько неиспытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи!»²

Депутат Рожков начал речь с «подходцем». «Трудно, гг., мне, деревенскому мужику, говорить с этой трибуны»,— заявил он. Но вслед за этой тирадой он произнес такие слова, которые не могли вызвать восторга на скамьях правых депутатов. «Крестьянство ждало от Гос. думы не закона 9/XI,— говорил он,— не того закона, который делит между нами землю, которой у нас нет, а закона, на основании которого увеличился бы сначала загон, а потом уже стали делить».

Гневно обличал «реформатора» Столыпина депутат Томилов. Пока в деревне было тихо, говорил он, оставляли в покое и нас. Но вот наступил пятый год. Под руководством сознательных элементов крестьяне

¹ Здесь и далее выступления крестьянских депутатов приводятся по статье В. И. Ленина «Аграрные прения в III Думе». См. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 308—322.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 317.

объединились и сказали «грозное слово». Тогда дворяне начали говорить: «Ведь у вас есть, вам даны наделы. Вы и разделите эту косточку...»

Депутат Петров, напомнив о восстании Разина и революции 1905—1907 гг., сказал, что «только тогда трудовой народ получит облегчение, когда вся земля перейдет в его руки». «Я вполне убежден,— заявил Петров, обращаясь к правым депутатам,— вы вновь увидите глубины взбаламученного житейского моря. И тогда сбудется евангельское изречение: поднявший меч от меча да погибнет... Мы... говорим: вся земля трудящимся на ней, и вся власть да приложится трудовому населению!» Эта же мысль выражена и в выступлении депутата от крестьян Мерзлякова: «Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает... Только чтобы отнюдь земельной лавочки у нас в России не было, а чтобы земля принадлежала тому, кто личным трудом обрабатывает ее».

Российский крестьянин в годы столыпинской реакции — это уже не тот сермяжник 1861 г., который не имел ни политической закалки, ни ясного сознания своих интересов, не понимал устремлений врагов, не видел подлинного пути к освобождению. Крестьянин 1907—1910 гг. — это уже борец, прошедший школу первой народной революции, имеющий надежного и высокоорганизованного союзника в лице рабочего класса во главе с партией большевиков. Это весьма важный фактор; без него нельзя правильно понять происшедшего в годы реакции со столыпинской реформой. Глубоко и проникновенно об этом сказал В. И. Ленин в статье «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «Нельзя «освобождать сверху» народ, который научился (и *учится* — на опыте помещичьей, III Думы *учится*) бороться снизу. Нельзя «освобождать сверху» народ, во главе которого хоть раз выступал революционный пролетариат»¹.

Провалилась и переселенческая политика царизма. Если в первые годы после царского указа приток людей в назначенные для переселения места систематически возрастал, то затем он замедлился, а вскоре и совсем прекратился. В 1906 г. была 141 тысяча пере-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 142.

селенцев, в 1907 г.— 427 тысяч, в 1908 г.— 665 тысяч, в 1909 г.— 619 тысяч, в 1910 г.— 316 тысяч, в 1911 г.— 183 тысячи. Весьма важно и то, что наряду с этим потоком развернулся противоположный — возвращение переселившихся в родные места, причем этот поток непрерывно возрастал. В 1906 г. было 4% «возвращенцев», в 1907 г.— 6, в 1908 г.— 6, в 1909 г.— 13, в 1910 г.— 36, в 1911 г.— 60%.

И в этом случае «ракообразное» развитие событий объясняется теми же причинами, что и крах политики разрушения общины. Да, собственно, и обособлять-то эти два явления нецелесообразно — они две стороны одной и той же медали, столыпинской аграрной реформы. Людям обещали золотые горы, молочные реки да кисельные берега, но посулы оказались лживыми.

Исстрадавшихся, претерпевших огромные мытарства людей встретили в новых местах не золотые горы, а монбланы несчастий. Вконец разорившиеся и измученные, они двинулись назад, унося с собой не только разочарование и огорчение, но и ненависть, лютую, неистребимую ненависть к царским палачам, и этот горячий материал они по возвращении дополняли к тому, которого и без того было много в каждой деревне, в каждом населенном пункте.

Как указывал В. И. Ленин, «...борьба с аграрным кризисом пятого года в России посредством переселений вызвала *отсрочку* кризиса лишь на самое короткое время и притом ценою несравненно большего обострения и расширения арены кризиса к переживаемому нами времени»¹.

Таким образом, столыпинская реформа не разрешила крестьянского вопроса о земле. Соблюдая директиву Совета объединенного дворянства — ломать надельное крестьянское землевладение в пользу старых и новых помещиков (т. е. кулаков), Столыпин поставил крестьянство перед лицом новых катастрофических трудностей. Его положение стало еще хуже и несноснее. Единственный вполне реальный результат столыпинской ломки, подчеркивал В. И. Ленин, — это голодовка 30 миллионов крестьян. Львиная доля земли по-прежнему оставалась в руках немногочисленного

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 104.

класса помещиков. В результате реформы резко ухудшилось положение малоземельных крестьян — бедняков и середняков. Усилилась лишь экономическая мощь кулачества.

Напуганное насмерть революцией 1905—1907 гг., царское самодержавие пыталось взять на себя решение объективно назревших задач буржуазной революции. Но практический результат его новых шагов оказался равным нулю. В старые мехи, как указывал В. И. Ленин, Столыпин стремился влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию. Крах столыпинской политики поэтому есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для него пути. Помещичья монархия Александра III пыталась опираться на «патриархальную» деревню и «патриархальность» вообще в русской жизни; революция 1905—1907 гг. разбила вконец такую политику. Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; эта политика также провалилась.

Столыпинскую аграрную политику В. И. Ленин назвал «последним клапаном» для царизма. У самодержавия было катастрофическое положение, и ему до зарезу была необходима отсрочка надвигавшейся развязки. Тогда царизм прибег к этому «последнему клапану» — столыпинщине. Открыв клапан, правительство немножечко выпустило чрезмерно скопившийся пар, грозивший разнести вдребезги «паровой котел» царского самодержавия. Часть обнищавших крестьян вышла из общины и, получив свои наделы в собственность, продала их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев. Часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и устроившись на хуторах или отрубках, создала более развитое в капиталистическом духе, чем прежде, хозяйство. В результате проведенного землеустройства кое-где была устранена особенно нетерпимая чересполосица и облегчена необходимая при капитализме мобилизация земли в более компактные массивы.

Такова та «отсрочка», которую предоставила царизму столыпинская аграрная реформа. Но умень-

шила ли она или увеличила общее количество противоречий и их остроту? Уменьшила или увеличила гнет помещичьих латифундий? Уменьшила или увеличила общее количество «пара»? На все эти вопросы В. И. Ленин дает отрицательный ответ. Она не устранила и не могла устранить аграрного кризиса в стране. Она не устранила и не могла устранить ни кабалы и отработок, ни тяжести и невзгод беспросветной жизни, ни голодовок крестьян, ни их безземелья и бесправия. Нужны были бы десятилетия и десятилетия страшных периодических голодовок, чтобы мучительно вымерли миллионы крестьян для «успеха» столыпинской реформы, для создания в сельском хозяйстве России буржуазного строя прусским, помещичьим путем.

Вполне понятно, что все это, вместе взятое, не могло не вызвать обострения противоречий и усиления классовой борьбы. Средневековые зубры призвали Столыпина для того, чтобы он потушил пожар в российской деревне и привел ее к умиротворению. Об этом неоднократно распространялся и сам обер-вешатель. По сути же дела, столыпинская политика все больше разжигала борьбу внутри крестьянства, подливала масла в огонь. Как указывалось в написанной В. И. Лениным резолюции V Общероссийской конференции РСДРП (1908 г.), «...такая политика обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне и ускоряет разделение деревни на ничтожное меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу»¹.

Ленинская оценка положения в деревне в годы реакции подтвердилась практикой борьбы масс. Крестьянское революционное движение в результате осуществления столыпинской аграрной реформы не только не уменьшилось и не ослабло, но, наоборот, еще больше расширилось и усилилось. С 1907 по 1910 г. число революционных выступлений крестьян возросло с 2577 до 6275. Помещики и кулаки, ободренные действиями Столыпина, надеялись, что «красный петух» перестанет гулять по крышам их строений. Но на-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7. Госполитиздат, 1954, стр. 196.

дежды оказались тщетными. Народный гнев, вызванный притеснениями, издевательствами и грабежами со стороны помещиков и властей, все больше и больше накапливался, постепенно превращаясь в активно действующую революционную силу. В воздухе все явственнее пахло новой революционной грозой.

Как показал В. И. Ленин, поражение первой русской революции обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей большевиков, не ошибочность их средств и приемов, как об этом разглагольствовали враги пролетариата, а недостаточную подготовленность и сплоченность революционных сил, недостаточную глубину и широту революционного кризиса. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что Столыпин и иже с ним с достохвальным усердием работали над расширением и углублением этого кризиса, который в новых формах и иным путем вызревал снова. В статье «Революция и контрреволюция» Ленин писал о том, что на почве, удобренной событиями 1905 и последующих годов, революционный посев даст вдесятеро лучший урожай.

Об этом же Владимир Ильич напоминал и в своей символически названной работе «На дорогу». Он беспощадно разоблачал нытиков и маловеров, нашептывавших рабочим и крестьянам: «Не идите туда, где были уже раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь!» Сознательные пролетарии, сознательные борцы, говорил он, призваны ответить этим дезорганизаторам: великие революционные войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные и опытом поражений.

Ленин вновь и вновь напоминал крестьянам о том, что путь к разрешению аграрного вопроса, к завоеванию земли и воли у них один и только один — революционная борьба против царя и помещиков в союзе с рабочим классом и под его руководством.

«У крестьян,— пишет В. И. Ленин,— нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти. Подготовка

сил пролетариата для такой борьбы, создание, развитие, укрепление пролетарских организаций,— вот в чем очередная задача РСДРП»¹.

Большевики не только раскрыли неизбежность провала столыпинской реформы и необходимость борьбы против нее трудящихся крестьян всеми силами и средствами, но и вооружили их конкретной программой разрешения аграрного вопроса. Эта программа, выработанная В. И. Лениным еще до первой народной революции, в дальнейшем развивалась и совершенствовалась им с учетом нового революционного опыта. В ней была определена линия партии в крестьянском вопросе и в период демократической революции, и в период пролетарской, и в годы социалистического строительства. Соответственно этим трем историческим этапам партия выдвинула три основных лозунга по крестьянскому вопросу, которые точно указывали движущие силы революционного процесса на определенном стратегическом этапе и их расстановку.

Первый лозунг большевистской партии по крестьянскому вопросу гласил: «Вместе со всем крестьянством, против царя и помещиков, при изоляции буржуазии, за победу буржуазно-демократической революции». Согласно этому лозунгу пролетариат должен был провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздать силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Этот лозунг действовал на всем первом стратегическом этапе, вплоть до победы Февральской революции.

Что касается того, как поступить с передаваемой в руки народа землей, то в этом отношении большевики отстаивали принцип национализации, превращения всей земли в собственность государства. Осуществление этой меры связывалось Лениным с демократической революцией, с доведением ее до конца и перерастанием в социалистическую революцию, с конфискацией помещичьих земель в ходе революционной борьбы крестьянства против помещиков. Ленинская программа призывала крестьян к действию, к захвату

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 77—78.

помещичьих земель, к созданию революционной власти в деревне в лице крестьянских комитетов.

Ленин не только ставил национализацию земли в неразрывную связь с конфискацией помещичьих земель, но выдвигал конфискацию во главу угла, на первый план при решении аграрного вопроса. Уничтожая остатки крепостничества, конфискация расчищала путь борьбе за социализм, обостряла борьбу внутри самого крестьянства, способствовала сплочению деревенской бедноты вокруг пролетариата.

Аграрная программа учитывала и то, что в дореволюционной российской деревне переплетались между собой две социальные войны. Одна из них — война всего крестьянства против помещиков, другая — классовая война внутри самого крестьянства, выражавшаяся в борьбе трудящихся масс деревни, и прежде всего бедноты, против кулачества. Поэтому партия заботилась не только о сегодняшнем дне революционного движения, но и о его завтрашнем дне, обращая особое внимание на сплочение трудящихся масс деревни вокруг рабочего класса, на создание самостоятельных организаций сельского пролетариата, на всестороннее разъяснение противоположности его интересов интересам деревенской буржуазии.

Наличие у большевиков строго выдержанной, научно разработанной, подлинно революционной программы в аграрном вопросе облегчило их борьбу против столыпинской реформы, помогало разоблачать всяческие козни царского правительства, спланировать под своим знаменем широкие массы. Они твердо и уверенно вели народные массы к победе над царизмом. В. И. Ленин писал:

«Никакая сила на земле не удержит наступления свободы в России, когда поднимется на борьбу масса городского пролетариата, отодвинет колеблющихся и предательских либералов, поведет за собой сельских рабочих и разоренное крестьянство»¹.

Предвидение В. И. Ленина оправдалось. Героическая борьба революционных масс России, руководимых большевиками, увенчалась великой победой в октябре 1917 г.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 423—424.

В. Ш И Р О К О В

БОРЬБА ПРОТИВ РЕАКЦИИ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

В 1910 г. в статье «Начало демонстрации» В. И. Ленин писал: «Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни»¹.

Наряду с наступлением в политической и экономической областях реакционеры всех мастей предпринимают наступление на идеологическом фронте. Страницы книг и газет захлестывает мутный и зловонный поток отречения от революции, излияние ливрейных чувств к царизму, глумление над прогрессивными идеями, над передовыми традициями народа, памятниками его культуры и общественной мысли. На авансцене общественной жизни подвизаются ярые мракобесы и великодержавные шовинисты. Бешеную активность развивает воинствующая поповщина. Широкое распространение получают ренегатские идеи, увлечение мистикой. Проповедуется отход от жизни, затворничество, индивидуализм, пессимизм, упадочничество, адюльтер. В то время как столыпинские каратели устраивали массовые расстрелы, реакционные писатели, публицисты, либеральная профессура стремились духовно растлить народ, вызвать в нем растерянность

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 72.

и панику, убить веру в революцию, вынудить покориться царским палачам.

Особенно яростным нападкам подвергался марксизм. Целая орава «модных» кадетских писателей и публицистов, ранее принадлежавших к «легальным марксистам», с видом знатоков стремилась доказать, что поражение русской революции означает поражение марксизма, которому следовали революционные силы, что марксизм несостоятелен и не следует принимать в расчет его идеи.

Идейное разложение затронуло и некоторых партийных литераторов. Часть партийной интеллигенции, и раньше занимавшая неустойчивые позиции в теории, выступила с «критикой» философских основ марксизма. Эта «критика» (а по сути дела, проповедь ревизионизма) велась не открыто, не прямо и честно, а под флагом марксизма. Поэтому она была особенно опасной, ибо могла сбить с толку недостаточно подготовленных и теоретически не закаленных в марксистском духе людей.

Все это выдвигало идеологические вопросы в деятельности партии на первый план, подчеркивало их особую важность в годы реакции. Требовалось дать решительный бой черносотенным и кадетским борзописцам, вскрыть несостоятельность и антинародный характер их литературных махинаций. Интересы партии диктовали необходимость объявить решительный и беспощадный бой ренегатству, мистицизму, поправлению высших идеалов свободы, чести и человеческого достоинства, служения родине, народу, революции. Мутному потоку реакционных помоев на идеологическом фронте требовалось поставить непреодолимый заслон, преградить ему путь к умам и сердцам трудящихся. Затхлой литературшине декадентских салонов нужно было противопоставить боевую и жизнеутверждающую партийную публицистику, зовущую не к смирению и покорности, а к борьбе с врагами народа, сохранению и укреплению революционных организаций, к трудной, полной героизма и самоотверженности работе по подготовке новой революции.

Тон в наступлении реакции на идеологическом фронте задали кадеты, выпустив в 1909 г. сборник «Вехи». Созданный рядом кадетских публицистов,

сборник этот носил сугубо политический характер, преследуя цель очернить революцию, доказать ее неправомерность, несоответствие «русскому духу». В нем выражались верноподданнические чувства кадетов, их благодарность царизму за подавление революции, их извинения за либерализм.

Кадетские публицисты выступили как злейшие враги материалистического мировоззрения, научного социализма. В ряде статей философского, правового и публицистического характера идейные вожди кадетов подвергли критике демократическую интеллигенцию, ополчались против демократического движения масс, усиленно проповедовали идеализм и религию. Проникнутые классовой ненавистью к марксистскому философскому материализму, веховцы отвергали передовую русскую материалистическую философию, боролись против партийности в литературе и искусстве. В статьях о русской интеллигенции они пытались осквернить революционно-демократические традиции великого русского народа, его замечательных представителей — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Они открыто противопоставляли им философов идеалистов и махровых реакционеров. Клевеща на русский народ, оплевывая борьбу масс за свободу, они изображали трудящихся в виде толпы, ведомой интеллигенцией. Проповедуя отказ от революционной борьбы, смирение и послушание, веховцы призывали интеллигенцию пойти на службу самодержавию.

Вокруг «Вех» разгорелась ожесточенная борьба. Они с восторгом были встречены всей реакционной печатью. Черносотенное «Новое время», октябристское «Слово», декадентский журнал «Весы» шумно приветствовали появление рьяных защитников реакции. Архиепископ Анатолий Волынский публично одобрил «Вехи». В ответ на это веховец кадет Бердяев также публично выразил признательность этому реакционеру в рясе. Мутной рекой текли на книжный рынок сочинения историков, экономистов, философов, публицистов веховского направления. Ученые приказчики буржуазии доказывали бессмысленность классовой борьбы, «экономический» вред стачек, невозможность социализма.

В. И. Ленин нанес сокрушительный удар по «Вехам» и веховцам. Он разоблачил контрреволюционную сущность этого сборника и охарактеризовал его как «энциклопедию либерального ренегатства»¹. В ряде своих статей и выступлений Ленин показал, что «Вехи» как нельзя лучше раскрыли антинародное нутро кадетов, их пресмыкательство перед самодержавием, их стремление стать могильщиками народной свободы. Как показал В. И. Ленин, сборник «Вехи» — это «крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»².

За демократическую литературу и искусство

Период реакции явился суровым испытанием для людей культуры. Художники, тесно связанные с народом или близко стоявшие к нему, выдержали это испытание и под руководством нашей партии включились в подготовку к новой революционной битве. Писатели, оторвавшиеся от народа, не выдержали этого испытания и переметнулись к декадентам, стали ренегатами.

В дооктябрьской русской литературе XX века довольно отчетливо выделялись три основных направления. Во-первых, пролетарская литература и ее виднейшие представители: А. М. Горький, А. С. Серафимович, Д. Бедный. Во-вторых, писатели критического реализма: В. В. Вересаев, А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. Н. Толстой. В-третьих, литература буржуазного упадка: Д. Мережковский, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, С. Соловьев и другие.

Распадение на эти три направления — явление социального порядка, отражающее глубинные процессы в русском обществе того времени, носившие острый и противоречивый характер. Вполне понятно, что борьба в обществе отражалась и на литературе, где также не было «мира под оливами». Но коль скоро действие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 168.

² Там же.

литераторов происходило на одной и той же арене, то не исключалось и взаимное влияние представителей различных направлений. Что касается того «шока», который вызвало в некоторых кругах интеллигенции поражение первой русской революции, то это отразилось главным образом на третьем направлении литературного фронта и проявилось прежде всего в широком распространении декадентства¹.

Свою деятельность декаденты начали с нигилистических выпадов против классической русской литературы, против высокой идейности, народности и реализма в творчестве великих писателей. Они вытащили на свет божий обветшалую и опрокинутую ходом исторических событий теорию «искусство для искусства», считая себя призванными обновить литературу. Их нередко поэтому называли еще и модернистами.

Все декадентские направления — символизм, акмеизм, футуризм и др. — были оторваны от народа и чужды ему. Ратуя за сверхособенные, никогда не виданные миром формы искусства, призванные «поразить» и «осчастливить» человечество, они на деле нередко производили на свет низкопробные в художественном отношении и нищие духом произведения на потребу реакции. Их вред состоял в том, что они стремились увести людей от реальной действительности в «заоблачный» мир символов. Все их творчество покоилось на идеалистических выкладках буржуазных и добуржуазных идеологов. Так, эстетика символизма была основана на идеалистической философии Канта. В кантовской философской концепции символистов привлекало учение о существовании не только земного бытия, но и особого непознаваемого мира, «вещи в себе». Задача искусства, по их мнению, и состоит в том, чтобы выразить этот нездешний, незримый мир символов с его таинственными причудами.

Страх перед революцией заставлял идеологов буржуазии бежать от жизни, от реальной действительности в призрачные, заоблачные миры. Поэтизация смерти становится одним из ведущих мотивов дека-

¹ Декадентство (франц. «декаданс» — упадок) — упадническое направление в литературе и искусстве. Под декадентством в широком смысле слова понимают всю современную буржуазную реакционную литературу и искусство.

данса. Смерть выступает как желанное избавление от земных тягот и противоречий, как средство приобщения к более привлекательному, чем живая действительность, потустороннему миру. Во многих произведениях декаденты изображают смерть героя как единственный «разумный» уход из действительности. Не было почти ни одного произведения, в котором дело обходилось бы без самоубийства. В романе Арцыбашева «У последней черты» самоубийц было столько же, сколько оставшихся в живых. Вся эта «поэзия» преследовала вполне определенные цели — мистические грезы и смерть нужны были в ту пору реакционерам для того, чтобы отвлекать людей от развернувшейся классовой борьбы. С другой стороны, проповедь смерти свидетельствовала о крайней духовной опустошенности, о бесперспективности буржуазного общества.

В поэзии ряда декадентов, особенно в стихах Ф. Сологуба, вырабатывается своеобразный «кладбищенский стиль». А. М. Горький, ведя решительную борьбу с декадентами, обличает эту «кладбищенскую поэзию». В «Русских сказках» он создал мерзопакостный сатирический образ поэта Смертяшкина. Мистика, мотивы увядания, проповедь пассивного отношения к жизни, крайний индивидуализм, требование освободить личность от оков «общественности» наполняли страницы выходивших в изобилии романов, повестей и стихов реакционеров от литературы.

Позаимствовав у реакционнейшего философа Ницше идею сверхчеловека, декаденты изображают этого героя стоящим над миром и презирающим его. Вот что писал, например, Бальмонт:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша,
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

Поэт у символистов — это гений, жрец, только он «посвящен» в сущность иного бытия.

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах...
(Сологуб)

Идеализм, субъективизм обусловили и особенности художественного метода символизма. Вместо обычных словесных выражений они прибегают к символам, которые доступны пониманию лишь «аристократов духа». Проповедь чистого искусства у декадентов была выражением стремления отгородиться от окружающей действительности, от острых классовых противоречий.

Реакционность декадентской поэзии глубоко вскрыл В. В. Воровский в своих статьях. Все содержание их творчества, отмечал он, «проникнуто одним призывом: бегите от общественной деятельности, от политики, от догм, программ и всевозможных «пут» к индивидуальной жизни, к торжеству плоти, к свободе от всякой обязательной морали и даже логики»¹.

Реакционная сущность символизма с особой резкостью проявилась в 1907—1910 гг. Появляются произведения с клеветой на революционеров. Революция изображается как темный, анархический бунт, обреченный на провал. В то время как тысячи революционеров гибли на каторге, в полицейских застенках, сохранив до последнего дыхания верность народу, буржуазная литература восхваляла предателей и провокаторов.

Одной из главных тем этой литературы был показ перерождения революционера, его отчаяние, пессимизм, отказ от дальнейшей борьбы. Так, в рассказе «Тьма» (1907 г.) Л. Андреев выступает с гнусной клеветой на революцию и революционеров. Герой этого произведения революционер, преследуемый полицией, укрывается в публичном доме. Какими же помыслами награждает Андреев своего героя, оказавшегося в этом непрезентабельном заведении. Увидев воочию грязь и пороки, этот «революционер», точнее, провокатор под маской революционера делает единственно разумный, с точки зрения Андреева, вывод — тьму жизни не разогнать, революционная борьба бессмысленна. Он поднимает тост в публичном доме: «Выпьем за то, девицы, чтобы все огни погасли. Пей, темнота... Если нашими фонариками не можем осветить всю тьму, так погасим же огни и все полезем во тьму».

¹ В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., Госполитиздат, 1956, стр. 181.

Нетрудно видеть, чей социальный заказ выполнял Андреев, выступая с этим пасквилем на революционеров. Это было прямым продолжением и дополнением той яркой клеветнической кампании, какую вели против революции и ее борцов черносотенцы.

Декадент Д. Мережковский призывал к нравственному рабству. «Чтобы не тронул медведь,— писал он,— надо лечь на землю и притвориться мертвым — не дышать, не двигаться, медведь обнюхает и отойдет. Так и с властью. Надо покориться ей, смириться до смерти — до того, чтобы почувствовать себя мертвым,— вот как лежит покойник во гробе с венчиком во лбу. Тогда власть перестанет быть страшной, и мы увидим в ней сквозь лик звериный лик Христа»¹.

Разве это голос подлинного писателя в лучшем смысле этого слова? Нет, это голос апостола кнута и виселицы, идейного прислужника столыпинских палачей. Не о прогрессе, не о разуме и свете для народа, не о раскрепощении его беспокоится он, а о том, как приспособиться к режиму столыпинской реакции, став безмолвным и безгласным трупом. Это выраженная литературными средствами рабская покорность перед диктатурой крепостников.

Те же мотивы звучат в романе Арцыбашева «Санин». Он ничего не видит и не хочет видеть в жизни, кроме своего «я». На место подлинных общественных интересов служения родине и народу (а в годы классовых бурь Арцыбашев примыкал к революции и ратовал за нее) Санин выдвигает рафинированный индивидуализм и эгоизм, сексуальность и половой разврат. «Моя жизнь,— лепечет этот «рыцарь» низменных страстей,— это мои ощущения приятного и неприятного, а что за пределами этих ощущений — черт с ним!»

Упадочничество, индивидуализм, забвение общественных интересов и долга перед народом, уход в узкий мирок личных переживаний — общая черта героев декадентских произведений. В унисон с ними звучала и литературная критика того времени. В ней не только не было ни тени осуждения этих вредных явлений, но, наоборот, раздавались голоса в их поддержку.

¹ Д. Мережковский. Соч., т. 15, М., 1912, стр. 68.

Было бы неправильно переоценивать роль всей этой смердящей и низкопробной литературы. В благоприятных для прогрессивных сил исторических условиях ее легко разоблачить и опровергнуть. Но нельзя забывать о характере периода, в который она появилась и буквально затопила книжный рынок. Любопытно, например, данные, собранные в порядке анкетного опроса в библиотеках ряда городов страны — Смоленска, Одессы, Пскова и т. д. Из опроса выяснилось, что наиболее читабельными авторами среди «светской публики» оказались Андреев, Арцыбашев, Вербицкая, Сологуб. Небезынтересно и то, каким тиражом издавались в ту пору книги подобных авторов. Книга Вербицкой «Ключи счастья», например, была издана тиражом в полмиллиона экземпляров. И это в царской России, где книгоиздательское дело было поставлено крайне слабо!

Литература декаданса была опасна и тем, что отравляла сознание молодежи, губительно действовала на малодушных и легковверных, надламывала психику, а иногда и вела к трагическим последствиям. Герои этих произведений находили последователей среди молодежи, выходцев большей частью из мелкобуржуазной среды. Поражение революции и наступление реакции вызвали в этой среде, особенно среди учащейся молодежи, разочарование в жизни и душевный надлом. В результате в ряде городов, особенно среди учащейся молодежи, прокатилась волна самоубийств.

В 10-е годы XX века в литературе выступают и футуристы — Бурлюк, Каменский, Хлебников и другие. Они надеялись влить живую воду в умирающее, одряхлевшее тело буржуазной литературы. Но крикливые заявления и антибуржуазная фразеология не мешали им обеими ногами стоять на почве декаданса. Провозглашая революцию в поэзии, футуристы шли в общей упряжке реакции против демократических и реалистических традиций русской литературы. Их литературная форма, эстетический принцип состояли в нарочитой грубости.

Футуристы поступали таким образом, чтобы их творения не укладывались в обычные литературные формы, стремились писать непременно иначе, чем другие, искусственно ломали и коверкали русский язык,

доходили до бессмысленности. Свои «произведения» они преднамеренно печатали на оберточной бумаге. Сборники снабжали крикливыми и претенциозными заголовками: «Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна», «Молоко кобылицы» и т. д. И это смакование грязи и грубости шло на потребу все тех же пресыщенных и развращенных буржуа. Они, в конечном счете, также играли отрицательную роль, ибо портили вкусы людей, создавали превратное представление об исторических завоеваниях нашего народа в области духовной культуры.

Политический облик декадентов виден и из того, кто их поддерживал материальными средствами. Они всецело оказались на обеспечении буржуазных меценатов, которые становятся и их душеприказчиками, законодателями художественных вкусов. Столь же показательно и установление ими тесных и непосредственных связей с веховцами. Они совместно создают религиозно-философское общество. В нем вместе с Булгаковым и Бердяевым деятельное участие принимают Вяч. Иванов, Гиппиус, Мережковский. Символисты и веховцы группируются вокруг журнала Струве «Русская мысль», где Брюсов становится руководителем литературного отдела.

Крупнейшие буржуазные дельцы субсидируют символистские издания — создаются издательства «Гриф», «Скорпион», журналы «Золотое руно», «Перевал». На деньги миллионера Рябушинского, например, был основан журнал «Золотое руно». Но, выдав денежки, Рябушинский потребовал от редакции журнала во всем соблюдать его волю. Сколь бесцеремонно обращался он со своими подопечными, видно из воспоминаний Брюсова. В одном из своих писем он привел подлинные слова Рябушинского, высказанные на одном редакционном совещании в адрес писателей. «Я вполне убедился, — сказал с ударением Рябушинский, — что писатели — то же, что проститутки, они отдаются тому, кто платит, и, если заплатить дороже, позволяют делать с собой, что угодно».

Конечно, далеко не все литераторы продавались за деньги, как об этом цинично заявлял пресытившийся миллионер Рябушинский. Однако здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина из статьи «Партийная орга-

низация и партийная литература»,» которая глубоко вскрывает зависимое от «денежного мешка» положение писателя, равно как и другого деятеля культуры, в эксплуататорском обществе. | «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей,— писал В. И. Ленин,— не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках* и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»¹. |

В. И. Ленин подчеркивал, что только правдивое, объективное изображение действительности делает художественное произведение ценным для общества. В укреплении позиций реализма, в развитии его теоретической основы важную роль сыграл гениальный философский труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Наголову разбив идеалистов, пытавшихся ревизовать диалектический и исторический материализм, В. И. Ленин отстоял не только чистоту марксистской философской мысли, но и развил ее дальше, обосновав теорию отражения, ставшую философской основой реалистического искусства.

Большое теоретическое и политическое значение в истории литературы имели статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом, напечатанные в связи с 80-летием со дня его рождения в 1908 г. и в связи со смертью в 1910 г., т. е. в обстановке острой борьбы с реакцией.

В своих статьях В. И. Ленин разоблачил правительственную и буржуазную ложь о Л. Н. Толстом.

* В источнике, по-видимому, опечатка; по смыслу следовало бы «в романах» (прим. ред. Полн. собр. соч. В. И. Ленина).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 103—104.

Самое главное в его творчестве, как показал Владимир Ильич,— это гениальное художественное отражение социальной ломки пореформенной русской деревни. Кричащие противоречия в творчестве Толстого явились отражением противоречий первой русской революции. Веховской спекуляции на религиозном учении Толстого В. И. Ленин противопоставил беспощадную критику реакционной толстовской проповеди «непротивления злу насилием» как одного из утонченных, а потому и более вредных проявлений религии. Вместе с тем В. И. Ленин высоко поднял Толстого, как великого художника слова. Владимир Ильич указал и коренные принципы в подходе к культуре прошлого, в оценке и использовании духовного наследия прошлого, подчеркнув с особой силой такие моменты, как классовость и партийность. Особенно рельефно Ленин выразил это в известном положении о «двух культурах» в эксплуататорском обществе — культуре демократической и культуре реакционной, эксплуататорской. Если прогрессивную культуру приемлет и развивает пролетариат, то реакционную он отвергает и решительно борется против нее.

Значение В. И. Ленина в создании эстетики социалистического реализма не ограничивается его философскими трудами и работами, затрагивающими вопросы литературы и искусства. Он пристально следил за развитием пролетарской литературы. Известно, например, с какой чуткостью относился В. И. Ленин к А. М. Горькому и какую огромную роль сыграл в его творческой судьбе. Владимир Ильич сразу заметил громадный талант Горького и принял все меры к тому, чтобы привлечь его на сторону рабочего класса. Когда Горький ошибался и отходил от марксистских позиций, В. И. Ленин взыскательно и в то же время весьма тактично поправлял его, деятельно помогал ему снова выйти на верную идейную дорогу.

Столь же заботливо относился В. И. Ленин и к другим писателям, чье творчество отражало интересы рабочего класса. Так, он обратил внимание на молодого в то время поэта Демьяна Бедного, сотрудничавшего в большевистской прессе. Несколько позже, в 1913 г., В. И. Ленин в одном из писем в редакцию «Правды» советует чутко относиться к Демьяну Бедному,

говорит о нем как о талантливом поэте пролетариата¹.

В борьбе за демократизм, народность и реализм русской литературы важная роль принадлежала партийной печати и марксистской критике. Выполняя указания В. И. Ленина, партийная печать систематически освещала на своих страницах вопросы литературы, все пристальнее привлекала ее внимание к освободительной борьбе народа. Партийная печать отстаивала и пропагандировала реализм, разоблачала попытки декадентов увести литературу с большой дороги искусства в тишь буржуазных салонов и затхлых мещанских богadelen. В газете «Новая жизнь», например, были опубликованы статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» и А. М. Горького «Заметки о мещанстве». В газете «Пролетарий» появилась статья В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции», в газете «Социал-демократ» — статья Г. Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой».

Вопросами литературы и искусства занимались и другие деятели марксистского рабочего движения.

Так, Г. В. Плеханов в статьях «Литературные взгляды В. Г. Белинского» и «Эстетические воззрения Н. Г. Чернышевского», несмотря на некоторые ошибочные взгляды, в целом отстаивал правильные положения революционно-демократической эстетики об искусстве как могучем средстве познания действительности и орудии изменения ее. В «Письмах без адреса» он обосновал материалистическое происхождение искусства. В статьях о Толстом, хотя и содержащих ряд противоречивых и неверных суждений, Плеханов отстаивал реализм, критиковал теорию «непротивленчества». Одним из первых он выдвинул идею о необходимости создания пролетариатом своей, социалистической литературы. В этой связи Плеханов не раз подчеркивал огромное значение творчества и деятельности А. М. Горького.

В создание марксистской эстетики внесли свой вклад и такие видные партийные публицисты и критики, как А. В. Луначарский, В. В. Воровский и

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 182.

М. С. Ольминский. Статьи Луначарского «Задачи социал-демократического художественного творчества», «Жизнь и литература», «О драматургии», статьи Воровского «Отцы и дети», «Базаров и Санин», «Лишние люди», «Раскол в темном царстве», «О Горьком», «В ночь после битвы», «О буржуазности модернистов», «В кривом зеркале» и др. утверждали принципы реализма в литературе, основы ее высокой идейности и художественности.

Например, после опубликования рассказа «Тьма» Л. Андреева и «Навыи чары» Ф. Сологуба талантливый критик-большевик Воровский в статье «В ночь после битвы» разоблачил этих литературных приказчиков реакции как мародеров, которые стремятся нажиться на поле революционной брани, оплевывая, втоптывая в грязь павших бойцов. «Сгущаются сумерки столыпинской реакции,— писал он.— Как после всякой битвы, поле битвы занимают мародеры, они рыщут по полю, они обкрадывают трупы бойцов, они оплевывают лучших людей эпохи. Ночь после битвы всегда принадлежит мародерам, и мародеры нагло и беззастенчиво распоряжаются на поле битвы». Оценивая роман Ф. Сологуба «Навыи чары», Воровский писал: «Эта претенциозная, бездарная во всех смыслах «творимая ерунда» не заслуживала бы ни малейшего внимания, если бы она не являлась характерным показателем общественной гнилости»¹. И дальше он показывает, что означает эта гнилость, т. е. разоблачает реакционный характер и антинародную направленность этой литературной бездарности.

Боролся Воровский с декадентской литературой и как сатирик. В газете «Одесское обозрение», где он сотрудничал, помещались его пародии на стихи декадентов. Так, осенью 1908 г. он напечатал пародийное стихотворение «Лягушка»:

Зеленовато-бесформенно-странная,
Мягко-холодная, мокрая, склизкая,
Ты для меня непонятно желанная,
Ты для меня отвратительно близкая...²

¹ В. В. Воровский. Литературно-критические статьи, стр. 169.

² Там же, стр. 339.

Прогрессивная литература развивалась и крепла в острой борьбе с «иудиной литературой», как назвала литературу декадентов дооктябрьская «Правда». Борьба эта принимала различные формы, но главный удар по врагу прогрессивные писатели наносили своими художественными произведениями.

Выдающаяся роль в борьбе с декадентами всех направлений принадлежала талантливому пролетарскому писателю, основоположнику социалистического реализма — А. М. Горькому. В эти годы он создает такие классические образцы художественного творчества, как пьеса «Враги», роман «Мать», ставший, по выражению Ленина, настольной книгой для каждого сознательного рабочего. В 1908 г., в разгул реакции, Алексей Максимович пишет статью «Разрушение личности», в которой обличает буржуазных философов и писателей, защищает от их растленного влияния литературу и народ. Разоблачая индивидуализм декадентов, он пишет о народе как единственном творце всех материальных и духовных ценностей.

В 1909—1910 гг. были напечатаны исключительно глубокие по своему социальному значению произведения А. М. Горького: «Лето», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» и др. В этих работах автор утверждал непоколебимую веру в победу рабочего класса, его светлое будущее. Гневно разоблачаются в них капиталистические хищники и их слуги из среды буржуазной интеллигенции, трусливые и своекорыстные мещане, приспособлявшиеся к условиям реакции.

Революционная страстность, партийность и высокая гражданственность литературной и публицистической деятельности Горького были направлены против реакции, против растленного веховского духа.

Все крепче становилась дружба великого писателя с великим вождем большевистской партии. Дружеская и принципиальная ленинская критика помогла Горькому преодолеть временные «богостроительские» заблуждения. В ряде писем Ленин подробно и обстоятельно посвящал Горького в курс борьбы большевиков с махистами и другими ревизионистами марксизма, обстоятельно разъяснял реакционную сущность их взглядов. Он всячески поддерживал Горького в его

борьбе с реакционными течениями в литературе, а также разоблачал любые козни, связанные с его именем или с его принадлежностью к социал-демократической партии.

В феврале 1908 г. Ленин писал Горькому: «Я тысячу раз согласен с Вами насчет необходимости *систематической* борьбы с политическим упадочничеством, ренегатством, нытьем и проч.»¹. Когда буржуазная пресса узнала об исключении группы Богданова из партии, то по почину газеты Рябушинского «Утро России» она начала смаковать эту, с точки зрения врагов большевизма, сенсационную новость: «Горького исключили из партии!» Тогда в декабре 1909 г. в «Пролетарии» была опубликована статья В. И. Ленина «Басня буржуазной печати об исключении Горького». Буржуазные газеты, отмечал он, стараются разжечь разногласия внутри партии, представить их в искаженном виде, ибо им хочется, чтобы Горький вышел из социал-демократической партии. Но эти старания были напрасны. «Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира,— подчеркивал Владимир Ильич,— чтобы ответить им иначе, как презрением»².

В ноябре 1909 г. В. И. Ленин писал Алексею Максимовичу: «Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы»³.

Но и в отношениях с этим великим писателем Ленин всегда оставался Лениным. Соблюдая такт и меру, уважая и ценя Горького-художника, он в необходимых случаях писал ему горькие и резкие письма, в которых сурово осуждал и критиковал его ошибки. В одном из писем Ленин прямо говорит, что «самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции. Все Ваше определение

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 133.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 153.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 220.

насквозь реакционно и буржуазно»¹. Однако и в этих письмах Владимир Ильич не ограничивался одной оценкой заблуждений Горького, а детально анализировал их и разъяснял подлинную материалистическую точку зрения на религию и бога. Дружеская критика Ленина помогла Горькому преодолеть противоречия в своих политических и философских взглядах. И как бы ни были ошибочны некоторые взгляды Горького, он всегда оставался верен партии, делу борьбы рабочего класса за свое освобождение.

Безмерны заслуги Горького в развитии пролетарской литературы, которая, несмотря на преследования реакции, травлю буржуазной прессы, яростные нападки декадентов, росла и крепла.

Сражение на поприще науки

Разгоревшаяся в годы реакции идеологическая борьба не могла не затронуть науки и общественной мысли. Прежде всего это проявляется в отраслях знания, так или иначе связанных с вопросами мировоззрения, а затем шаг за шагом втягивает в свою орбиту все отрасли знания. В эти же годы реакция обрушивается на передовую профессию и революционно настроенное студенчество. В высших учебных заведениях были запрещены студенческие собрания. Распустились научные и литературные кружки. Закрывались землячества. Прогрессивно настроенные студенты подвергались повальным обыскам. Изымалась политическая литература. Производились аресты. Широко практиковались массовые увольнения политически неблагонадежных профессоров и преподавателей. В студенческую среду засылались доносчики и провокаторы.

«Разгулялась рука Пуришкевичей,— писал М. С. Ольминский,— и началась ликвидация автономии университетов и студенческих организаций»². В ответ на разгул реакции и произвол царских властей, протестуя против намерения поставить работу высших учебных заведений под контроль жандармерии, представители

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

² М. Ольминский. Из эпохи «Звезды» и «Правды». Госполитиздат, 1956, стр. 50—51.

передовой прогрессивной научной интеллигенции покидали кафедры, прерывали педагогическую работу. Так поступили многие крупные, с мировым именем ученые, например К. А. Тимирязев и П. Н. Лебедев. Ряд известных ученых в эти годы ушел из Петербургского университета, Киевского политехнического института и других высших учебных заведений страны.

В период разгула реакции в науку, на университетские кафедры устремились идеализм и мракобесие. Реакционер П. Некрасов в курсе «Теории вероятности» пытался «математически» доказать необходимость самодержавия и православной церкви. Группа физиков выступила в 1906 г. со «Сборником по философии естествознания», в котором утверждалось, что философия, наука и религия имеют каждая свою особую область, но наука неизбежно заимствует многие понятия от религии.

Против реакционных идеалистических воззрений вели борьбу передовые ученые, продолжатели материалистических традиций русской науки. Исключительно важное значение в укреплении позиций материализма в русской науке того времени имела, например, деятельность И. П. Павлова. В декабре 1909 г. на общем собрании XII съезда естествоиспытателей и врачей в Москве он выступил со своей знаменитой речью «Естествознание и мозг». В этой речи, подводя некоторые итоги своей научной деятельности, Павлов показал, что, только порвав с идеализмом, физиология сможет дать естественнаучное объяснение деятельности мозга. На основе огромного экспериментального материала он обосновал свое учение о материальной основе психической деятельности человека и животных.

В эти же годы другой великий русский ученый — К. А. Тимирязев ведет непримиримую борьбу с открытыми и скрытыми врагами учения Дарвина, выступает против идеалистической философии Маха. Высмеивая английского физика мракобеса Лоджа, пытавшегося «научно» обосновать спиритизм (оккультизм), Тимирязев говорил: «Кому нужно это смешение науки с «оккультизмом», как не тем, кому необходимы подъем всего темного, возврат ко всем диким суевериям средневековья... кому нужен мрак, как не тем, кто на

мраке основывает всю свою силу?» Тимирязев выступает против реакции, за подлинную демократию и науку, служащую народу.

Ни полицейские преследования, ни разгул философской реакции не были в состоянии приостановить прогресс отечественной науки. Так, экспериментальные работы виднейшего русского физика П. Н. Лебедева оказали большое влияние на решение ряда принципиальных вопросов физики XX века. Русские химики Н. Д. Зелинский, А. Е. Фаворский и их ученики продолжали и развивали дальше материалистические традиции великого русского ученого А. М. Бутлерова, создателя теории химического строения вещества. Выдающийся русский ученый И. В. Мичурин открыл пути активного вмешательства человека в процесс образования новых форм живых организмов. Все эти и другие достижения передовой русской науки укрепляли позиции материализма в его борьбе с различными идеалистическими теориями и догмами.

Особые меры в эти годы реакция предпринимала к оживлению религиозных предрассудков, усилению влияния церкви на народные массы. Помимо нескольких десятков тысяч церквей и монастырей у церковников находилось 40 тысяч церковноприходских школ с 2 миллионами учащихся. «Закон божий» был одним из основных предметов и в светской школе. Церковники установили негласный надзор за учителями; свободо-мыслящих, по доносу попов, преследовала полиция. Примерно четвертая часть всей выходившей в России литературы издавалась церковью и подконтрольными ей издательствами. В годы столыпинской реакции заметно усилилась политическая роль православной церкви.

Мутная волна религиозности, упадничества и ренегатства на идеологическом фронте захлестнула и неустойчивые элементы социал-демократической партии. В их числе оказались такие литераторы, как Богданов и Базаров, примыкавшие к большевикам, и меньшевики Валентинов и Юшкевич. В соавторстве с другими ревизионистами они в начале 1908 г. выпустили книгу «Очерки по философии марксизма» — сборник статей Базарова, Бермана, Богданова, Гельфонда, Луначарского, Суворова, Юшкевича. В. И. Ленин назвал этот

сборник «Очерки против философии марксизма», ибо в нем подвергались ревизии теоретические основы марксизма — диалектический и исторический материализм и пропагандировалась реакционная идеалистическая философия Маха и Авенариуса — махизм — как «новейшее» направление в философии. Критика революционного марксизма в этом сборнике велась завуалированно, под флагом защиты марксизма, и поэтому была особенно опасна, так как могла ввести в заблуждение рядовых партийных работников. Часть сошедших с позиций марксизма интеллигентов (Богданов, Базаров, Луначарский) стала проповедовать необходимость создания религии (богостроители), пыталась примирить с ней марксизм.

А. В. Луначарский в своей книге «Религия и социализм» (1908 г.) попытался доказать, что нужно соединить социализм с религией, придать ему характер религиозного верования. По его словам, в социализм люди должны верить так же слепо и бездоказательно, как они верят в бога. В своих религиозных исканиях богостроители стремились «придать бóльшую эмоциональную широту марксизму» и тем самым якобы облегчить его пропаганду, сделать его более доходчивым для широких масс. Свою задачу богостроители видели в том, чтобы вскрыть религиозное содержание социализма, для чего они предлагали сбросить с него «ветхий плащ серого материализма».

Луначарский в статье «Атеизм», помещенной в ревизионистском сборнике «Очерки по философии марксизма», проповедовал культ человека, таящего в себе колоссальные «потенции», которые необходимо обожать и «представлять в венце славы для того, чтобы крепче любить их». Он давал следующее идеалистическое определение религии: «...религия есть такое мышление о мире и такое мирочувствование, которое психологически разрешает контраст между законами жизни и законами природы». Как видно из этого, точка зрения Луначарского мало чем отличалась от того, что защищали попы. Свою новую религию он называл религией труда.

Маркс научно доказал, что религия есть фантастическое отражение существующего мира. Луначарский пытался доказать, что нужно создать религию, кото-

рая является действительным отражением существующего мира. В статье «Атеизм» он писал: «...чудесная сущность социализма — это религиозный атеизм». Хотя здесь говорится об атеизме, сущность суждений Луначарского все равно оставалась поповской, ибо социализм объявлялся все-таки религией, хотя и «атеистической религией». Богостроители стремились представить дело таким образом, что они якобы занимаются богостроительством в интересах революции, что они создают новую, особую религию, в которой якобы нуждается пролетариат.

В. И. Ленин решительно выступил против богостроителей и богоискателей, против их стремлений внести религиозный дурман в рабочее движение. Он посвящает этому ряд статей. В их числе — «Об отношении рабочей партии к религии», «Классы и партии в отношении к религии и церкви», «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства». Как показывает Ленин, марксизм несовместим ни с какой религией, ни с каким суеверием. Не рабочему классу, а буржуазии нужно было обновить религию, чтобы сделать ее более приемлемой для масс. Поэтому политическая и социальная роль богостроительства — не помочь партии в прояснении сознания трудящихся, а затруднить это дело, преобразовать религию в более утонченное орудие одурманивания масс. В 1909 г. в газете «Пролетарий» В. И. Ленин помещает статью «Об отношении рабочей партии к религии». Он напоминает в ней слова К. Маркса о том, что религия есть опиум народа. При этом Владимир Ильич подчеркивает, что данное положение является краеугольным камнем всего мирозерцания марксизма в вопросе о религии. «Все современные религии и церкви, — писал В. И. Ленин, — все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса»¹.

Среди дворянской и буржуазной интеллигенции в период реакции получили широкое распространение идеи богоискательства — религиозно-философского течения. Его видные представители — Н. Бердяев,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 416.

С. Булгаков, А. Белый, Д. Мережковский, Н. Минский и другие — утверждали, что они хотят помочь трудовому народу «найти бога на земле», и проповедовали покорность, смирение, терпение.

Разоблачая идеологов богоискательства, В. И. Ленин подчеркивал, что они являются открытыми прислужниками самодержавия и капитализма, что в своих классовых интересах они предпринимают меры, чтобы «оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию»¹.

Известные колебания в вопросе о религии проявил и А. М. Горький. Под влиянием Луначарского и Богданова в 1908 г. он написал повесть «Исповедь», в которой пытался показать, что богостроительство является делом народа. В эти же годы Горький искусственно пытается противопоставить богостроительство богоискательству. Он пишет: «Богоискательство надобно на время... отложить,— это занятие бесполезно. Нечего искать, где не положено... Богов не ищут,— их создают, жизнь не выдумывают, а творят».

При всем уважении к великому пролетарскому писателю, В. И. Ленин не мог пройти мимо такого заявления. Прочитав эту статью, он написал Горькому: «Выходит, что Вы против «богоискательства» только «на время»!! Выходит, что Вы против богоискательства только ради замены его богостроительством!!

Ну разве это не ужасно, что у Вас *выходит* такая штука?

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего»².

И еще:

«Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,— идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу. Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 90.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 226.

значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной идеи* против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе и в России *всякая*, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции»¹.

Хотя богостроительство и богоискательство и не имели большого влияния в массах и получили распространение лишь среди сравнительно небольшой группы интеллигентов, тем не менее, учитывая большую социальную опасность этих течений, большевики вели с ними непримиримую борьбу. В июле 1909 г. на расширенном совещании редакции газеты «Пролетарий» был специально обсужден вопрос и принята резолюция «О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде». В этой резолюции отмечалось, что в атмосфере упадка общественного движения рост религиозных настроений в контрреволюционной буржуазной интеллигенции придал этим вопросам большое общественное значение, что отдельными социал-демократами делаются попытки связать с социал-демократией проповедь веры и богостроительства и даже придать научному социализму характер религиозного верования.

«Расширенная редакция «Пролетария» заявляет,— говорилось в принятом решении,— что она рассматривает это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях т. Луначарского, как течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс, и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет»².

Когда В. И. Ленин резко критиковал богостроительство Луначарского, тот попытался защищаться софистическими увертками. «Что вы на меня нападаете,— говорил Луначарский, обращаясь к своим критикам,— может быть, я заблуждаюсь». В ответ на это В. И. Ле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

² «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, стр. 222.

нин писал: «Впрочем, в «Очерках «по» философии марксизма» есть одна фраза, похожая на правду. Это — фраза Луначарского: «может быть, мы» (т. е., очевидно, все сотрудники «Очерков») «заблуждаемся, но ищем» (стр. 161). Что первая половина этой фразы содержит абсолютную, а вторая — относительную истину, это я постараюсь со всей обстоятельностью показать в предлагаемой вниманию читателя книге. Теперь же замечу только, что если бы наши философы говорили не от имени марксизма, а от имени нескольких «ищущих» марксистов, то они проявили бы больше уважения и к себе самим и к марксизму.

Что касается до меня, то я тоже — «ищущий» в философии. Именно: в настоящих заметках я поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное»¹.

Решительная, прямая и принципиальная постановка вопроса В. И. Лениным не оставляла никакого места для кривотолков. Она свидетельствовала и об озабоченности Владимира Ильича положением дел на философском фронте, и о его стремлении расчистить этот фронт от оппортунистической скверны, и отстоять чистоту марксизма. Решение этой задачи имело огромное значение не только для российского, но и для мирового пролетарского движения.

Это было тем более необходимо, что рабочий класс нуждался в вооружении его действительно научной марксистской философией, чтобы теоретически осмыслить опыт первой русской революции. В. И. Ленин в этот период подчеркивал, что «...теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается... всем объективным положением вещей в стране. Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное мирозерцание, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня»².

Разработка вопросов теории, вопросов философии в особенности, необходима была и в связи с новей-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 10—11.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 294.

шими открытиями в области естествознания. Развитие физики и других наук поставило ряд новых вопросов, на которые не могла дать научного ответа буржуазная философия. Так, открытие электрона и радиоактивности, показавшее, что атом делится, а химические элементы превращаются один в другой, ломало установившиеся в науке взгляды. Последователи австрийского буржуазного физика и философа Э. Маха стали утверждать, что «материя исчезла», философский материализм устарел, а диалектика — это «мистика». Поэтому необходимо было дать философское обобщение всего наиболее важного из того, что дали естественные науки за период после смерти Маркса и Энгельса.

В феврале 1908 г. В. И. Ленин начал работать над книгой, в которой решил дать бой врагам марксистской философии как в России, так и за рубежом.

Некоторые социал-демократы считали, что в условиях переживаемого партией кризиса нецелесообразно обострять внутрипартийную борьбу. Так, А. М. Горький уговаривал В. И. Ленина не выступать открыто против Базарова, Богданова и Луначарского. Ленин в марте 1908 г. писал Горькому: «Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточником мудрости Базарова, Богданова и К⁰), что книга их — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса»¹.

В статье «Марксизм и ревизионизм» В. И. Ленин показал, что ревизионисты выступали против марксистского материализма и диалектики, отрицали основные положения Марксовой политэкономии, отвергали идею классовой борьбы и диктатуры пролетариата, полностью скатились на позиции реформизма в политике.

В. И. Ленин провел огромную работу по изучению различных философских школ, достижений в области

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 151.

естественных наук, особенно в области физики и химии. Он обобщал опыт русского и международного рабочего движения. В результате колоссальной работы он подготовил и в мае 1909 г. опубликовал свой бессмертный труд «Материализм и эмпириокритицизм».

В чем же историческое значение этого произведения?

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» подвергаются всесторонней и уничтожающей критике новейшие ухищрения буржуазной идеалистической философии, излагаются и развиваются основные вопросы марксистской философии — о материальности мира, объективном характере законов природы и общества, диалектике, теории познания и т. д. В. И. Ленин показал, что Мах и его последователи, выдавая свою философию за новейшую, на деле восстанавливают идеалистическую философию ярого защитника мракобесия, английского епископа Беркли, жившего в XVIII веке.

Опровергая махистов, В. И. Ленин поставил перед ними в упор два вопроса: «Существовала ли природа до человека?», «Мыслит ли человек при помощи мозга?» — и показал, что учение махистов о вещах как комплексах ощущений ведет к такой точке зрения, согласно которой мир, природа, все люди существуют только в ощущениях самого философа. Высмеивая эмпириокритиков, утверждавших, что мозг не является органом мысли, что возможна мысль без мозга, Ленин назвал их философию безмозглой. Разоблачая махистов, В. И. Ленин доказал, что новейшие открытия естествознания подрывают не материализм вообще, а старый, механистический и метафизический материализм, старые взгляды и представления. «Современная физика лежит в родах,— писал В. И. Ленин.— Она рождает диалектический материализм»¹.

В. И. Ленин показал, что выход из тогдашнего кризиса в естествознании состоял в переходе физиков от метафизического материализма и идеализма к диалектическому материализму. Обобщив естественнонаучные открытия конца XIX и начала XX века, В. И. Ленин дал классическое определение материи как объектив-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 332.

ной реальности, существующей независимо от человеческого сознания и отображаемой им¹.

В борьбе с агностицизмом В. И. Ленин обосновал и развил дальше марксистскую теорию познания — об объективной истине, о соотношении между абсолютной и относительной истиной, о роли практики в познании. Он еще раз убедительно подтвердил важнейшее положение исторического материализма, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание, что определенные условия материальной жизни общества порождают определенные идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения.

В своем труде В. И. Ленин вскрыл классовые корни и социальное значение ревизионизма в философии. Он показал, что в борьбе философских направлений отражается идеология враждебных общественных классов, что между мировоззрением и политикой существует прямая и непосредственная связь, т. е. всесторонне развил и обосновал принцип партийности философии и науки вообще. Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» нанесла удар не только по русским махистам, но и по международному ревизионизму. На идеях этого гениального философского труда воспитывалось и воспитывается могучее поколение марксистов-ленинцев всех стран.

Таким образом, период реакции был характерен не только огромным напряжением и обострением борьбы на идеологическом фронте, не только широким размахом ее, поскольку она охватила все области духовной культуры, науки и общественной мысли, но и последовательным укреплением позиций большевизма, марксизма-ленинизма. Как ни старался царизм сокрушить нашу партию, какие удары ни обрушивал на нее, она оставалась непобедимой. Сила нашей партии, сила ее идеологии в том, что она выражает коренные интересы пролетариата и всех трудящихся, что она устремлена в коммунистическое будущее. А потому она обладает непобедимой мощью и неиссякаемой жизнеспособностью.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 276.

А. ШАПНАРИН

МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В ГОДЫ РЕАКЦИИ

После третьейюньского переворота

Черная ночь, спустившаяся над страной в годы реакции, была особенно тягостной в Москве и Подмосковье. Царизм с лютой яростью наносил удары по героям Красной Пресни и всем мужественным борцам Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., по всем самоотверженным участникам первой народной революции — жителям «второй столицы» государства. Столыпин и его черносотенные банды заливали кровью улицы и площади Москвы, тысячами истребляли людей без суда и следствия, громили организации трудящихся, сеяли смерть, произвол и насилие. Как и во всей стране, резко ухудшалось материальное положение трудящихся, широко применялись «черные списки», передача «по этапу» сведений об «инакомыслящих» и «неблагонадежных», издевательство и глумление над людьми. Душилась всякая свежая общественная и научная мысль, процветал аракчеевский режим в стенах учебных заведений, горели костры из книг, государственными установлениями всячески поощрялись «столыпинский галстук», зуботычины и нагайки полицейских, изуверские и изощренные действия жандармов.

Жестоко расправлялись царские сатрапы с партийными организациями Москвы и других промышленных центров Московской губернии. Еще за несколько дней до третьейюньского переворота начальнику губернского жандармского управления было

приказано начать подготовку к ликвидации революционных организаций рабочего класса. Вслед за роспуском II Государственной думы начались массовые аресты большевиков и революционно настроенных рабочих. Официальный мотив этого — не допустить политических демонстраций и забастовок протеста. В действительности преследовались далеко идущие цели — обезглавить большевистскую организацию, внести смятение и замешательство в ее ряды. По неполным данным, за период с июня 1907 г. по ноябрь 1910 г. Московский Комитет и Московский окружной комитет арестовывались полицией одиннадцать раз. Семь раз за это же время была арестована Исполнительная комиссия МК.

В результате массовых репрессий охранке удалось вырвать из Московской организации наиболее опытных и активных работников. В их числе И. Ф. Дубровинский, В. П. Ногин, М. И. Ульянова и многие другие.

1 июня 1908 г. была арестована часть делегатов партийной конференции Московской окружной организации. Окружной комитет на некоторое время выбыл из строя. В связи со сложившимися тяжелыми обстоятельствами было решено децентрализовать на время руководство всей партийной работой, перенеся центр тяжести ее на районные организации. Богородскую районную организацию возглавили Денисов, Жарков и Малахов; Егорьевской организацией руководили Г. П. Конин и И. И. Горшков; Николаевской — М. Т. Смирнов и В. И. Орлов; Савеловской — сначала Холмогоров, а затем Петухов; Серпуховской — Н. М. Триденцов; Трехдорожной — «Пермяк».

В конце 1908 г. Московская окружная организация подверглась очередному разгрому. Полиция арестовала секретаря Окружкома В. С. Потапова, членов окружной организации С. И. Балашова, П. В. Аникеева, В. В. Аникеева, В. Н. Манцева, А. В. Мандельштама, студента технического училища В. Г. Лобачева. Был разгромлен также находившийся в Милютинском переулке, в доме Чагина, подпольный склад с социал-демократической литературой (изъято около 140 пудов нелегальных изданий — книг, брошюр и листовок). Два других склада, один из которых нахо-

дился в здании физического института Московского университета, а другой — в Грибоедовском переулке, в доме Григорьева, полицией обнаружены не были. Члены Московской организации большевиков были преданы суду. Постановлением Московской судебной палаты (процесс 33 социал-демократов, проходивший 25 октября — 3 ноября 1910 г.) они были приговорены к каторжным работам или отправлены в ссылку. Некоторые из них умерли в тюрьме еще до рассмотрения дела.

Аресты отдельных партийных работников сменились разгромом целых районных собраний и районных комитетов. Осенью 1907 г. были арестованы участники Лефортовского, Сокольнического, Рогожского и Замоскворецкого районных партийных собраний, Бутырский и Железнодорожный райкомы партии. Был изъят весь состав Московского Комитета во главе с секретарем МК Любимовым (партийная кличка «Марк»).

Почти в это же время была разгромлена типография московской большевистской газеты «Борьба» — органа Московского и Московского окружного комитетов партии. Во время обыска в типографии были обнаружены и доставлены в департамент полиции 100 экземпляров программы Российской социал-демократической рабочей партии, обращение Московского Комитета к рабочим «Новое наступление капитала», резолюция МК «О военных организациях».

Изъятие полицией нелегальных изданий производилось повсеместно. На Николаевском вокзале было задержано и изъято свыше 9 пудов литературы, отправленной ЦК РСДРП из-за границы в адрес московских организаций.

Многочисленные аресты и жестокие репрессии, увольнение с заводов передовых рабочих, отход временных попутчиков — все это вызвало значительное сокращение численности Московской партийной организации: с 7500 человек в апреле 1907 г. до 1500 в конце 1908 г. В дальнейшем этот процесс стал еще интенсивнее. К 1910 г. Московская партийная организация насчитывала всего лишь нескольких сот человек. Московская окружная организация в 1905 г. состояла из 2 тысяч членов. К концу 1908 г. ее числен-

ный состав уменьшился до 500 человек. В середине 1909 г. в ней осталось лишь 260 членов партии.

Враг уже предвкушал полный разгром большевистских организаций. В начале 1908 г. об этом бахвалился, например, начальник Московского охранного отделения. В своем докладе директору департамента полиции он доносил: большевистские организации «настолько ослаблены, что не способны ни в настоящее время, ни в ближайшем будущем ни к каким выступлениям». Однако расчетам царской охраны не суждено было сбыться. Как ни старалась она разгромить Московскую партийную организацию, большевики продолжали действовать, непрерывно пополняя свежими силами свой руководящий центр. Это была одна из самых крепких, самых закаленных организаций ленинской партии. Верная своим революционным традициям, глубоко преданная делу рабочего класса, она беззаветно боролась за утверждение большевистской партийности, за разоблачение и разгром врагов, за превращение пролетарской Москвы в нерушимый оплот большевизма. После арестов Московский Комитет вновь восстанавливался, жил общепартийной жизнью и повседневно направлял деятельность местных организаций. Московские большевики отступали без паники, организованно, отходили с боями, стараясь сохранить и в то же время собрать воедино партийные силы, готовить новые кадры для грядущих боев с царизмом.

За партию, против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов

В Москве уже с весны 1908 г. меньшевики-ликвидаторы приступили к ликвидации партийных организаций. Они созывали рабочие собрания, на которых прямо призывали порвать с партией и создать некую культурническую и кооперативно-клубную организацию. В середине 1908 г. они создали так называемую Центральную инициативную группу. Такие же группы были созданы ими в некоторых районах Московской губернии, особенно в тех, где среди рабочих значительную прослойку составляли выходцы из мелкобуржуаз-

ной среды (бывшие ремесленники и крестьяне). Опираясь на эти инициативные группы, ликвидаторы повели антибольшевистскую работу, особенно в легальных обществах и клубах. Партия давно «разложилась», и никакие попытки «гальванизации» не могут вернуть ее к жизни — вот главная мысль, какую они стремились внедрить в сознание масс. С декабря 1908 г. меньшевики стали издавать в Москве журнал «Возрождение». На его страницах развернулась злобная травля большевиков.

В то же время стремление меньшевиков-партийцев сблизиться в практической работе с большевиками отмечалось и в Московской организации РСДРП. На своем собрании они выступили с протестом против раскольнической политики ликвидаторов, за сохранение нелегальной пролетарской партии. Как и в других местах, большевики поддерживали с ними контакт, что приносило некоторую пользу.

Большой вред партии и рабочему делу причиняли отзовисты, которые вели борьбу против Ленина и ленинской линии под прикрытием «левой» фразы. И хотя отзовизма как оформившегося самостоятельного течения среди рабочей массы не было, отзовисты представляли серьезную опасность. Своими сектантскими проповедями и действиями они отрывали партию от масс и ставили под угрозу само ее существование.

В Москве группу отзовистов возглавляли А. В. Соколов (С. Вольский) и М. Н. Лядов. Более или менее крепкие отзовистские гнезда были созданы ими в Замоскворецком районе. Здесь ими руководил В. В. Оболенский-Осинский. В группу отзовистов входили В. М. Смирнов, В. М. Фирсов, М. А. Зиновьев, Н. И. Бухарин, А. К. Маракушев (оказавшийся провокатором) и другие. Небольшая группа отзовистов существовала также в Рогожском районе.

В мае 1908 г. на общегородской конференции московские отзовисты выступили организованно, внеся резолюцию об отзыве думской социал-демократической фракции. Подобные взгляды находили поддержку в Иваново-Вознесенской, Орехово-Зуевской и других организациях. В июне 1909 г. отзовисты в Москве выступили против газеты «Пролетарий», требуя созыва конференции для избрания нового идейного

центра. Это требование было отвергнуто московскими большевиками. Орган МК «Рабочее знамя» подверг отзовистов резкой критике.

Московские большевики понимали, что думская деятельность социал-демократической фракции столь же необходима и важна, как и внедумская работа партийных организаций. На крупнейших заводах города рабочие высказывались за сохранение социал-демократической фракции в черносотенной Думе.

Н. К. Крупская в письме к В. В. Воровскому сообщала о непопулярности отзовистов в Москве и об уничтожающей критике, которую дала им московская большевистская газета «Рабочее знамя». «Отзовизм,— писала она,— отчитан так, что чудо»¹.

К концу 1909 г. в Московской организации был завершен в основном процесс разоблачения и изоляции отзовистов. Победа московских большевиков над отзовистами, ультиматистами и примиренцами имела исключительное значение.

Этот факт сейчас же привлек к себе пристальное внимание царской охраны, обеспокоенной упрочением большевистских позиций в Москве. Как сообщалось в одном из документов московской охраны, «Москва — оплот большевиков, действительно они здесь укрепились и в довольно значительной степени распространяют свое влияние. Ответственным организатором каждого района является большевик... Меньшевики — в загоне».

Решающее значение в разоблачении и разгроме отзовистов в Москве имели помощь и руководство В. И. Ленина. Своими письмами и статьями, напечатанными в «Пролетарии», он направлял деятельность московских большевиков на решительную борьбу с врагами партии справа и «слева».

В годы реакции, как и на предыдущих этапах, Московская партийная организация поддерживала непосредственную связь с В. И. Лениным. Это осуществлялось через отдельных партийных работников — учеников и соратников Ленина. Так, 10 февраля (28 января) 1907 г. активный деятель Московской партийной организации И. И. Скворцов-Степанов посетил

¹ ЦГАОР, ф. 102и, ед. хр. 5, ч. 831, 1909, л. 34.

В. И. Ленина в Куокалла (Финляндия) и информировал его о положении дел в Москве. Владимир Ильич дал ряд указаний о дальнейшей работе Московской организации.

Весьма любопытно одно из донесений начальника Московского охранного отделения в департамент полиции. Он сообщал, что 23 июля 1910 г. в «г. Москве, в квартире инженера-технолога Глеба Максимильяновича Кржижановского состоялось особо законспирированное собрание московских представителей верхов партии». На этом собрании было решено, что «Зинаида Павловна Кржижановская побывает в Париже и, связавшись там лично с известным ей Лениным», разрешит при его содействии ряд важных вопросов, связанных с деятельностью большевистских организаций Москвы и Московской губернии¹.

Несмотря на черносотенный террор и полицейские репрессии, в Москву и промышленные центры Московской губернии сравнительно регулярно доставлялись газеты «Пролетарий» и «Социал-демократ» и широко распространялись там. По указанию Ленина в сентябре 1909 г. в Москву из-за границы был доставлен большой транспорт литературы, включавший большевистские газеты, протоколы Лондонского съезда партии и другие важные материалы.

Большевики Москвы широко распространяли и отдельные произведения В. И. Ленина. Свидетельством этого являются, в частности, многочисленные конфискации ленинских книг в годы реакции. Например, во время массовых арестов осенью 1907 г. полиция очень часто изымала работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «К деревенской бедноте».

Огромную роль в идейной жизни партийных организаций Москвы и Московской губернии, в укреплении революционного мировоззрения большевиков сыграла знаменитая работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшая в свет в Москве в мае

¹ См. «Московский Комитет РКП(б) (Истпарт). Годы реакции (1908—1910)», 1925, стр. 255—256.

1909 г. Это было важнейшее событие в жизни Московской партийной организации. Она использовала это мощное теоретическое оружие в борьбе с врагами марксизма, распространяла книгу Ленина, изучала и популяризировала ее. Московские большевики оказывали помощь и ряду других большевистских организаций близлежащих и отдаленных губерний, городов и промышленных центров в ознакомлении с этим ленинским трудом.

Важную роль в укреплении Московской организации большевиков сыграли М. И. Калинин, И. Ф. Дубровинский, М. И. Ульянова, И. И. Скворцов-Степанов, А. И. Елизарова, А. В. Шестаков, А. С. Бубнов, Р. С. Землячка, Г. М. Кржижановский, М. Н. Покровский, В. П. Ногин и другие. В 1909 г. во главе ее стояли такие видные деятели большевистской партии, как Я. М. Свердлов и Ф. И. Голощекин.

Большое значение для сохранения и укрепления нелегальной пролетарской партии имела V Всероссийская конференция РСДРП, состоявшаяся в Париже в декабре 1908 г. под руководством В. И. Ленина. Конференция дала правильный анализ сложившейся обстановки и наметила тактику партии в период реакции. От Центрально-промышленной области на ней присутствовали два отзовиста-ультиматиста — А. В. Соколов (С. Вольский) и М. Н. Лядов.

Партийные организации Москвы полностью поддерживали решения конференции. Благодаря непримиримой борьбе большевиков против различных попыток ликвидировать революционную пролетарскую партию рабочие поняли суть ликвидаторов и отвернулись от них. Слово «ликвидатор» стало вскоре оскорбительным и бранным словом в рабочей массе.

На основе решений V конференции повсеместно проходила перестройка партийных организаций. Разрабатывался новый порядок выборов руководящих органов, создавались гибкие, оперативные, хорошо законспирированные партийные центры. Теперь члены Московского Комитета избирались не на общегородской конференции, как прежде, а на районных собраниях. Московскому городскому комитету, состоящему из представителей районов, передавались функции городской конференции. Новый порядок выборов Мос-

ковского Комитета, как писала газета «Пролетарий», обсуждался во всех районах и везде был принят.

На всех крупных предприятиях Москвы имелись построенные по принципу сочетания выборности и кооптации партийные ячейки, комитеты и группы. Фабрично-заводские ячейки объединялись подрайонами. В подрайонах проходили строго законспирированные партийные собрания или конференции. Ежемесячно созывался районный комитет, раз в неделю — исполнительная комиссия райкома. Для ограждения руководящих партийных органов от провала их состав всем членам организации не сообщался. Они знали только тех, с кем непосредственно были связаны при выполнении партийных поручений.

Аналогичное положение было и в Московском промышленном округе. Прошедшая в июне 1909 г. конференция Московской окружной организации РСДРП отметила, что на всех крупных предприятиях существуют численно небольшие, но прочные партийные ячейки и комитеты. Газета «Пролетарий» писала: «Всюду сохранились организации. Всюду идет самостоятельная работа»¹. Газета подчеркивала что на примере этой конференции отчетливо видно изменение состава партийных организаций: из 16 делегатов конференции 11 были рабочими.

Разумеется, сужение выборности, введение кооптации, нерегулярность созыва собраний, районных, городских и окружных партийных конференций имели свои отрицательные стороны: ослаблялась коллективность в работе, затруднялся контроль партийных масс над деятельностью партийных органов. Но эти недостатки в значительной мере нейтрализовались тем, что сохранялись выборные представители от заводских ячеек в районные комитеты и от районов — в городской и окружной комитеты. Сочетание выборности и кооптации давало возможность, с одной стороны, создать действенный и законспирированный партийный аппарат, а с другой — сохранить тесную связь между руководящими органами партии и фабрично-заводскими ячейками.

Важную роль в укреплении местных партийных ор-

¹ «Пролетарий» № 47—48, 5(18) сентября 1909 г.

ганизаций, в том числе Московской организации, сыграли решения расширенного совещания редакции большевистской газеты «Пролетарий», состоявшегося в Париже 21—30 июня 1909 г. Решительно осудив отзовизм-ультиматизм и богостроительство, разорвав с этими антибольшевистскими течениями, оно высоко подняло ленинское знамя партийности. Ленин указывал, что совещание придало бóльшую стройность и завершенность той политической линии, которая была разработана партией в предыдущий период. После V (декабрьской) конференции РСДРП 1908 г. совещание было новым шагом вперед по пути сплочения здоровых партийных сил и укрепления революционной марксистской организации в России.

Лидер отзовистов Богданов по решению совещания был исключен из большевистской организации. Позже он организовал своих немногочисленных приверженцев в антипартийную группу «Вперед» и снова повел борьбу против В. И. Ленина и революционной партии рабочего класса. Часть впередовцев навсегда отошла от партии (А. Богданов, Г. Алексинский, С. Вольский). Другие же, признав свои ошибки, вернулись впоследствии в ряды большевиков. В их числе А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский.

Возвратившись в Россию, участники совещания выступили с отчетами на партийных собраниях. Результаты работы совещания активно обсуждались и в большевистских организациях Москвы, а также промышленных центров Московской губернии.

Острую и принципиальную борьбу с отзовизмом вели первичные фабрично-заводские и районные организации Москвы. Центральный районный комитет Московской организации, например, обсудив на одном из своих заседаний вопрос о положении в партии, пришел к выводу, что вопросы партийного строительства относятся к числу первостепенных задач и что это строительство должно быть основано на следующих принципах:

- 1) создание крепкой нелегальной чисто рабочей социал-демократической сети партийных ячеек;
- 2) прочная связь рабочих партийных групп между собой и с партийными центрами;
- 3) создание вокруг партийных ячеек крепкой сети

легальных рабочих организаций, которые должны стать опорными пунктами систематической партийной работы;

4) использование всех легальных возможностей, в том числе и Государственной думы, для социал-демократической агитации в широких массах.

«В связи со всем этим ЦРК находит,— говорилось в решении райкома,— что работа ликвидаторов, с одной стороны, и отзовистов и ультиматистов, с другой, является вредной и губительной для социал-демократической партии. Как ликвидаторы с их стремлением ликвидировать наши нелегальные организации, с их речами на тему о заговорщицком характере подпольной работы, о нежелании большевиков строить широкие рабочие организации, участвовать на съездах и пр., так и отзовисты и ультиматисты, полагающие, что наша фракция в Государственной думе излишня и что ее следует отозвать, отрицающие, далее, на практике необходимость работы в легальных организациях и тем самым тормозящие ход нелегальной работы,— все они выражают собой течения внутри нашей партии, которые нам, в свою очередь, необходимо ликвидировать»¹.

В организационном отношении Московская организация в 1908—1910 гг. представляла собой законченное стройное целое. Москва была разделена на девять районов: Городской (он же Центральный), Лефортовский, Рогожский, Бутырский, Замоскворецкий, Пресне-Хамовнический, Сокольнический, Дорогомиловский и Железнодорожный. Каждый район, в свою очередь, делился на два — четыре подрайона. Во главе всей организации стоял Московский Комитет партии, выделявший из своего состава строго законспирированную Исполнительную комиссию, достаточно самостоятельную в своих решениях, но проводившую всю работу от имени Московского Комитета.

В зоне деятельности Московской окружной организации было девять районов: Богородский, Коломенский, Егорьевский, Николаевский, Савеловский, Серпуховский, Трехдорожный, Ореховский и Ярославский. Окружная конференция выбирала Окружной

¹ ЦГАОР, ф. 102, д. 5, ч. 16, 1910, л. 6.

комитет, который являлся руководящим партийным органом между конференциями.

В Московский окружной комитет входило по одному представителю от каждого района. Кроме того, в его составе находилось несколько профессиональных партийных работников (они же являлись пропагандистами и агитаторами, обслуживавшими все районы). В районе деятельности Окружной организации в 1907—1910 гг. было сосредоточено 1394 предприятия с 363 434 рабочими, в том числе десятки крупнейших заводов. По отдельным уездам Московской губернии рабочий класс был рассредоточен в таком порядке: в Московском уезде имелось 163 280 рабочих, в Богородском — 64 415, в Серпуховском — 22 969, в Коломенском — 20 313, в Егорьевском — 14 059, в Александровском — 13 779, в Бронницком — 11 973¹.

К числу наиболее крупных предприятий Московского округа с большой концентрацией рабочего класса и сравнительно сильной партийной прослойкой следует отнести: Высоковскую мануфактуру (6 тысяч рабочих), прядильно-ткацкую фабрику Зимина (4—6 тысяч рабочих), Коломенский машиностроительный завод (до 700 рабочих), чугунолитейные и кожевенные заводы в Николаевском районе, завод Зингера в районе Подольска.

Учитывая характер и особенности классового состава населения Москвы и Московской губернии, большевики сосредоточили центр тяжести своей работы на предприятиях, принаравливаясь, разумеется, к трудным условиям периода реакции, избирая соответствующие формы и методы своей деятельности. Они обобщали и доводили до сведения трудящихся опыт революции 1905—1907 гг., извлекая уроки из побед и поражений. Они вселяли в людей уверенность, что дело революции не погибло и никогда не погибнет, что за первой революцией грядет вторая, и готовили трудящихся достойно встретить новый революционный подъем.

Московские большевики развернули большую работу и по вовлечению лучших людей в большевист-

¹ См. «Московский Комитет РКП(б) (Истпарт). Годы реакции (1908—1910)», стр. 76.

скую партию. Уже сразу после третьиюньского переворота 1907 г. МК РСДРП в своем обращении к рабочим призвал их стать на смену тем, кого вырвали из пролетарских рядов полицейские власти. «Мы зовем вас в ряды Российской социал-демократической рабочей партии для продолжения непримиримой революционной борьбы,— говорилось в одной из его листовок,— мы зовем сплотить ваши силы под ее знаменем крепче, чем когда-либо, против сплоченной силы врагов рабочего движения, против организации всероссийских хищников, разоряющих и мучающих нашу родину. Только такую борьбою мы расчистим себе свободный путь к социализму»¹.

Это обращение МК, а затем и Окружкома дало свои результаты. Усилился приток рабочих в ряды ленинской партии. В Подольске на заводе Зингера, например, в течение года число членов партийной организации увеличилось с 30 до 80. Возрос численный состав партийных организаций на Центральной городской электростанции, на заводах Гужона, Смита, Гакенталья, на фабрике Манделя.

По совету В. И. Ленина московские большевики смело выдвигали к руководству организациями — легальными и нелегальными — новых людей из среды рабочего класса. Из рабочих вышли такие деятели, как В. Е. Левшин (Люшвин), Ф. Н. Быков, М. И. Тройнов, И. П. Петухов, Г. М. Максимов, С. И. Моисеев, А. М. Холмогоров, И. М. Буксин, Н. Д. Балакирев, И. В. Присягин, И. И. Галкин, Н. М. Голубев, В. Г. Шумкин, Н. К. Гончаров, Н. К. Коростелев. Это мужественные и самоотверженные борцы партии.

На высоте находилась постановка всей партийной работы в Москве. МК РСДРП имел свою типографию, где печатались нелегальные листовки, прокламации. Для осуществления агитации и пропаганды при МК были созданы специальные группы — литературная, лекторская, пропагандистская. Их деятельность не прекращалась и в самые трудные моменты. Она велась в кружках низшего, среднего и высшего типа. Изучались животрепещущие вопросы текущей поли-

¹ ЦГАОР, ф. 1741, № 8489.

тики и местной жизни, деятельность социал-демократической думской фракции, аграрный вопрос, международное рабочее движение. Не оставалась без внимания и идейная закалка коммунистов, освоение ими социологии, политической экономии и других вопросов марксистской теории. Некоторые из кружковцев изучали «Капитал» Маркса, выступали с рефератами по философским вопросам.

В марте 1908 г., в день 25-й годовщины со дня смерти К. Маркса, Московский Комитет выпустил брошюру и листовку об основоположнике научного коммунизма, призывавшие рабочих отметить этот день устройством собраний на заводах и фабриках. В специальном приложении к № 1 газеты «Рабочее знамя» была напечатана большая статья, посвященная памяти великого вождя пролетариата. «Через 25 лет после смерти Маркса,— говорилось в статье,— мы видим, какой удивительной силой прозрения обладал этот человек: железная поступь рабочих легионов слышится так ясно, как никогда раньше. Отдельный член великой пролетарской семьи с небывалой ясностью сознает, что его дело — дело международного пролетариата, дело всего человечества».

Школа рабочих-пропагандистов, агитаторские кружки, группы рабочих-литераторов, обслуживающие местные организации,— вот те формы работы, с помощью которых партийной организации удавалось воспитывать сознательных партийных работников из пролетарской среды, а с их помощью расширять и улучшать идейно-политическую работу.

Даже московская охранка обратила внимание на это. В марте 1908 г. она сообщала в департамент полиции: «В Московской партийной организации среди членов замечена сильная тяга к знанию. Помимо обычных явлений (спрос на литературу, хождение на лекции) замечено самовозникновение кружков. Случаев бегства из партии стало меньше, чем случаев прилива в нее новых членов»¹.

Через сохранившиеся нелегальные группы и кружки, а также через легальные рабочие организации большевики вели большую работу в массах, поддер-

¹ ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, оп. 9, ч. 5, д. 34, 1908, лл. 138—140.

живали тесную связь с рабочими. Уцелевшие легальные организации являлись как бы прикрытием для подпольной партийной организации и удобным средством связи с массами.

В. И. Ленин, говоря об укреплении партийных организаций в России, отмечал, что Москва и Петербург стоят в этом отношении впереди всех остальных центров. Высокую оценку деятельности Московской партийной организации давала и большевистская газета «Пролетарий». Она не раз указывала, что в московском пролетариате живы революционные стремления, что он создаст новый тип организации, правильно учитывая изменившиеся условия партийной работы. Как отмечала газета, меньшевики не встречали здесь никакого сочувствия. «При всех недостатках, неизбежных при данных условиях,— подчеркивал «Пролетарий»,— организация все же существует как цельный организм: функционируют районные комитеты, подрайонные, заводские комитеты, кружки и т. д.»¹.

В жизни Московской окружной организации важную роль сыграла партийная конференция, состоявшаяся 28—29 июня 1909 г. На ней присутствовали представители семи крупных уездов Московской губернии: Егорьевского, Коломенского, Нижегородского, Подольского, Савеловского, Николаевского и Ярославского. Были заслушаны доклады с мест и сообщения Исполнительной комиссии при Окружкоме. Обсуждены вопросы о профессиональных союзах и социал-демократической думской фракции. Докладчики с мест сообщили, что в уездах Московской губернии уцелели почти все организации, хотя они и сильно ослабли за годы реакции.

В начале сентября 1909 г., почти после двухлетнего перерыва, собралась очередная Московская окружная партийная конференция. Она целиком и полностью одобрила решения совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий». С глубокопринципиальных партийных позиций был осужден отзовизм. Это еще больше способствовало оздоровлению политической атмосферы в рядах московских большевиков. Газета «Социал-демократ» 22 июня 1910 г. сообщала, что в Мо-

¹ «Пролетарий», 1909, № 50.

сковской партийной организации окончательно изжиты отзовистские настроения.

Завоевание масс и подготовка их к новой революции

Таким образом, проводя ленинскую тактику борьбы на два фронта — против ликвидаторов, с одной стороны, троцкистов и отзовистов — с другой, московские большевики перестроили свою работу и сохранили нелегальные партийные организации в основных промышленных центрах. Во всей своей работе они основывались на глубоком знании законов общественного развития, на понимании конкретных условий классовой борьбы в России. Это давало им твердую уверенность в недолговечности третьеиюньского режима и неизбежности нового революционного подъема.

Даже в самые черные дни большевики не прекращали своей революционной работы в массах. Они настойчиво собирали и спланировали силы рабочего класса для новых битв с самодержавием, вселяли дух бодрости и революционной решимости в борьбе с врагами. Любой повод использовался для активизации сил трудящихся и их закалки в огне суровых испытаний.

22 ноября 1907 г. в Петербурге началось слушание дела социал-демократической фракции II Государственной думы. По призыву ЦК РСДРП в день царского суда над рабочими депутатами пролетариат Москвы вместе с пролетариями других городов России внушительно продемонстрировал свой протест против самодержавного произвола. В этот день забастовали почти все крупные предприятия Москвы и губернии.

В годы реакции центр стачечного движения переместился из Петербургского района, который шел впереди в годы подъема движения, в Центрально-промышленный район (Московская, Владимирская и Костромская губернии). Особенно мощным было стачечное движение текстильных рабочих. В 1907 г. оно продолжалось с неослабевающей силой почти непрерывно на протяжении всех месяцев. Стачками были охвачены крупнейшие предприятия текстильного центра. Областная стачка текстильщиков, начавшаяся в июле 1907 г., вовлекла 60—65 тысяч рабочих¹.

¹ См. «Очерки истории пролетариата СССР», 1932, стр. 227.

Движение было настолько мощным, что промышленники в ряде мест были вынуждены пойти на уступки. Партийные организации Москвы и Московской окружной организации работали с большим напряжением. В феврале 1908 г. забастовали 2550 рабочих текстильной фабрики Баранова (Владимирская губ.). 16 июля началась стачка 2540 рабочих бумагопрядильной фабрики т-ва Дербенева¹. В сентябре 1908 г. вспыхнула забастовка 2 тысяч рабочих на фабрике Щербаковых (Московская губ.)². Вскоре прекратили работу 4 тысячи пролетариев Раменской мануфактуры. В августе 1909 г. поднялись на борьбу тысячи ткачей на Прохоровской мануфактуре.

В ряде случаев рабочие прибегали к новым формам экономических стачек. Применялся, например, так называемый частный способ работы. В этом случае полностью работа не прекращалась, но станки пускались в ход лишь на короткое время, с тем, чтобы лишить фабриканта права применить закон об увольнении за неявку на работу.

Полоса мощных стачек прошла в Москве в связи с празднованием 1 Мая в 1908 г. По призыву Московского Комитета в это время бастовало около 70 предприятий. Общее число забастовщиков достигло 16 тысяч человек³.

Подготовка к празднованию 1 Мая в 1909 г. проходила в невероятно трудных условиях. Вновь были произведены массовые аресты большевиков и революционных рабочих. Свирепство охраны перед майскими днями приняло размеры невиданные. И тем не менее Московскому Комитету удалось выпустить тысячу гектографических листовок, подготовить и провести широкие выступления масс. Газета «Пролетарий» сообщила о праздновании 1 Мая в Москве: «Маевка прошла сравнительно удачно: бастовало 5 крупных механических заводов, масса мелких и все типографские предприятия. Газеты на второй день не вышли. Вообще настроение рабочих в этом году было очень бодрое»⁴. Всего 1 Мая 1909 г. в Москве, по данным

¹ См. «Очерки истории пролетариата СССР», 1932, стр. 227.

² Там же.

³ См. «История Москвы», т. 5, 1955, стр. 241.

⁴ «Пролетарий», 1909, № 45.

нелегальной большевистской печати, бастовало около 20 тысяч рабочих¹.

Вслед за маевками началась новая волна забастовок. Бастовали рабочие фабрик Жиро, Ветчинкина, Иванова, Дунаева, заводов Смирта, Гужона. Особенно крупной была двухдневная стачка на Прохоровской мануфактуре. 24 августа 1909 г. здесь прекратили работу 7 тысяч рабочих². Забастовки 1909 г. говорили о том, что рабочий класс снова накапливал силы, что большевики готовили эти силы для будущих, более серьезных схваток с самодержавием и буржуазией.

Московская организация большевиков была связана с Франко-русским заводом в Коломне, машиностроительным заводом в Мытищах, с Центральной электростанцией в Москве, с заводами Гужона, Гакенталя, Гутмана, Листа, с рабочими электростанции у Каменного моста и т. д. Уверенно набирали силы партийные организации Мытищ, Подольска, Серпухова. Активно действовали большевики Лефортовского, Сокольнического, Бутырского, Рогожского и других районов Москвы. Лефортовский районный комитет РСДРП, например, обратился к рабочим с открытым письмом, в котором призывал их к еще большему усилению партийной работы. «Теперь социал-демократическая партия стала сердцем и умом пролетариата,— говорилось в письме,— и уничтожить ее — значит уничтожить весь рабочий класс, что не удастся ни одному царю в мире, ни даже наиболее могучему владыке — капиталу, так как без нас, рабочих, он будет подобен дереву, с которого обчистят кору, по которой соки земли переливались во все его ветви. Наша Московская организация, как одна из самых старых, еще более неуязвима в этом отношении, так как пустила слишком глубокие корни в рабочую массу... Теперь на место каждого павшего со славой на своем посту работника немедленно кто-нибудь встает и с таким же успехом продолжает начатую прежде работу...

...Мы с гордостью можем сказать, что в трудные минуты мы не теряли головы, не прятались за чужие

¹ См. «Первое мая в царской России», 1939, стр. 312.

² См. «История Москвы», стр. 242.

спины, а энергично принимались за работу и находили в общественной среде и силы и средства для продолжения общего пролетарского дела»¹.

Лефортовский район по числу предприятий и занятых на них рабочих занимал ведущее место в Москве. Здесь были сосредоточены крупные механические, чугунолитейные, машиностроительные и другие заводы, на которых сосредоточивались тысячи пролетариев. Открытое письмо лефортовцев получило широкое распространение в Москве и за ее пределами, было напечатано в большевистской газете «Пролетарий».

В 1910 г. особенно оживилась работа в Московской городской партийной организации. Под ее руководством были проведены забастовки на Московском арматурном заводе Гакенталя, в типографии Кушнарера, на фабриках Воскоњьянца, Мандела и Райца, на заводе братьев Пономаревых, в механических цехах заводов Бари, Гана, Кавчуновского, Блинкова. Всего в 1910 г. в Москве зарегистрировано 23 забастовки с 10 973 участниками.

Постепенно изменился и сам характер забастовочного движения. В 1910 г. после длительной депрессии началось заметное экономическое оживление в стране. Забастовки проходили более организованно. На цеховых рабочих собраниях вырабатывались требования и выбирались уполномоченные для переговоров с администрацией. Это были первые ростки движения за легализацию рабочих организаций, признание их права на борьбу с предпринимателями.

Московская организация большевиков проводила революционную работу и среди крестьянства. Она беспощадно разоблачала грабительскую аграрную политику царизма, разъясняла, что рабочий класс самым непосредственным образом заинтересован в поддержке крестьянства, борющегося за революционный слом крепостнического землевладения, за национализацию земли, ибо только решительное уничтожение средневековых пережитков в экономике и политическом строе страны могло расчистить путь для свободного развития капитализма в сельском хозяйстве и создать

¹ «Пролетарий», 1909, № 46.

необходимые условия для развертывания классовой борьбы пролетариата за социализм. В прокламации «Закон 9 ноября 1906 г.», выпущенной в апреле 1910 г., Московский Комитет писал, обращаясь к крестьянам:

«Рос(сийская) социал-демократическая рабочая партия зовет всех недовольных к решительной борьбе с самодержавием и шайкой помещиков и капиталистов, грабящих и разоряющих народные массы. Только Российская социал-демократическая рабочая партия наиболее решительно выступает защитницей интересов революционного пролетариата и крестьянства и обнажает всю наглость правительственной политики... Крестьянская беднота может добиться земли лишь единственным путем отобрания без выкупа всех помещичьих, удельных, монастырских и казенных земель в пользу всего народа. Такой путь есть революционный, так как ни правительство, ни помещики добровольно земли не уступят, и, чтобы добиться ее, нужно решительно, в союзе с городскими рабочими бороться за свержение самодержавия и установление демократической республики»¹.

Рабочие поддерживали тесную связь с подмосковной деревней. Посещая почти каждую неделю родные места, они служили проводниками большевистских идей в среду крестьянства. Крестьяне Московской губернии, в свою очередь, часто сочетали свои революционные действия с выступлениями рабочих, с забастовками на заводах и фабриках Москвы и губернии. Стачки рабочих служили иногда как бы сигналом к началу выступлений крестьян против помещиков, царских чиновников и кулачества. Среди «вещественных доказательств», приобщенных к материалам следствия по делам арестованных в сельской местности, часто встречаются типографски или гектографически отпечатанные письма, большевистские воззвания и прокламации, обращенные к крестьянам. Передовые крестьяне не только читали обращенные к ним листовки и письма, но и помогали большевикам распространять их. Не случайно, что в 1910 г. в Московской губернии только сельскими старостами было вынесено 356 по-

¹ ЦГАОР, ф. 1291, Земский отдел, оп. 122, 1910, д. 68, лл. 80—80об.

становлений об аресте и штрафах за проступки, носившие политический характер¹.

При Серпуховском, Подольском, Егорьевском, Савеловском, Ярославском и других райкомах, входивших в Московскую окружную организацию, существовали особые партийные группы по работе в деревне. Связь партийных организаций с крестьянством, несмотря на свирепый режим реакции, была довольно тесная.

Московская организация большевиков настойчиво и последовательно боролась за солдатские массы. В конце 1907 — начале 1908 г. большинство военных организаций РСДРП в Москве было разгромлено жандармами, однако революционная работа в армии не прекращалась. В мае 1908 г. Московская общегородская конференция РСДРП приняла специальную резолюцию о Военной организации РСДРП, в которой признавалось необходимым изменить ее характер, упразднить «автономию» и полностью подчинить Московскому Комитету. Партийные работники частей гарнизона распределялись по районам и объединялись при них в военные группы. Представители районных групп составляли военный коллектив при МК.

Партийная организация часто обращалась к солдатам с листовками, разоблачая их политическое бесправие, а также казнокрадство и продажность царских генералов. Перед московскими большевиками стояла задача — так поставить работу в армии, чтобы она облегчала солдатам возможность понять их кровную связь с жизнью рабочих и крестьян. Партия призывала их с оружием в руках отстаивать народные нужды, решительно отказываться от участия в подавлении рабочих стачек и крестьянского движения.

В конце 1908 г. МК РСДРП выпустил листовку в связи с предстоящим призывом рабочих и крестьян в царскую армию. «Товарищи новобранцы,— говорилось в ней,— вступая в казармы, не забывайте оставленных на фабриках и заводах, в деревнях и селах своих братьев рабочих и крестьян. Связь ваша с ними пусть не порывается никогда... Не забывайте, что скоро снова

¹ См. В. Г. Казаков. Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в Московской губернии. Диссертация, стр. 391.

вспыхнет борьба и оправившийся пролетариат в союзе с революционным крестьянством, в союзе с революционной армией сломит все преграды и завоюет свободу».

В годы столыпинской реакции московские большевики проводили громадную работу по завоеванию легальных организаций рабочего класса и превращению их в своего рода укрытия для нелегальных организаций партии. Особое внимание было обращено ими на использование трибуны Государственной думы.

Как известно, думская социал-демократическая фракция не была однородна по своему составу. Наряду с большевиками, стойко и мужественно отстаивавшими интересы народа, в нее входили меньшевики вроде Чхеидзе и Гегечкори, которые мешали выполнению задач, поставленных перед думской фракцией партией рабочего класса. Ошибки и неудачи социал-демократической фракции, особенно в первый период ее деятельности, дали повод для выступлений отзовистов-ультиматистов, в том числе в Москве и некоторых других центрах Московской губернии.

Московские большевики дали бой отзовистам. Разоблачая ошибки социал-демократической думской фракции, они вместе с тем старались оказать ей конкретную помощь. Они разъясняли рабочим, что в ошибках фракции повинны меньшевики, предавшие интересы рабочего класса и трудового крестьянства. Критика и помощь большевистского центра во главе с В. И. Лениным, тесная связь с петербургскими и московскими рабочими, принципиальная позиция большевиков-депутатов внутри фракции помогли ей в значительной мере выправить свою линию. Поэтому в статье об итогах весенней думской сессии 1909 г. «Социал-демократ» дал положительную оценку деятельности фракции. Конечно, большевики не переоценивали значения черносотенной Думы. Она не нарушала всевластия царизма и помещиков, являлась ареной для сделок буржуазии с самодержавием, а пролетариату предоставляла только «маленькую трибуну». Тем не менее эту трибуну нужно было максимально использовать для разоблачения врагов трудящихся, для воспитания и организации масс, для подготовки новой революции.

Большевистская газета «Звезда» писала: «В эти мрачные годы реакции Дума была и есть наше главное орудие гласности. Во многих случаях она — единственная трибуна, с которой можно говорить о вопросах, изъятых из общественного обсуждения. Она — единственный уголок в России, где можно перед лицом всей страны подвергать критике произвол реакции»¹.

Наряду с Думой важной ареной борьбы большевиков с меньшевиками и отзовистами были профессиональные союзы. Наступившая реакция уничтожила большинство профсоюзов в Москве и Московской губернии. Помещения их были разгромлены и опечатаны, а должностные лица арестованы. Сумели уцелеть лишь отдельные союзы, пустившие глубокие корни в массах и создавшие свои кадры активных работников. Вот их-то и стремились использовать большевики.

По Московскому промышленному району (не считая Москвы) от прежних 102 профессиональных союзов, объединявших до 6 тысяч членов (начало 1907 г.), осталось только 5 профессиональных союзов с 300 членами в Иваново-Вознесенске и небольшие ослабленные профсоюзные группы в Твери, Туле и некоторых других пунктах². В Москве за период с 1907 по 1909 г. количество профессиональных союзов уменьшилось с 46 до 21³. На происходивших в присутствии администрации и агентов полиции рабочих собраниях, писали в «Пролетарий» из Москвы, запрещалось произносить такие слова, как «рабочий класс», «буржуазия», «забастовка», «славные прошлые годы» и даже просто «прошлые годы», на том основании, что эти слова напоминают рабочим о революции. Согласно приказу московского градоначальника, не только общие собрания, но и заседания правлений рабочих союзов должны были происходить в присутствии полиции.

Разрушая революционные профессиональные союзы, царские власти пытались создать в Москве и дру-

¹ «Звезда», 1911, № 14.

² См. «Московский Комитет РКП(б) (Истпарт). Годы реакции (1908—1910)», стр. 1.

³ См. «Очерки истории пролетариата СССР», 1932, стр. 232—233.

гих городах Московской губернии нечто вроде зубатовских организаций. С 1908 г. в Москве агентами царской охраны усиленно распространялась так называемая «Рабочая газета» Ушакова, главной задачей которой было отвлечь рабочих от политической борьбы, оторвать их от партии. Кое-где в Москве при участии провокаторов власти пытались создать свои «рабочие общества».

Революционные профессиональные союзы в Москве вновь возникли и окрепли под руководством ленинской партии. Ленин писал, что марксисты «не случайные гости в рабочем движении. Они знают, что раньше или позже союзы все будут стоять на марксистской почве. Они уверены, что будущее принадлежит их идеям»¹.

Московский Комитет строил свою работу в профсоюзах на основе решений Лондонского съезда партии. Как указывал съезд, основной задачей социал-демократической работы в профсоюзах является содействие признанию ими идейного руководства партии и установлению организационной связи с ней.

Разоблачая ликвидаторский лозунг «нейтральности» профсоюзов и попытки меньшевиков ограничить их деятельность исключительно узкоцеховыми интересами, большевики Москвы настойчиво боролись за идейное руководство союзами. Наряду с активизацией сохранившихся легальных союзов и организацией новых создавались нелегальные союзы как база для развития профессионального движения рабочего класса в новых условиях. При Московском Комитете РСДРП были созданы Центральная профсоюзная коллегия по руководству легальными профсоюзами и особая группа для связи с нелегальными союзами. МК выделял представителей и в Центральное бюро профсоюзов, которое возглавлял большевик П. Г. Смидович.

Московская организация также широко использовала для связи с массами рабочие кооперативы, представлявшие собой одну из форм экономической борьбы трудящихся. В апреле 1908 г. члены РСДРП приняли участие в 1-м Всероссийском съезде кооперативов в Москве. Социал-демократическая фракция съезда дей-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 358.

ствовала весьма активно, хотя среди делегатов съезда преобладали буржуазные элементы.

Большая пролетарская группа, представлявшая профсоюзы Москвы и всего Центрально-промышленного района, присутствовала на 1-м Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей, проходившем в Москве в апреле 1909 г. Большевики умело использовали Пречистинские общеобразовательные курсы, где в 1908 г. обучалось около полутора тысяч рабочих. Большевистскую пропаганду здесь вели О. А. Варенцова, Р. С. Землячка, А. В. Шестаков. Помогали распространению большевистских идей среди рабочих и культурно-просветительные общества.

Под влиянием рабочего класса в борьбу втягивалась демократически настроенная часть студенчества. В 1908—1909 гг. вспыхивали кратковременные забастовки, собирались сходки студентов Московского университета, Высшего технического училища и других высших учебных заведений Москвы.

Огромную роль в жизни партии в этот трудный период играла большевистская печать. В 1907 г. В. И. Ленин возобновил за границей выпуск большевистской газеты «Пролетарий». В № 21 «Пролетария» в статье «Политические заметки» призывным набатом прозвучали его мужественные и гордые слова: «Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами»¹. Это заявление Ленина, исполненное величайшей веры в силы партии, воодушевляло московских большевиков на упорную, самоотверженную борьбу.

Московские большевики предпринимали героические усилия для выпуска собственных легальных и нелегальных рабочих газет и журналов. После провала типографии «Великан» была организована новая типография в доме Еремеева по Лубянскому проезду. С 20 марта 1907 г. по февраль 1908 г. выходила нелегальная газета «Борьба» — орган Московского окружного и городского комитетов. В марте 1908 г. МК РСДРП начал издавать нелегальную большевист-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 420.

скую газету «Рабочее знамя», которая сыграла важную роль в укреплении Московской большевистской организации.

В Егорьевском районе в 1909 г. издавалась большевистская газета «Егорьевский рабочий», редактором которой был Г. П. Конин. Однако газета просуществовала недолго. Г. П. Конин по доносу провокаторов в ноябре 1909 г. был арестован и умер в тюрьме. Хамовнический райком Москвы выпускал в годы реакции газету «Рабочий», Пресненский — «Рабочее слово», Железнодорожный — «Паровоз» и «Подъем».

Хорошо было налажено в Москве издание большевистских листовок. К подготовке их текстов привлекались лучшие партийные силы. В состав литературной группы при МК и Московском окружном комитете входили М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, А. П. Голубков, В. М. Шулятиков и ряд других работников партии.

Через партийную и рабочую печать московские большевики несли в массы правду о самодержавном строе, будили классовое сознание трудящихся, открывали перед ними перспективу дальнейшей революционной борьбы, сплачивали их в армию грядущей революции. Руководимая большевиками печать пользовалась популярностью среди рабочих и распространялась далеко за пределами Москвы. «Большевистские газеты, — отмечала полиция, — раскупались сразу».

Таким образом, поражение революции не сломило Московской большевистской организации и руководимых ею пролетариев. Большевики являлись единственной организованной руководящей революционной силой. Подпольные организации меньшевиков развалились. Эсеры находились в состоянии идейного и организационного распада. Марксистская закалка, непоколебимая убежденность в грядущей победе революции, глубокая преданность интересам пролетариата, непримиримость к оппортунизму помогли большевикам Москвы справиться с огромными трудностями, отступить в порядке, сохранить боеспособные кадры. Умело сочетая нелегальную партийную работу с различными формами легальной деятельности, они расширили свои связи с рабочими массами, организовали их на борьбу против царизма и капиталистической эксплуатации.

Столыпинская реакция, как и предвидели большевики, оказалась недолговечной. После трех лет самого бесшабашного разгула черносотенной реакции народные массы снова начинают подниматься и спланиваться для активной революционной борьбы.

Уже в 1910 г. в Москве, как и по всей России, проявились явные признаки оживления революционного движения. Накопив огромный опыт работы в годы реакции, большевики сумели с честью выйти из тяжелых испытаний и во всеоружии встретили новый период борьбы, связанный с массовым революционным подъемом 1910—1914 гг.

III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ БОЛЬШЕВИКОВ

III Государственная дума была созвана в годы столыпинской реакции, после так называемого третьеиюньского переворота. Указом самодержца российского 3 июня 1907 г. была распущена (точнее — разогнана) II Государственная дума и назначены новые выборы — в III Думу.

II Государственная дума была послушным орудием царизма. В ней господствовали крепостники-помещики и верхушка буржуазии. Представителей от трудящихся было ничтожно мало. И тем не менее придворной камарилье даже эта царистская Дума показалась чересчур «революционной», ибо в ней время от времени раздавались голоса посланцев народа, особенно депутатов-большевиков. От руководителей II Думы требовали покончить с «крамолой» и выдать на расправу социал-демократическую фракцию. Но поскольку они не справились с этой задачей, постольку была решена и судьба самой Думы — ее прикрыли. Депутаты социал-демократической фракции были арестованы и преданы суду, а затем отправлены на каторгу и в ссылку.

Эта акция и вошла в историю под названием третьеиюньского переворота. Но ее следует понимать так лишь в условном смысле. У власти были и остались крепостники-феодалы, т. е., иначе говоря, коренным образом ничего не изменилось. Понятие «переворот» правомерно употреблять лишь в той связи, что указом от 3 июня 1907 г. царь фактически отрекся от своего собственного манифеста 17 октября 1905 г., изданного под давлением нараставшей народной револю-

ции. В манифесте провозглашалось, что новые законы могут издаваться лишь с согласия Думы. Но с Думой не только не посоветовались о новом избирательном законе, но и ее собственная судьба была решена одним росчерком пера диктатора-самодержца. Действия Николая Кровавого, как его по праву называл народ, показали, что означали на деле велеречивые утверждения царского правительства о «народной свободе», «народовластии», «народном представительстве», которые оно расточало направо и налево в связи с изданием манифеста 17 октября 1905 г.

Если и I и II Думу большевики называли «черносотенным парламентом», то III Дума была черносотенной втройне. Для того и был издан указ от 3 июня 1907 г., знаменовавший собой наступление столыпинской реакции, чтобы вытравить из сознания народа воспоминания о периоде «революционных бурь», сотрясавших до основания строй произвола и насилия. Если манифест 17 октября 1905 г. выражал период некоторого временного равновесия сил революции и контрреволюции, то закон 3 июня 1907 г. означал поражение народной революции и временное торжество контрреволюции.

В чем основной смысл нового избирательного закона? В резком усилении в Думе представительства помещиков и буржуазии и столь же резком сокращении числа депутатов от рабочих и крестьян и особенно депутатов от социал-демократической партии. При выборах во II Государственную думу один выборщик помещиками избирался от 2 тысяч населения, рабочими — от 90 тысяч, крестьянами — от 30 тысяч. Иначе говоря, помещики посылали в 45 раз больше, чем рабочие, и в 15 раз больше, чем крестьяне. При выборах в III Думу положение для трудящихся еще резче изменилось к худшему. Помещики избирали выборщика от 230 человек населения, рабочие — от 125 тысяч, крестьяне — от 60 тысяч.

Бельмом на глазу самодержавия были представители в Думе от трудящихся национальных районов страны. Отражая бедственное и угнетенное положение наций в царской «тюрьме народов», они проливали свет на позорную, ненавистную массам колонизаторскую политику самодержавия. Блюстители царизма

сделали из этого единственно «разумный», с сих точки зрения, вывод — до предела сократили представительство национальных районов в Думе. Польша вместо 37 депутатов, как было во II Думе, в III избирала только 14, Кавказ вместо 29 посылал 10, Средняя Азия не посылала ни одного своего представителя, хотя во II Думе от нее был 21 депутат.

Не только прогрессивные деятели, но даже «столпы самодержавия» усматривали во всем этом резкое поправление Думы.

Один из видных царских сановников, не раз удостоивавшийся министерских портфелей в правительстве «его величества», граф С. Ю. Витте был вынужден признать: «новый выборный закон исключал из Думы народный голос, т. е. голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным»¹.

С этим было связано и то, что III Государственная дума, как указывал В. И. Ленин, была менее фиктивной, чем I и II Думы, ибо она правильнее выражала соотношение господствовавших в то время классов, социальный характер государственной власти. Она была для царизма не только ширмой «парламентаризма», как ее предшественницы, но и одним из орудий угнетения трудящихся, поскольку она послушно штамповала все, что от нее требовало правительство. От этого, в свою очередь, зависел период жизнедеятельности Думы: она просуществовала весь положенный для нее срок, т. е. пять лет, и «скончалась собственной смертью», без разгона.

Выборы в III Думу принесли царизму то, на что он и рассчитывал, издавая новый избирательный закон. В общем числе 442 депутатов 171 место занимали черносотенцы, 113 — октябристы и родственные им группы, 101 — кадеты и близкие к ним группы, 13 — трудовики, 18 — социал-демократы и 16 — беспартийные². Как следует из этих данных, абсолютное большинство в Думе составляли две крайне правые партии: крепостники-черносотенцы и октябристы — партия крупной промышленно-торговой буржуазии. Из

¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, 1923, стр. 363.

² Здесь и на стр. 87 цифры даются по подсчету В. И. Ленина, проведенному им, когда 10 депутатов еще не были избраны.

432 голосов им принадлежало 284, т. е. 65,7%. Это большинство было главной опорой самодержавия в Думе.

«Это — твердыня,— указывал В. И. Ленин,— обеспечивающая правительству возможность в аграрной политике помочь разорившимся помещикам выгодно ликвидировать свои земли, обобрав при этом до нитки малоземельных крестьян, из рабочего законодательства создать орудие самой грубой эксплуатации пролетариата капиталом, в финансовой политике обеспечить сохранение главной тяжести налогов на плечах народных масс. Это — твердыня протекционизма и милитаризма. Контрреволюционный характер октябристско-черносотенного большинства не оспаривается никем»¹.

Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавного режима для черносотенно-октябристского большинства являлось вопросом жизни и смерти. И помещики, и крупные буржуа в основных и главных вопросах находили общий язык и действовали единодушно. Пережив смертельно опасные для них годы революции, помещики охотно шли на сговор и союз с крупной буржуазией. Не могла опомниться от вызванного вихрем революции шока и буржуазия, особенно ее верхние слои. Их представители также охотно шли на сговор с крепостниками. На этой основе и сложилось первое большинство в III Государственной думе. На него правительство опиралось при проведении наиболее реакционных законов и мероприятий.

Но в III Думе было и второе большинство — октябристско-кадетское, блок крайне правой и либеральной буржуазии, составлявший немного меньше половины депутатов — 214 из 432. Как и первое большинство, оно было контрреволюционным по своему характеру. И то и другое различными путями старались ту же завязать узел реакции: первое — безоговорочной поддержкой самодержавия, второе — сделками с правительством и призрачными бюрократическими «реформами», прикрывавшими антинародные, противореволюционные стремления буржуазии. И то и другое

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 141.

усердно «работали» над тем, чтобы сплести для народа сети покрепче да понадежнее, чтобы превратить эти сети в цепи.

Однако между первым и вторым большинством нельзя поставить знак равенства. При всем близком сходстве они не были тождественны. Интересы российского капитализма, хотя и грубо хищнического, паразитического, не мирились с безраздельным господством крепостнического землевладения. Обе родственные между собой социальные группы стремились отхватить себе кусок пирога побольше и пожирнее, и отсюда неизбежны были расхождения между ними в вопросах местного самоуправления и организации центральной государственной власти, в вопросах, связанных с развитием капитализма в России. Этим и пользовалось правительство в проведении своей эквилибристской, бонапартистской политики — политики двойной игры, опираясь в различные моменты то на одно большинство, то на другое. Не переставая быть диктатурой помещиков, царизм использовал октябристско-кадетское большинство в целях осуществления мероприятий, ускоряющих дальнейшее развитие капитализма, которым бешено сопротивлялись оголтелые крепостники, в особенности столыпинской аграрной реформе.

Второе большинство было выгодно царизму и для прикрытия фасада жестокой абсолютистской диктатуры «парламентской облицовкой». В этих целях усиленно использовались словоохотливые выступления кадетских краснобаев. Использовались и заграничные вояжи октябристско-кадетских «парламентариев». Этими поездками стремились создать на Западе впечатление о «благоденствии» и «умиротворении» России, якобы осознавшей «греховность» своих волнений в бурные 1905—1907 гг. и раскаявшейся в этом. Конечно, расчеты царских правителей и их лакеев не могли оправдаться в полной мере, ибо вести о диких зверствах столыпиных и пуришкевичей, несмотря на многочисленные преграды, распространялись по всему свету. Тем не менее нельзя и сбрасывать со счетов вредоносное воздействие этих акций верноподданнической русской буржуазии, усердно помогавшей царизму делать свое черное дело.

Как относились большевики к III Государственной думе? Вопрос этот получил всестороннее освещение в произведениях В. И. Ленина периода реакции, особое положение среди которых занимает статья «Третья Дума». Центральное место вопрос о III Думе занимал и в работе III, IV и V конференций РСДРП, основные документы которых (доклады и проекты решений) также написаны В. И. Лениным.

Большевики дали четкую и ясную характеристику социальной природы и классового назначения Думы, вскрыли антинародную направленность ее деятельности как органа контрреволюции, одного из воплощений бонапартистской политики царизма в период реакции. Они показали роль различных партий в Думе, а также преследуемые ими цели.

Весьма важно было решить вопрос и о том: участвовать или не участвовать большевикам и руководимым ими массам в выборах, идти или не идти в Думу? В. И. Ленин отвечал на этот вопрос положительно, хотя он, как никто другой, понимал всю мерзость Думы. Не было ли в этом противоречия? Нисколько. Было время, когда большевики занимали тактику бойкота по отношению к Думе, например к так называемой Булыгинской в 1905 г. Тогда эта тактика была вполне правильна, ибо революция шла в гору и участие в думских выборах могло заражать массы конституционными иллюзиями, отвлекать их от непосредственной борьбы против царизма. В годы реакции положение сложилось совсем иное. Революция потерпела поражение. Партия ушла в подполье, сосредоточила внимание на укреплении своей нелегальной организации. В то же время она старалась использовать и любую возможность для легальной работы, ибо иначе ей грозила опасность оторваться от масс, превратиться в замкнутую секту и тем самым обречь себя на гибель. Дума была одним из поприщ легальной деятельности партии, и ее нужно было использовать.

«Идти на участие в III и IV Думе был компромисс, временный отказ от революционных требований,— писал впоследствии В. И. Ленин.— Но это был абсолютно вынужденный компромисс, ибо соотношение сил исключало для нас, на известное время, массовую революционную борьбу, а для длительной подготовки ее

надо было уметь работать и *изнутри* такого «хлеба». Что такая постановка вопроса большевиками, как партией, оказалась вполне верной, это доказала история»¹.

Важен и вопрос о том, с какой целью нужно было идти большевикам в Думу, чем заниматься в ней, какую вести там работу. Меньшевики, например, шли в Думу для совместной с антинародными партиями «конструктивной» деятельности по подготовке конституционных «реформ». Наша партия не могла встать на этот путь, ибо это был бы обман народа и предательство его интересов. Она шла в Думу для разоблачения политики царизма и прислуживавших ему черносотенно-октябристско-кадетских партий, для пропаганды демократических и социалистических задач в предстоящей в недалеком будущем революции, для разъяснения широким народным массам полного несоответствия Думы интересам и требованиям народа. Что касается «законодательной» работы социал-демократов в Думе, за что ратовали меньшевики, то она, как заявлял В. И. Ленин, «явилась бы не только нецелесообразной», не только смешным донкихотством, но и прямой изменой пролетарским интересам. Она неизбежно привела бы социал-демократию к «принижению ее лозунгов, способному лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата»². Как подчеркивал В. И. Ленин, большего преступления представители пролетариата в Думе не могли бы совершить.

СБОРНИК «ВЕХИ» — ЗНАМЯ БУРЖУАЗНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Период реакции характерен не только жесточайшим террором, но и разгулом махровых черносотенцев и их сообщников и пособников из рядов буржуазной контрреволюции на идеологическом фронте. Все было направлено на то, чтобы развенчать и охаять идеи революции, создать впечатление о торжестве и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 133—134.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 147.

незыблемости старого строя, посеять в массах неверие в свои силы, внушить им мысль о бесцельности и бесперспективности борьбы против царского самодержавия. Книжный рынок был заполнен грязной и низкопробной литературой, прославляющей столыпинский режим, возвеличивающей «добродетели» и «народолюбие» Николая II, поднимающей на щит ренегатство, предательство, упадничество, стремящейся пробудить в людях самые низменные зоологические инстинкты, раздуть межнациональную вражду и рознь, спровоцировать братоубийственные столкновения народов. Это был форменный тысячеголосый вой гиен черносотенно-октябристско-кадетской контрреволюции, еще не оправившейся в полной мере от смертельного испуга и шока, вызванных революционной грозой 1905—1907 гг. В нем слышались и звуки облегчения, и жажда мести «возмутителям спокойствия», и желание на время забыться, залечить «душевные раны», предаться физиологическим страстям, уйти в мистику.

В ряду смердящей литературной стряпни, распространявшей ядовитые испарения, едва ли не первое место принадлежало сборнику «Вехи», представлявшему собой «идейную исповедь» и знамя буржуазной контрреволюции. Написанный кадетскими публицистами Струве, Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Кистяковским, Франком и Изгоевым, сборник «Вехи» не вносил ничего принципиально нового в основную позицию буржуазии в революции. Она была и осталась контрреволюционной. Но «Вехи» вместе с тем и не буквальное повторение идейно-политических взглядов либеральной буржуазии, которых она придерживалась в период революции 1905—1907 гг. Тогда она свое контрреволюционное нутро прикрывала выставляемым напоказ «демократизмом», разыгрывая роль «парламентской оппозиции» царской власти, услаждая себя и надеясь ослепить трудовой народ конституционным краснбайством. Теперь на время маска была сброшена, и пред всеми предстал звериный оскал «народолюбцев» на словах, душителее народной свободы — на деле. Разумеется, и в «Вехах» не обошлось без социальной демагогии. Но все же в них явственно проступает холопствующая роль либералов по от-

ношению к царизму. Средневековые зубры не только вылезли на авансцену, но и наполнили сердца буржуа антиобщественными идеями, духом «отреченчества», «покаяния», «смирения» и «послушания».

Как указывал В. И. Ленин, «Вехи» — это сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию. Злобно ненавидя перепугавшую их насмерть революцию, пресмыкаясь перед самодержавной властью, кадеты призывают «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас («интеллигентов») от ярости народной». Приведя эту верноподданническую тираду, Владимир Ильич подчеркнул: она хороша тем, что «вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух «Вех». А «Вехи» хороши тем, что вскрывают весь дух *действительной* политики русских либералов и русских кадетов, в том числе»¹.

Сборник «Вехи» позорно знаменит тем, что представлял собой энциклопедию либерального ренегатства. Так охарактеризовал его В. И. Ленин. Три основные темы составляли содержание этой гнусной «энциклопедии»: 1) борьба с идейными основами всего мирозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения, особенно от революции 1905—1907 гг., и обливание ее помоями; 3) открытое провозглашение «ливрейных» чувств кадетов (и соответственной этим чувствам «ливрейной» политики) по отношению к октябристской буржуазии, к царской власти, ко всей старой России.

Кадетские борзописцы рьяно нападали на русских революционных демократов Белинского, Добролюбова, Чернышевского за их демократизм и призывы к народной революции. Под флагом неприязни к интеллигенции в целом они на самом деле атаковали и чернили ее революционно настроенную часть, и прежде всего тех из ее представителей, которые были наиболее тесно связаны с трудящимися массами. Иначе говоря, не на интеллигенцию нападали «Вехи», — это был искусственный прием, запутывающий существо дела. В действительности нападение велось по всей линии против революционных сил. В деятельности интеллигенции «Вехи» бранили именно то, что связы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 175.

вало ее с революционно-демократическим движением масс, что выражало интересы этого движения. Революционное движение и революционные идеи объявлялись не только ошибочными, не только тактически неуместными и несвоевременными, но и морально греховными. Это лейтмотив «Вех».

Под фальшивым флагом борьбы против интеллигенции они обвиняли революционных народников в «любви к крестьянству», а марксистов — «к пролетариату». Они бешено разносили революционную социал-демократию (опять же под именем «интеллигенции») за то, что эта, по их выражению, «подпольная секта» «вышла на свет божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно-влиятельной и даже реально-могущественной».

Стало быть, назвав «Вехи» сборником статей о русской интеллигенции, авторы этого наукообразного «труда» таким подзаголовком умышленно сузили действительную тему своего выступления, ибо «интеллигенция» изображалась ими в качестве духовного вождя, вдохновителя и выразителя интересов всей русской демократии и всего русского освободительного движения. Как подчеркивал В. И. Ленин, «Вехи» — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»¹.

Антиинтеллигентская направленность «Вех», следовательно, это своего рода камуфляж — прикрытие контрреволюционности либеральной буржуазии. Либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение масс, пока она не становилась знаменем революции, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она лишь помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие под руководством революционной партии рабочего класса осуществлять **свои** задачи, отстаивать **свои** интересы. Под прикрытием криков против демократической «ин-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 168.

теллигенции» война кадетов велась на деле против революционно-демократического движения масс.

Следовательно, ненавидя и презирая народную революцию и ее движущие силы, пресмыкаясь перед ее душителями, либеральная буржуазия вместе с тем старалась не сжигать дотла мостов, которые связывали ее деятельность периода реакции с эквилибристской политикой, политикой виляния, проводившейся ею в годы первой российской революции и к которой она, в сущности, возвратилась вскоре, как только стал развеиваться ядовитый дурман, окутавший смрадом Россию в первое время после поражения народной революции.

В этой связи небезынтересно отметить отношение к выходу сборника «Вехи» руководителя кадетской партии Милюкова. Впечатление демократической общественности страны от «Вех» было столь омерзительным, что главарь кадетов оказался вынужденным высказать формальное несогласие с вышедшим сборником и даже «покритиковать» его. Но это «несогласие» и эта «критика» не стоили и ломаного гроша. Милюков журил авторов «Вех» не за линию, не за содержание сборника, а за чрезмерную прямолинейность, за обнажение действительной, холопствующей роли партии либеральной буржуазии. Как отмечал В. И. Ленин, полемика с авторами «Вех» — притворная, пустая вещь, ибо на деле во всем существенном **вся** кадетская партия была «веховской». Милюков и К^о были недовольны **только** грубостью и открытым провозглашением верноподданничества кадетов, только тем, что веховцы портили дипломатию либералов, мешали им водить за нос отсталые элементы населения. Со временем это стали чувствовать и сами авторы «Вех», занявшись «подрумяниванием» сборника, особенно по мере того как все более проходило оцепенение, вызванное террористической деятельностью вешателя Столыпина и его кровавых дел подручных.

Самодержавное правительство не мешало такому ракообразному движению веховцев, их возврату на старые позиции, когда вперед выдвигалась социальная демагогия, фальшиво-обманные лозунги, а контрреволюционная сущность их политики, их прислужничество черносотенцам и октябристам завуалировались, за-

малчивались. Как указывал В. И. Ленин, царизм использовал в своей борьбе против сил революции не только «материальную палку» — виселицу и каторгу, тюрьмы и кнут, но и «идеологическую палку» — отравленное оружие лживой буржуазной идеологии. Своей фальшивой игрой кадеты действовали на пользу столыпинскому режиму. Наша партия раскрыла, что это было вполне закономерным в тех условиях явлением. «Пока существует класс землевладельцев-помещиков, — писал В. И. Ленин, — будут существовать и их публицистические приказчики: Изгоевы, Струве, Франки и К^о»¹.

Разоблачению «Вех» и «веховства», как идеологии контрреволюционной либеральной буржуазии, В. И. Ленин уделял первостепенное внимание, ибо они могли причинить большой вред делу рабочего класса и руководимых им трудящихся масс крестьянства, деятельности и самому существованию большевиков. Столыпин физически, полицейски, виселицей и каторгой разрушал нелегальную революционную партию рабочего класса; либералы делали то же самое проповедью веховских идей. Это было тем более опасно, что идейный разброд, шатания, ренегатство затронули и некоторые неустойчивые элементы социал-демократии.

Потресовы, даны, левицкие, аксельроды, мартовы и другие ликвидаторы, как и ликвидаторы наизнанку — отзовисты, наносили такой ущерб делу пролетариата, что на большее не рассчитывали и веховские, контрреволюционные либералы. Как отмечал В. И. Ленин, дух «веховщины», дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение социал-демократов, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности» и «аккуратности». Марксистской здесь осталась одна только фразеология, облекающая пронизанные насквозь либеральным духом рассуждения и действия. Иначе говоря, ликвидаторы, отзовисты, троцкисты, богостроители и богоискатели отразили в своих литературных выступлениях и в практической антипартийной деятельности дух «веховщины».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 117.

Все это показывает, что российская революционная социал-демократия не могла сделать и шага вперед, пока она не разоблачила веховской политики либералов и ее пагубного влияния, пока она не свела теоретических и политических счетов с ренегатами и изменниками делу пролетариата в своих собственных рядах. Это делало особенно важной борьбу большевиков на идеологическом фронте в период реакции. «Текущий момент» в России именно таков,— писал в ноябре 1908 г. В. И. Ленин,— что теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается не настроением тех или иных лиц, не увлечением отдельных групп и даже не только внешними полицейскими условиями, которые осудили многих на отстранение от «практики»,— а всем объективным положением вещей в стране»¹.

КТО ТАКИЕ ЛИКВИДАТОРЫ И ОТЗОВИСТЫ?

Ликвидаторы и отзовисты — оппортунистические группы в РСДРП, действовавшие в годы столыпинской реакции. В разной форме, с различных позиций и разными средствами они добивались фактически одного и того же — ликвидации нелегальной партии рабочего класса. И для одних и для других оппортунистов это было логическим продолжением их линии в период революционных битв 1905—1907 гг., что, в свою очередь, обуславливалось их социально-политической природой.

Наступление столыпинской реакции означало крутой поворот в жизни и деятельности партии. Период бурного революционного подъема, сопровождавшийся мощным натиском на самодержавие, потрясшим до основания царскую монархию, сменился периодом натиска контрреволюции, торжества ее над силами рабочих и крестьян, потерпевших поражение, вынужденных на время сложить оружие. Вынести это суровое испытание было не легко и не просто даже твердокаменным, закаленным в борьбе революционерам, непоколебимо стоявшим на марксистско-ленинских пози-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 294.

циях. Но ликвидаторы и отзовисты принадлежали к другого рода деятелям, которых поражение революции повергло в состояние полнейшей растерянности и протрации. Они не поняли или не хотели понять, что марксистская партия, оставаясь верной своим коренным принципам, целям и задачам, должна была изменить свою тактику.

Тактика наступления, проводившаяся в период революции 1905—1907 гг., должна была быть заменена тактикой отступления. В. И. Ленин особо подчеркивал впоследствии, что нельзя победить, нельзя сокрушить классового врага, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. И ликвидаторы и отзовисты мешали партии овладеть в совершенстве этой наукой побеждать.

Прежде всего и непосредственно ликвидаторы выступали в области организационных вопросов, рьяно добиваясь уничтожения нелегальных организаций партии, т. е. ликвидации ее как боевого, революционного авангарда рабочего класса, призванного вести за собой все организации трудящихся. Это был вдвойне вредный и злонамеренный акт, направленный, во-первых, на обезглавливание рабочего класса в труднейший период его борьбы с эксплуататорами, а во-вторых,— на лишение его роли гегемона, вождя народной революции. Еще в период, предшествующий V (Лондонскому) съезду РСДРП, меньшевики носились с идеей создания так называемой широкой, истинно рабочей партии (или попросту «беспартийной партии») на манер английских тред-юнионов. В годы реакции эта идея была обнажена до предела в своей противореволюционной, ренегатской сущности, как идея сдачи всех позиций контрреволюции.

Один из меньшевиков, профессор Рожков, разработал проект даже такого легального «рабочего» общества, которое получило бы разрешение столыпинского правительства. Это был неприкрытый переход на позиции контрреволюции. Но так действовали не все ликвидаторы. Многие из них, например Ларин, Ежов, Левицкий, Потресов, Мартов, поступали хитрее. Становясь в позу «беспристрастных» и «объективных» деятелей, они заявляли о том, что и ликвидировать-то, собственно, нечего, ибо-де никакой подпольной орга-

низации партии не существует, а воссоздавать ее бессмысленно, ибо якобы «настоящие люди в подполье не пойдут». Мартов представлял нелегальную партию в виде ничего не значащих «обломков», заниматься ликвидацией которых было бы «бессмысленным делом».

Этими утверждениями изменники рабочего класса стремились прикрыть свою разрушительную работу, которую они не прекращали ни на час. Они выступали за роспуск партийных ячеек, райкомов, горкомов. Они пытались парализовать деятельность ЦК РСДРП, доказывали его ненужность, целесообразность его ликвидации и замены безвластным Информационным бюро. Влиятельный среди ликвидаторов лидер Мартов цинично заявлял, что они (т. е. ликвидаторы) входят в ЦК «лишь для борьбы с ним» и для «шпионства за ним». Меньшевистские органы печати «Голос социал-демократа», «Наша заря», «Возрождение» и другие захлестывала мутная волна ренегатства, с их страниц изо дня в день раздавался погребальный звон по партии, которую они стремились похоронить заживо. Ленин сравнивал действия ликвидаторов с поведением дурачка Иванушки из русского эпоса, который в момент похорон кричал: «Таскать вам — не перетаскать». Обращаясь к лидеру ликвидаторов Потресову, Владимир Ильич писал: «Вы похожи, г. Потресов, как раз на того героя народного эпоса, который не совсем вовремя выкрикивает свои пожелания и свои мнения»¹.

Антипартийный характер носило и то ответвление ликвидаторства, которое не выдвигало нарочито вопрос о необходимости уничтожения партии, но усиленно добивалось превращения ее в так называемую классовую партию (классовую не в марксистско-ленинском смысле этого слова). В этом выражалось стремление превратить партию в ограниченную узкими рамками организацию, своего рода секту, изолированную от народных масс, лишить ее роли гегемона в общенациональной революционной борьбе, по сути дела, превратить из боевой партии социальной революции в мелко-травчатую, послушную царизму просительницу мизерных социальных реформ, которые ничего не могли

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 116—117.

изменить и ничего не могли дать рабочему классу. «Рабочий класс должен организовываться не для революции, не в ожидании революции,— писал меньшевик Ларин,— а для твердой и планомерной защиты своих собственных интересов во всех областях жизни». Словечки о «твердости» и «планомерности», призванные сыграть роль камуфляжа, в действительности не в состоянии прикрыть контрреволюционную наготу ликвидаторских «идей».

Прямее существо этих «идей» раскрыл меньшевик Череванин, в писаниях которого резко проявилось неверие ликвидаторов в революцию и революционные возможности рабочего класса. «Оглядываясь назад,— писал он,— нельзя не найти, что и ожидать от широкой массы пролетариата непрерывной революционной стойкости и отчаянного сопротивления натиску буржуазии мы не имеем никаких оснований». В этом утверждении отразились и клеветы на позицию пролетариата в революции 1905—1907 гг., и извращение его позиции в грядущих боях с эксплуататорами, и страх перепуганного и выбитого из колеи меньшевистствующего мелкого буржуа перед властью имущими.

Все это показывает, что ликвидаторы не только отреклись от нелегальных партийных организаций и повели рьяную борьбу за их ликвидацию, но полностью отреклись от революции, от марксизма, превратились в прямых подручных буржуазии, в одну из сил третьеиюньского столыпинского режима. Они отказались от теории марксизма, от программы РСДРП, от революционной стратегии и тактики, от идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата, от гегемонии пролетариата в борьбе трудящихся за демократию и социализм. Все это было на руку буржуазии. Осуществляя ренегатство во всех коренных вопросах, ликвидаторы фактически выступали как агенты и слуги буржуазии в рабочем движении. Разоблачая предательское поведение ликвидаторов, ставивших под удар само бытие партии, В. И. Ленин камня на камне не оставил от их лозунга: «Не гегемония, а классовая партия», вскрыв его контрреволюционную буржуазную сущность. «Брось думать о всем народе, о пуришкевичевщине во всей жизни, о голодовках крестьян, об отработках, барщине, крепостничестве — борись «за

легальность», за «свободу коалиций», как одну из реформ,— вот те *мысли*, которые воспитывает в рабочих *буржуазия*»¹.

Опасны для партии рабочего класса в годы реакции были и отзовисты, по существу близко примыкавшие к ликвидаторам, хотя по внешности они резко отличались от них. Ликвидаторы стояли за ликвидацию нелегальных организаций. Отзовисты — за работу исключительно в этих организациях. Ликвидаторы стояли за легальность и только легальность в деятельности партии. Отзовисты были решительно против легальности. Но эти на первый взгляд прямо противоположные точки зрения не выражали существа дела. В действительности ликвидаторы и отзовисты были родственны между собой. Не случайно их «теоретики» оказались в одной общей компании по ревизии философских основ марксизма, выступая даже в совместных сборниках антимарксистских работ. В. И. Ленин называл отзовистов ликвидаторами «слева», «ликвидаторами наизнанку» или «меньшевиками наизнанку». Это очень точное и меткое определение. Если ликвидаторы открыто и прямо добивались ликвидации партии, то отзовисты — в прикрытой и завуалированной форме. Они боролись против использования партией легальных возможностей, и прежде всего трибуны III Государственной думы, т. е. фактически добивались изоляции партии от масс, что было чревато для нее гибельными последствиями.

Во главе отзовистов стояли Богданов, Вольский, Алексинский, Луначарский, Лядов, Покровский, Бубнов, Шанцер (Марат). Отзовизм выступал в трех основных формах — бойкотизм, собственно отзовизм, ультиматизм. Перед выборами в III Думу и в ходе их проведения действовали бойкотисты. Их главная цель состояла в том, чтобы бойкотировать выборы, не допустить участия в них РСДРП. Когда эта тактика не возымела успеха и в составе III Думы появилась социал-демократическая фракция, выступили отзовисты, требуя отозвать социал-демократических депутатов из этого царского «хлева». Ультиматисты — разновидность отзовистов. Ленин называл их «стыдливymi

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 164—165.

отзовистами». Их отличие от отзовистов состояло только в том, что они предлагали отозвать социал-демократическую фракцию не сразу, а после предъявления ей ультиматума: «Либо депутаты будут действовать так-то и так-то, либо отозвать их». В конце 1909 г., после осуждения партией «ликвидаторов наизнанку», отзовисты, ультиматисты, а вместе с ними богостроители и богоискатели объединились в общую организацию — группу «Вперед», существо которой выражалось не этим демагогическим названием, а попятным движением в вопросах революции и партийного строительства.

Отзовисты изображали себя самыми ревностными и последовательными революционерами. На деле они были авантюристами и «вспышкопускателями». Они видели в своем лице «наиболее большевистских» большевиков. Но это был не большевизм, а карикатура на большевизм, его грубейшее извращение. «Отзовизм — не большевизм, — подчеркивал В. И. Ленин, — а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник»¹.

Грехопадение отзовистов прежде всего объяснялось тем, что они не понимали ни природы большевизма, ни коренных принципов его стратегии и тактики, ни основополагающих идей марксизма-ленинизма. Отсюда их мертвенный, догматический и сугубо формальный подход к явлениям жизни. Проявляя полную беспочвенность в этих вопросах, они пытались механически перенести лозунги, приемы, тактику, формы и методы революционной поры 1905—1907 гг. в новый период, когда обстановка в стране коренным образом изменилась. Они оказались совершенно беспомощными в вопросах марксистской диалектики и потому пришли к несуразным политическим выводам, наносившим большой вред делу партии. Ошибки отзовистов, таким образом, стали принципиальным отступлением от марксизма-ленинизма. Отзовизм, подчеркивал В. И. Ленин, — это «тактика хранения (в консервах) революционных слов 05—06 года вместо применения революционного метода к новой, иной обстановке, к

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 368.

измененной эпохе, требующей иных приемов и иных форм организации, эта тактика мертвая»¹.

Все это требовало от большевиков решительной борьбы против отзовистов, как и против ликвидаторов. Развертывая эту борьбу — борьбу на два фронта, — партия учитывала различное распространение данных оппортунистических, предательских по существу, течений в ее рядах. У меньшевиков ликвидаторство стало широко распространенной, можно сказать — повальной болезнью. В их рядах ликвидаторы составляли подавляющее большинство. Лишь незначительная группа сторонников сохранения партии подняла голос протеста и повела борьбу с этим злом, да и то не сразу после его появления. У большевиков было иное положение. В их рядах большинство составляли ортодоксальные, твердые и последовательные марксисты-ленинцы. Они занимали господствующее положение. В числе отзовистов оказалось ничтожное меньшинство лиц, никогда не понимавших по-настоящему марксизма мелкобуржуазных нытиков и маловеров. Их вредоносные идеи почти не затронули низовые организации партии, особенно на промышленных предприятиях. А там, где отзовизм и проявлялся, что главным образом было связано с ошибками думской социал-демократической фракции, он скоро прекращал свое существование благодаря разоблачительной деятельности Ленина и ленинцев, а также все умножавшихся уроков жизни. Они сразу же оказывались обезвреженными, а затем и отодвинутыми с арены политической борьбы. Многие местные партийные организации выступали с решительным осуждением действий отзовистов. В этом сказалось благотворное влияние непримиримой борьбы партии с оппортунизмом справа и «слева» с первых же лет ее существования.

Развертывая борьбу против ликвидаторов справа и «слева», большевики были твердо уверены в победе над ними. В. И. Ленин показал, что как ликвидаторское, так и отзовистское «уклонение» есть проявление буржуазного влияния на пролетариат. Поэтому разоблачение и изгнание их из партии означало очищение ее от скверны, укрепление ее идейных, политических

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 222.

и организационных позиций. Сообщая в письме А. М. Горькому о решениях Пражской конференции РСДРП, В. И. Ленин с удовлетворением отмечал: «Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами»¹.

ПАРТИЙНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ В ГОДЫ РЕАКЦИИ

Чрезвычайные трудности периода реакции не дали возможности провести в эти годы очередного съезда партии. Пятый съезд состоялся на заключительном этапе первой русской революции. Шестой проходил в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в годы реакции состоялись три важные по своему значению общероссийские партийные конференции, на которых обсуждались актуальные вопросы того времени. Решения и документы этих конференций сыграли важную роль в определении задач и тактики партии в 1907—1910 гг. Они помогли разоблачить подрывную деятельность меньшевиков-ликвидаторов. Они вскрыли несостоятельность позиции и «ликвидаторов наизнанку» — бойкотистов, отзовистов, ультиматистов. Политическое лицо этих конференций определяется выступлениями В. И. Ленина и написанными им проектами резолюций. Эти документы сыграли решающую роль во всей работе конференций, несмотря на то что противники марксизма-ленинизма рьяно сопротивлялись их принятию.

III конференция РСДРП (Вторая общероссийская) состоялась 21—23 июля (3—5 августа) 1907 г. в городе Котка (Финляндия), два месяца спустя после V (Лондонского) партийного съезда. Экстренность созыва конференции была связана с происшедшим в стране третьеиюньским переворотом и необходимостью определить тактику партии в условиях столыпинской реакции. В конференции участвовали 9 большевиков, 5 польских и 2 латышских социал-демократа, 5 меньшевиков и 5 бундовцев. Территориально помимо Польши и Литвы делегаты конференции представляли

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 44.

Центральную область, Кавказ, Юг, Донецкий бассейн, Урал. Ввиду крайне тяжелого положения в стране, вызванного наступлением реакции, многие крупные организации партии не смогли послать своих делегатов.

Основные вопросы конференции были связаны с выборами в III Думу. Обсуждался также вопрос о Всероссийском съезде профессиональных союзов. По вопросу о выборах в Думу выступили три докладчика — В. И. Ленин, А. А. Богданов (от бойкотистов) и Дан Ф. (от меньшевиков). Восторжествовала ленинская большевистская тактическая линия. Ее поддерживали также польские и латышские социал-демократы.

В. И. Ленин был фактически руководителем конференции. Благодаря решительной и последовательной борьбе Владимира Ильича, за которым шло революционное большинство конференции, домогательства меньшевиков и бойкотистов (Богданов, Каменев) не возымели успеха и были отклонены. Решения конференции были поддержаны местными партийными организациями — Петербургской, Московской, Саратовской, Уфимской, Центрального промышленного района и др. Главное, на чем конференция сосредоточила внимание низовых организаций на основе ленинских указаний — принять активное участие в выборах в Думу и использовать ее трибуну как легальную возможность для революционного воспитания масс и разоблачения врагов народа в лице царизма, черносотенцев, октябристов и кадетов.

IV конференция РСДРП (Третья общероссийская) была посвящена главным образом тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе. Она происходила в Гельсингфорсе (Хельсинки) в Финляндии 5—12 (18—25) ноября 1907 г. В работе конференции приняло участие 27 делегатов. В их числе: 10 большевиков, 4 меньшевика, 5 польских и 3 латышских социал-демократа, 5 бундовцев. В повестке дня конференции было три вопроса: о тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе; о фракционных центрах и укреплении связи ЦК с местными организациями; об участии социал-демократии в буржуазной печати. Решения IV конференции, как и III, были приняты в ленинском духе. Вместе

с большевиками по-прежнему шли польские и латышские социал-демократы.

В. И. Ленин выступал с докладом о тактике социал-демократической фракции в Государственной думе. Им же была разработана резолюция по данному вопросу. В этих документах получили дальнейшее развитие идеи Владимира Ильича, высказанные им на III конференции и в ряде ранее опубликованных статей. Ленин исходил из предпосылки, что объективные задачи российской революции не разрешены, что период наступившей реакции налагает на пролетариат и его марксистский авангард обязанность особенно твердо и последовательно, в противоположность всеобщему шатанию, отстаивать дело демократии и революции, которая не за горами.

Поскольку выборы в III Думу уже состоялись, то главным становился вопрос о характере деятельности в ней социал-демократической фракции. Основное, что подчеркнуто в ленинских документах,— использовать Думу в интересах революции. С этой целью социал-демократы были призваны во всех случаях противопоставлять правительственной и черносотенно-октябристско-кадетской точкам зрения свои демократические и социалистические идеи, задачи и требования, разоблачать и громить не только открытых приверженцев царизма из лагеря черносотенцев и октябристов, но и прикрытых, распомаженных кадетских кривляк, хамелеонов и двуликих янусов.

«Гвоздем» вопроса о Думе, по мысли В. И. Ленина, должно было быть выяснение трех следующих положений: 1) Каков классовый состав Думы? 2) Каково должно быть и будет отношение думских центров к революции и демократии? 3) Каково значение думской деятельности в ходе развития российской революции? Ленинская постановка вопроса о деятельности социал-демократов в Думе проводила «водораздел» между ней и оппортунистической деятельностью меньшевиков, шедших в царский черносотенный «парламент» для «органической», «законодательной» деятельности, пресмыкавшихся перед душителями народа, ценой предательства интересов трудящихся вымаливавших грошомые подачки у бюстителей столыпинского режима.

«Пролетарская партия стремится не к сделкам, не

к торгу с властью имущими, не к безнадежному штопанью режима крепостнически-буржуазной диктатуры контрреволюции,— говорил Ленин о позиции большевиков,— а к развитию всеми мерами классового сознания, социалистической ясности мысли, революционной решительности и всесторонней организованности рабочих масс. Этой принципиальной цели должен быть подчинен каждый шаг деятельности фракции»¹.

В. И. Ленин обращал внимание на необходимость полной подотчетности социал-демократической фракции партии и ее Центральному Комитету. «Мы не для дипломатии посылаем депутатов в буржуазные и буржуазно-черносотенные представительные учреждения,— указывал он,— а для особого вида подсобной партийной деятельности, для агитации и пропаганды с особой трибуны»². Эта принципиальная ленинская установка отражена и в резолюции конференции. В ней подчеркнуто, что думская социал-демократическая фракция работает под контролем Центрального Комитета и полностью подчиняется ему, что она использует Думу для противоправительственной агитации, сочетая ее с внедумской деятельностью в массах трудящихся.

Принципиально важный характер носило и решение конференции о фракционных центрах и укреплении связи ЦК с местными организациями. Она решительно выступала за укрепление единства партии на марксистской основе и осудила создание фракций. Было обращено внимание на необходимость усиления связи Центрального Комитета с местными партийными организациями с целью их скорейшего восстановления и укрепления. Этим наносился удар и по ликвидаторам и по отзовистам. На конференции было принято решение ускорить издание газеты «Социал-демократ», призванной стать центральным органом партии. Выпуск этой газеты был определен еще V съездом РСДРП, но долгое время срывался вследствие саботажнических действий ликвидаторов. Поэтому решение IV конференции было новым ударом по антипартийным гробокопателям.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 26.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 298.

При обсуждении вопроса об участии социал-демократии в буржуазной печати на IV конференции РСДРП также вскрылись две прямо противоположные точки зрения — большевиков и меньшевиков. В. И. Ленин отстаивал безусловную недопустимость политического участия в буржуазной печати, особенно в такой, которая прикрывается лживыми фразами о своей якобы беспартийности. Меньшевики стояли за такое участие. Они, в частности, активно подвизались в кадетской газете «Товарищ», обливая помоями и грязью революцию, марксистские принципы жизнедеятельности партии рабочего класса, холопствуя перед контрреволюционной буржуазией. Характеризуя это недостойное поведение меньшевиков, В. И. Ленин указывал, что не они использовали буржуазную газету «Товарищ», а она использовала их во враждебных делу революции целях.

V Общероссийская конференция РСДРП, именуемая также **Декабрьской**, проходила с 21 по 27 декабря 1908 г. (3—9 января) 1909 г. В работе конференции приняло участие 16 делегатов с решающим голосом: 5 большевиков, 3 меньшевика, 5 польских социал-демократов, 3 бундовца. На ней были представлены крупнейшие организации партии: Петербургская, Московская, Центрально-промышленной области, Кавказская, Уральская, а также Польская социал-демократия. В повестке дня конференции: отчеты ЦК РСДРП и местных организаций; современное положение и задачи партии; о думской социал-демократической фракции; организационные вопросы в связи с изменившимися политическими условиями; объединение на местах с национальными организациями; заграничные дела.

Важнейшим вопросом конференции явился доклад Ленина «О современном положении и задачах партии». Он же разработал и проект резолюции по этому вопросу. В обоснование и развитие положений доклада и резолюции Владимир Ильич впоследствии написал статью «На дорогу», которая была опубликована во втором номере газеты «Социал-демократ» 28 января (10 февраля) 1909 г. Он выступал на конференции также с речами о думской социал-демократической фракции, по организационному и другим вопросам.

В. И. Ленин высоко оценивал значение V конференции РСДРП. Он решительно заявлял о том, что она выводит партию на дорогу, представляет собой поворотный пункт в истории русского рабочего движения после победы контрреволюции. Анализируя бонапартистскую тактику царизма и установленный им режим жестокой столыпинской реакции, прикрываемый с внешней стороны призрачным и лживым «демократизмом» Думы, Ленин показал провал расчетов реакционных сил. Противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью буржуазной «конституции», как отмечал Владимир Ильич, выступает все яснее наружу, неся с собой элементы нового революционного кризиса.

Самодержавие хотели прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывала, разоблачала, обнажала подлинный характер царской государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм. Период деятельности III Думы представлял собой особый этап в разложении царизма, в усилении его авантюристичности, в углублении старых революционных задач, в расширении поприща борьбы и числа участников борьбы за эти задачи.

На основе анализа тогдашнего положения Ленин доказал непрочность и недолговечность кровавого столыпинского режима, неизбежность его крушения в недалеком будущем под ударами нараставшей революции. Напоминая о поражении первой русской революции, он указывал: «Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали — революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова»¹.

В. И. Ленин решительно разоблачал контрреволюционную политику кадетов и предательство меньшевиков, открыто отрекавшихся от революции, сеявших неверие в силы народных масс. «Пусть либералы и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 360—361.

растерявшиеся интеллигенты после первого действительно массового сражения за свободу падают духом и твердят трусливо: не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь,— писал Владимир Ильич.— Сознательный пролетариат ответит им: великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений»¹.

Исходя из реальной обстановки, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, V Общероссийская конференция определила и очередные задачи партии. Какие же это задачи? Разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия и гегемонии пролетариата в предстоящей борьбе; всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905—1907 гг., давшего незаменимые уроки, подтвердившие правильность революционной тактики большевиков; укрепление нелегальных организаций партии; всестороннее содействие экономической борьбе рабочего класса; использование Думы и думской трибуны в целях подготовки грядущей революции; сосредоточение внимания партийных организаций на длительной работе по воспитанию, организации и сплочению сознательных масс пролетариата.

Работа V конференции РСДРП проходила в борьбе на два фронта — против ликвидаторов и против отзовистов («ликвидаторов наизнанку»). По предложению В. И. Ленина она осудила ликвидаторство и отзовизм, призвала партийные организации к борьбе с ними. Это было одним из проявлений торжества ленинской линии в борьбе за партийность в тяжелые годы реакции.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ «АВГУСТОВСКИЙ БЛОК»?

«Августовским блоком» называется блок антипартийных элементов, сколоченный Троцким. Формально этот блок был создан на созванной Троцким конференции в августе 1912 г., то есть уже не в годы реакции, а в годы нового революционного подъема. Но по существу он складывался да и фактически сложился именно

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 360.

в период наибольших трудностей в партии, вызванных разгулом черносотенного столыпинского режима. Неслучайно и то, что создателем этого беспринципного блока явился Иудушка Троцкий, как его назвал тогда В. И. Ленин. Авантюрист и интриган, никогда не стоявший на строго марксистских позициях, не разделявший принципов партийности и глумившийся над ними, Троцкий как нельзя лучше подходил к этой предательской по существу роли.

В период, когда разгорелась острейшая борьба за партию, Троцкий занял центристскую позицию, рьяно проповедуя возможность сосуществования революционеров и оппортунистов в рядах одной партии. При этом, разумеется, он изображал себя особым, стоявшим «над фракциями» человеком, не озабоченным будто бы ничем иным, кроме борьбы за партийное единство. Но то «единство», за которое ратовал Троцкий, не имело ничего общего с действительным единством партии, строящимся на принципиальной марксистской основе. Прикрываясь флагом единства, он по сути дела звал к примирению с ликвидаторами справа и «слева». Худой мир лучше доброй ссоры — вот к чему, в сущности, сводилась его философия — философия предательства интересов партии, ставившая под угрозу само ее бытие как революционной организации рабочего класса. Троцкий повторял в российских условиях то, к чему давно прибегали его собратья на Западе — центристы во II Интернационале, запятнавшие себя пресмыкательством перед оппортунистами. «...Троцкий повел себя, как подлеший карьерист и фракционер..,— писал В. И. Ленин.— Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров»¹.

Флаг единства потребовался Троцкому потому, что стремление к единству было широко распространено среди входящих в партию рабочих, недовольных подрывными действиями ликвидаторов. Этим приемом центристы пользовались и в целях дискредитации действий подлинных борцов за единство партии — Ленина и ленинцев, разоблачавших и громивших ликвидаторов и отзовистов. Не забота о сплочении партийных рядов и будущности партии руководила действиями Троц-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 187—188.

кого и его немногочисленных сторонников, а стремление обелить, вывести из-под удара разрушителей нелегальных партийных организаций, ревнителей создания дозволенной царизмом широкой «столыпинской рабочей партии». Это, в частности, явственно или в завуалированной форме проступало на страницах издававшейся Троцким в Вене газеты «Правда». Она принижала значение происходившей внутрипартийной борьбы, обвиняла большевиков в ее обострении, награждая их ярлыками «несговорчивых» и «неуступчивых», без необходимости «драчливых» и т. д. Тем самым центристы стремились сбить с толку неискушенных в политике рядовых партийцев, подменить принципиальность беспринципностью, ослабить непримиримость к оппортунизму и фактически помочь ликвидаторам и отзовистам в их борьбе против партии и партийности.

В. И. Ленин неоднократно отмечал в своих произведениях, что «Троцкий группирует всех врагов марксизма», «объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад», что он стремится «сплотить всю пошлость вокруг себя»¹. Анализируя его деятельность, Владимир Ильич показывает, что «Троцкий ведет антипартийную политику...»². Звонкие фразы Троцкого о революции, подчеркивает он, служат на деле отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят ликвидаторы всех мастей. «И сей Иудушка,— пишет Ленин,— бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого»³.

В статье «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии» Владимир Ильич отмечал, что Троцкий и троцкисты вреднее любого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легче понять их ошибочность и вред, а господа троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, затрудняя тем самым разоблачение их действий. «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого,— резюмирует Ленин,— под-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 45—46.

² Там же, стр. 54.

³ Там же, стр. 96.

держивает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства»¹.

Троцкий выступил в роли адвоката ликвидаторов, злобно извращал большевизм. И хотя главарь российского центризма внешне старался выглядеть «сверхреволюционером», независимым ни от какой фракции, по существу, никто не заблуждался в том, на чьей стороне он находится, чьи интересы отстаивает и защищает, кого он считает «необходимой и ценной частью партии». Один из ликвидаторских верховодов, Мартов, например, недвусмысленно заявлял, что «сила вещей заставляет Троцкого идти меньшевистским путем», что он действует заодно с ликвидаторами против большевиков, занимая даже более «драчливую позицию», чем сами они. Вполне естественно поэтому, что вокруг Троцкого постепенно стали группироваться все антипартийные элементы. Они пошли на прямое заключение блока, когда оказались за бортом партии.

В противоположность состоявшейся в январе 1912 г. VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, очистившей партию от оппортунистов, Троцкий в августе 1912 г. созвал антипартийную конференцию, на которой были представлены жалкие осколки разгромленных большевиками антиленинских групп — ликвидаторов, троцкистов, отзовистов, богостроителей. На этой конференции и был создан троцкистский «августовский блок», названный так по времени созыва конференции. Еще задолго до оформления этого блока В. И. Ленин называл его авантюрой — авантюрой в смысле идейном, авантюрой в смысле партийно-политическом, авантюрой в организационном отношении. «Герой» лживой и трескучей фразы, Троцкий мог стать «героем на час», но не мог создать ничего действительно прочного. Сколоченный из разношерстных элементов, оторванный от рабочего движения, этот беспринципный блок не имел прочной основы в жизни и начал разваливаться уже в момент его создания. Через год он стал трещать по всем швам, а через полтора года полностью прекратил свое существование.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 320.

КТО ТАКИЕ МЕНЬШЕВИКИ-ПАРТИЙЦЫ И ПОЧЕМУ БОЛЬШЕВИКИ ПОШЛИ НА БЛОК С НИМИ?

Меньшевиками-партийцами называлась небольшая группа меньшевиков за границей и в России, которая, вопреки широко распространенному в лагере меньшевизма ликвидаторству, отстаивала позицию сохранения и укрепления нелегальной партии. Лидером этой группы выступал Г. В. Плеханов. Сложилась эта группа не сразу же после наступления периода столыпинской реакции, а спустя некоторое время, когда злонамеренная тактика ликвидаторов и причиняемый ими вред стали проявляться особенно резко.

Будучи не согласен с тактикой ликвидаторов, считая, что она способна загубить все дело российской социал-демократии, Плеханов встал на путь разрыва с лидерами этого антипартийного течения — своими бывшими соратниками из группы меньшевиков — и развернул борьбу против их разлагательской деятельности. В декабре 1908 г. он покинул редакцию меньшевистского органа «Голос социал-демократа», членом которой состоял. Он также порвал с редакцией многотомного меньшевистского издания «Общественное движение в России XIX века», проникнутого духом ликвидаторства и ренегатства. Возобновив издание своего нелегального органа «Дневник социал-демократа», он подверг в нем критике ликвидаторов и постепенно стал сколачивать вокруг себя группу сторонников сохранения нелегальной партии из числа меньшевиков. Характеризуя содержание девятого номера «Дневника социал-демократа» Плеханова, В. И. Ленин видел его особую ценность в том, что один из лидеров меньшевизма разоблачил в нем ликвидаторство, развенчал ликвидаторский «Голос социал-демократа» как орган «совершенно враждебный социал-демократии», сорвав с него фальшивую маску «непричастности» к ликвидаторству. «Редакция «Голоса», — подчеркивает В. И. Ленин, — разоблачена в литературной нечестности, разоблачена ее вчерашним членом Плехановым»¹.

Ленин одобрительно встретил неприязнь и критическое отношение Плеханова к ликвидаторам. Провоз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 60.

глашение им партийной линии против раскольниковства этих антимарксистских элементов, как указывал Владимир Ильич, означало громадную победу большевизма, занимавшего в ту пору главенствующее положение в партии.

Плеханов ставил вопрос довольно резко: «Тут нужно выбирать: *или* ликвидаторство, *или* борьба с ним. Третьего нет». Ликвидаторство, подчеркивал он, ведет в «болото самого позорного оппортунизма». «Новое вино превращается у них (ликвидаторов.— *Ред.*) в кислятину, годную разве только на приготовление мелкобуржуазного уксуса». «Ликвидаторство,— заключает Плеханов,— по прямой линии направляется в непролазное болото оппортунизма и враждебных социал-демократии мелкобуржуазных стремлений»¹.

В своих выступлениях Плеханов признает, что он встал на путь разрыва с лидерами ликвидаторов не по мановению ока. Он долгое время стремился разуверить их в неправильных взглядах, но все это оказалось тщетным. Напряженные перепалки шли в редакциях «Голоса...» и «Очерков...». И когда эти «баталии» ни к чему не привели, Плеханов заявил своим коллегам: «Вы мне не товарищи. Мне с вами не по дороге». Но, порвав с ликвидаторами, Плеханов не порвал с меньшевизмом. Он болезненно переживал разрыв и сам признавал, что был вынужден сделать это ввиду особых обстоятельств. Груз меньшевизма постоянно давил на него, и он не раз сетовал на сложность положения, в котором оказался. «Мое теперешнее положение,— писал он,— несколько напоминает положение французского крестьянина XVIII века, который страдал от обременительного соляного налога и, говорят, не раз кричал: «*Viv roi sans godelbe*» (Да здравствует король без соляного налога!). Так и я от всей души готов кричать: Да здравствует меньшевизм без ликвидаторства, т. е. революционный меньшевизм»². Но это была пустая и несбыточная мечта, ибо «революционного меньшевизма» не было и не могло быть.

Как же большевики реагировали на поворот в поли-

¹ Г. В. Плеханов. «Дневник социал-демократа» № 9, стр. 6—16.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XIX, стр. 280.

тической деятельности Плеханова и его немногочисленных единомышленников? Они относились к этому так, как и должны были бы поступить творческие марксисты-диалектики. В. И. Ленин приветствовал этот поворот и стал немедленно искать сближения с группой меньшевиков-партийцев. Он увидел в этом повороте и ослабление позиций ликвидаторов, и появление союзников в борьбе за сохранение нелегальной партии, хотя и непоследовательных, шатких, временных, неустойчивых. Рассчитывая в борьбе за партию прежде всего и главным образом на себя, большевики вместе с тем были призваны сплотить все стоящие на позиции партийности элементы, создать нечто вроде единого фронта антиликвидаторских сил. Как подчеркивал Владимир Ильич, большевики открыто провозгласили необходимость этого сплочения, призвав к нему всех меньшевиков, и меньшевиков-рабочих прежде всего и больше всего, разъясняя им важность сделанного шага Плехановым и необходимость поддержки его действий, выдвинув вопрос о заключении блока с меньшевиками-партийцами.

«...Плеханов никогда не был большевиком,— писал В. И. Ленин.— Мы его большевиком не считаем и никогда не будем считать. Но его, как и всякого меньшевика, способного восстать против группы независимцев-легалистов и до конца довести борьбу с ними, мы считаем *партийным* меньшевиком. Мы считаем безусловным долгом всех большевиков в теперешние трудные времена, когда на очереди дня борьба за марксизм в теории и за партию в практике рабочего движения, приложить все усилия для сближения с такими социал-демократами»¹.

Обращаясь к большевикам, Владимир Ильич призывал их: «Ведите испытанную на деле, подтвержденную опытом политику сближения с *антиликвидаторским* меньшевизмом, вот наш лозунг. Вот политика, которая не сулит молочных рек и кисельных берегов неосуществимого в эпоху распада и разложения «всеобщего мира», но которая двигает на деле вперед сближение на работе *течений*, представляющих *все*, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 303.

есть сильного, здорового, жизнеспособного в *пролетарском* движении»¹.

Успеху соглашения с плехановцами способствовали антиликвидаторские настроения в ряде низовых, местных меньшевистских организаций и их деятельность в защиту нелегальной партии. В № 45 большевистской газеты «Пролетарий» было напечатано письмо меньшевиков Выборгского района Петрограда, протестовавших против политики и действий ликвидаторов. В ряде мест России, например в Харькове, Баку, на Урале, меньшевики-партийцы выделились в особые организации. Поэтому было важно установить контакт и взаимодействие с этими беспокоившимися о бытии и будущем партии элементами. Это была подлинно революционная тактика большевиков, один из примеров применения ими принципиальных компромиссов в революционной борьбе, способствующих укреплению позиций рабочего класса.

В. И. Ленин и в этот период, и в дальнейшем не раз подчеркивал как допустимость компромиссов, так и ответственное отношение к ним марксистской партии. Есть компромиссы и компромиссы, указывал он. При правильном применении компромиссов они приносили и приносят несомненную пользу для демократии и социализма. А правильно применять их — значит твердо стоять на классовых, марксистских позициях, последовательно руководствоваться коренными интересами пролетариата и всех трудящихся. Соблюдение этих условий было чрезвычайно важно и в момент заключения блока с меньшевиками-партийцами. Идя на этот блок, большевики ни на йоту не отступали от своих генеральных принципов в революционной борьбе, не затушевывали своих разногласий с меньшевиками, не закрывали глаза на непоследовательность и оппортунистические вывихи Плеханова, не отказывались от критики его ошибочных и вредных для дела революции взглядов в вопросах стратегии и тактики.

Как указывал В. И. Ленин, речь шла не о том, чтобы сблизиться с меньшевиками-партийцами в смысле стирания принципиальных разногласий, замазывания их, в смысле идейных компромиссов, а лишь в смысле

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 352.

соединения усилий в борьбе за партию и партийность, в смысле сплочения партии, в которой разногласия не должны мешать общей работе, общему натиску, общей борьбе. Жизнь показала, что это была единственно правильная линия.

Заняв антиликвидаторскую позицию на определенном этапе и тем сыграв положительную роль в борьбе за сохранение нелегальной партии, Плеханов не смог сохранить до конца этой позиции. После Пражской конференции РСДРП он перешел от борьбы против ликвидаторов к попытке объединения с ними и другими оппортунистами. Он выступил и против решений конференции об исключении ликвидаторов из партии. Это был отход от принципов партийности, за которые Плеханов еще недавно боролся и звал бороться своих единомышленников из группы меньшевиков-партийцев. Он протянул руку тем, кого незадолго до этого по праву называл убийцами партии и совместное существование с которыми считал невозможным. Груз меньшевизма оказался у Плеханова гораздо весомее, чем пробудившиеся на время проблески партийности, которые так и не смогли у него по-настоящему укрепиться. Меншевистское болото вновь засосало его.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ В ГОДЫ РЕАКЦИИ

Большевистская печать в годы реакции — один из важнейших участков партийной работы, одно из главных орудий борьбы Ленина и ленинцев с врагами рабочего класса. Она выполняла ответственные задачи в борьбе за партию и партийность, смело и последовательно разоблачала столыпинскую реакцию, его черносотенно-октябристскую опору и лакействующих кадетских прислужников, вела решительную и непримиримую борьбу против ликвидаторов и отзовистов. Печать жила теми же интересами, какими жила партия, делала то дело, которое составляло сердцевину партийной работы. На ее страницах звучали гневные обличения третьеиюньского режима, вскрывалась его классовая сущность и неизбежность его провала, обнажались социальные корни новых оппортунистических течений в российской социал-демократии.

Высоко оценивая роль большевистской печати, В. И. Ленин указывал, что ей на девять десятых принадлежит заслуга анализа и критики распространенного в период реакции развала и распада, выяснения линии, задач и тактики большевиков в этот период. Исключительное значение В. И. Ленин придавал нелегальной печати. Ее регулярное издание и четкая направленность способствовали установлению организационных связей как между нелегальными ячейками, так и между социал-демократическими ячейками в легальных рабочих организациях.

Несмотря на огромные трудности и жестокие репрессии царизма, большевики организовали регулярный выход своих печатных органов — за рубежом и в России, нелегальных и легальных. Выходил центральный орган большевиков — «Пролетарий», а после прекращения его деятельности спустя некоторое время появилась «Рабочая газета» как центральный большевистский орган (официально это было оформлено позже, решением VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП). Создателем, идейным вдохновителем и главным редактором «Пролетария», а затем и «Рабочей газеты» являлся В. И. Ленин.

Активно сотрудничали большевики и прежде всего Ленин и в органе ЦК РСДРП «Социал-демократ», который выпускался совместно большевиками и меньшевиками. Работа в этом органе была необычайно трудной, ибо входившие в состав его редакции меньшевики всячески стремились наложить «свою печать» на всю его деятельность. Только благодаря исключительной твердости и настойчивости В. И. Ленина, проводившего выдержанную марксистскую линию, удалось опубликовать в этой газете ряд ценных материалов, направленных на укрепление нелегальной организации партии, разоблачающих царизм, помещиков и буржуазию, подрывную деятельность ликвидаторов и отзовистов. Последовательное проведение В. И. Лениным подлинно партийной, большевистской линии вынудило впоследствии меньшевиков покинуть редакцию «Социал-демократа».

Наряду с центральными органами большевики выпускали ряд газет на местах, в России. В их числе: «Рабочее знамя», «Рабочий» и «Рабочее слово» в

Москве; «Бакинский пролетарий», «Елдаш» («Товарищ»), «Бакинский рабочий» и «Гудок» в Баку; «Уральский рабочий», «Солдатская газета», «Крестьянская газета», «Пермский рабочий», «Известия прикамского рабочего» на Урале; «Тюменский рабочий» в Западной Сибири; «Штык» в Латвии (Риге) и др.

Выход и тщательно налаженное распространение большевистских газет вопреки всем трудностям и опасностям — один из показателей жизненной силы большевизма и его прочных связей с массами. Царские палачи и агенты врага в рабочем движении делали все для того, чтобы разрушить эти связи и уничтожить партийные организации. Но они не достигали своей цели, хотя и причиняли нашей партии большой ущерб. В ряду факторов, свидетельствующих об оживлении деятельности партии после нанесенных ей тяжелых ударов в годы реакции, В. И. Ленин особо выделял усиление издательской деятельности ее организаций, особенно выпуска нелегальных газет. В этом он видел залог успеха и в «выпрямлении» действительно марксистской, действительно революционной, действительно партийной линии, которую стремились извратить оппортунисты справа и «слева».

«Запевалой» среди большевистских газет, их лидером и ведущим органом был «Пролетарий», душой и сердцем которого являлся В. И. Ленин. Активными помощниками Ильича по выпуску газеты были В. В. Воровский, М. Ф. Владимирский, А. М. Горький, И. Ф. Дубровинский, Н. А. Семашко, Н. К. Крупская, М. С. Ольминский. В 1906—1907 гг. «Пролетарий» выходил в Финляндии, а в 1908—1909 гг. — в Женеве и Париже. Некоторый перерыв в выпуске газеты между финляндским и швейцарским периодами ее деятельности очень беспокоил Владимира Ильича. В письме к А. М. Горькому 7 февраля 1908 г. он писал: «Я убежден, что партии нужен теперь правильно выходящий политический орган, выдержанно и сильно ведущий линию борьбы с распадом и унынием, — *партийный орган, политическая газета*»¹. Вполне сознавая трудности выпуска «Пролетария», Ленин тем не менее

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 133.

твердо заявлял в том же письме, что «Пролетарий» скоро увидит свет. «Трудно его наладить, поставить, оживить,— слов нет,— подчеркивал В. И. Ленин.— Но это *надо* сделать, и это будет сделано»¹.

Выход газеты вдохновил большевиков и руководимых ими трудящихся. Вопреки хвастливым заверениям столыпинских вешателей об «умиротворении» России, боевой орган партии решительно заявлял, что торжество контрреволюции недолговечно, что новый революционный подъем не за горами, что грядущий политический кризис большевики и руководимые ими массы встретят во всеоружии. В статье «На прямую дорогу», опубликованной в газете «Пролетарий», В. И. Ленин писал: «...Партия пролетариата,— вступив на прямую дорогу создания крепкой нелегальной с.-д. организации, обладающей более многочисленными и более разнообразными орудиями легального и полулегального влияния, чем прежде,— сумеет встретить этот кризис более подготовленной к решительной борьбе, чем в октябре и декабре 1905 года»².

«Пролетарий» явился такой газетой, какой ее желал видеть В. И. Ленин. Она была марксистски выдержанной, партийной в самом подлинном и высоком смысле этого слова. Владимир Ильич не только определил характер ее деятельности, но и практически все сделал для того, чтобы неуклонно проводить подлинно партийную линию в ее работе. Будучи органом большевиков, «Пролетарий» нередко выполнял и роль общепартийного органа. В нем, в частности, был опубликован ряд решений ЦК РСДРП. Но лицо газеты определяли именно ленинские произведения. Не было почти ни одного ее номера, в котором не содержались бы статьи и заметки Владимира Ильича или лично им подготовленные к печати письма рабочих из России. За время выхода «Пролетария» в нем было опубликовано более 100 статей и заметок Ленина.

В числе его статей: «О «природе» русской революции», «По торной дорожке!», «Блок кадетов с октябристами?», «О некоторых чертах современного распада», «Об оценке текущего момента», «Аграрные прения

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 133.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 8.

в III Думе», «Карикатура на большевизм», «Об отношении рабочей партии к религии», «Ликвидация ликвидаторов», «Разоблаченные ликвидаторы», «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», «Беседа с петербургскими большевиками», «О некоторых источниках современного идейного разброда», «Приемы ликвидаторов и партийные задачи большевиков» и др.

Даже из этого перечня видно, что в ленинских произведениях на страницах «Пролетария» затрагивались все коренные проблемы периода реакции, велась последовательная и решительная борьба против врагов марксизма и защитников столыпинской реакции, вскрывались причины и существо кризиса в партии, указывались пути выхода из него. Под знаменем ленинских идей сплачивались все подлинно партийные силы в России и за границей. Это имело огромное значение для будущности марксистских организаций в нашей стране и подготовки новой революции. «Пролетарий» просуществовал до конца 1909 г. Его линию продолжила созданная в 1910 г. «Рабочая газета».

Определяя лицо новой большевистской газеты, В. И. Ленин указывал, что она должна в борьбе против оппортунистов справа и «слева» укреплять и сплачивать подлинно революционное ядро партии. Мы хотим больше всего, подчеркивал он, чтобы «Рабочая газета» помогла пролетариям с полной ясностью и до конца понять все партийное положение и все партийные задачи. «Рабочая газета» выполнила эту ответственную миссию. Как указывала впоследствии VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, газета «решительно и последовательно стала на защиту партии и партийности». Конференция признала «Рабочую газету» официальным органом Центрального Комитета партии. В «Рабочей газете», существовавшей недолго, было опубликовано более 10 статей В. И. Ленина.

Наряду с периодическими изданиями общероссийского и местного диапазона и значения большевики систематически выпускали нелегальные листовки. В этих весьма действенных документах и материалах того времени затрагивался целый ряд злободневных и актуальных вопросов — обличались террористические дей-

ствия царских правителей, антирабочая политика фабрикантов и заводчиков, произвол на выборах в Думу, подрывные действия ликвидаторов и отзовистов. Листовки звали к сплочению партийных рядов, к укреплению нелегальных организаций. Они бичевали идейные шатания, разброд и распад, восставали против уныния и упадничества, неуверенности в будущем, вселяли веру в революционные силы пролетариата, призывали мужественно вынести тяжелые испытания и не дать врагам деморализовать себя.

«Тяжелой свинцовой тучей быстро надвигается черная реакция на горизонт русской общественной жизни,— говорилось в одной из листовок петербургских большевиков.— Наступает непроглядная тьма, без единого проблеска света... *Нет уже более злодейства, нет преступления, которого не совершило бы правительство Николая Кровавого перед русским народом!*» Но листовка не заканчивается характеристикой тяжести столыпинского режима. Ее смысл в другом — в разъяснении того, что этот мрачный период — временное явление, что он сменится периодом натиска на самодержавие, что рабочий класс и его партия живы и готовятся к новым боям. «Существует, растет и развивается рабочий класс,— значит, непрерывно будет расти и крепнуть и его передовой отряд — Рабочая социал-демократия! Пусть же неистовствуют наши палачи сегодня,— ведь неизбежно настанет наше Великое Завтра, когда снова и с небывалой силой забушует народное море; низвергнет оно своих угнетателей, и страшен тогда им будет великий карающий гнев его!...»¹

В ГУБЕРНИЯХ СМОЛЕНСКОЙ, РЯЗАНСКОЙ И ТВЕРСКОЙ

В условиях кровавого разгула реакции партия большевиков, мужественно преодолевая не виданные в истории российского пролетариата трудности, обогащалась новым опытом.

¹ «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917». Т. 2. Госполитиздат, 1939, стр. 25.

Несмотря на жестокие преследования, партийные организации на местах проявили большую жизнеспособность. Они использовали любые легальные и полулегальные возможности для укрепления связей с массами. И хотя в годы реакции крупных волнений в деревне не отмечалось, происходил непрерывный процесс накапливания сил для новых массовых выступлений. Это можно проследить на примере Смоленской, Рязанской и Тверской губерний.

* * *

*

Смоленская губерния была типичной сельскохозяйственной губернией (на 1000 человек приходилось 916 крестьян)¹ со значительными пережитками крепостничества в сельском хозяйстве. В ней преобладало молочное животноводство, льноводство. Имелась группа уездов торгового льноводства, которое развивалось главным образом в хозяйствах зажиточных крестьян.

Промышленность была развита слабо (мелкие паровые и другие мельницы, небольшие маслобойные, лесопильные заводы, винокуренные, кирпичные, кожевенные предприятия). Крупнейшим промышленным предприятием губернии была Ярцевская бумагопрядильная и ткацкая фабрика. Широкой базы для развития рабочего движения не было. Положение основной массы крестьян было крайне тяжелым. Крестьяне вынуждены были уходить на заработки в города.

Несмотря на то что в начале 1906 г. были разгромлены большевистские группы в городах и селах Смоленской губернии, запрещены профессиональные организации, арестованы многие наиболее активные участники смоленского большевистского подполья и руководители большевистских групп — Д. В. Юрков, С. Д. Турчанинов, В. Я. Белоусов, И. Т. Трофимов и другие², социал-демократическая работа продолжается там и в период реакции.

В Вязьме, Рославле, Ярцеве, Поречье и других ме-

¹ См. «Статистический ежегодник России за 1914 год». Пгр., 1915.

² См. «Большевики Смоленщины до октября 1917 года». Смоленск, 1961, стр. 23.

стах деятельность социал-демократических групп не прекращается.

В конце 1907 г. у члена Вяземской организации В. И. Нечаева были обнаружены большевистские издания, программы для занятий кружков и тексты речей на собраниях вяземских социал-демократов. Доклад Нечаева проникнут верой в победу дела рабочего класса и большевистской партии, заботой об усилении пропагандистской и агитационной работы в организации. Вяземская группа была связана с Москвой. Представители вяземских большевиков участвовали в работе областной конференции РСДРП Центрально-промышленного района¹.

Нередко устраивались заседания руководителей Вяземской социал-демократической группы и сходки передовых рабочих. Так, например, в июле 1908 г. в лесу, недалеко от железнодорожной станции, состоялось собрание членов Вяземской группы РСДРП.

Большевистский характер Вяземской группы ярко отражает листовка, изданная в связи с выборами в III Государственную думу.

Осенью 1907 г. Смоленская организация РСДРП была связана с книжным складом большевиков, откуда и получала нелегальную литературу. Сохранилось письмо заведующего книжным складом «Вперед» в Смоленск об условиях получения со склада большевистской литературы.

В январе 1909 г. смоленские социал-демократы выпустили листовку, посвященную четвертой годовщине Кровавого воскресенья, проникнутую духом 1905 г., в которой подчеркивалась необходимость сохранения и укрепления нелегальных партийных организаций в целях подготовки к новым боям.

В период проведения аграрной реформы не прекращается борьба крестьян Смоленщины против помещиков. Крестьяне поджигают помещичьи усадьбы, травят посевы, часты случаи столкновения с местными властями и т. д. С 1907 по 1915 г. в Смоленской губернии было 1145 поджогов².

¹ См. «Большевики Смоленщины до октября 1917 года». Смоленск, 1961, стр. 23—24.

² См. «Ученые записки Смоленского педагогического института», вып. IV. Смоленск, 1957, стр. 10.

Рязанская губерния в основном земледельческая. Ее характеризуют острое крестьянское малоземелье, исключительная чересполосица, нищета. В Рязанской губернии было много отходников, поставляющих рабочую силу для фабрик, заводов, железных дорог. В. И. Ленин относил Рязанскую губернию к главным районам выхода сельскохозяйственных и иных рабочих.

Самым промышленным городом Рязанской губернии был Егорьевск. В Егорьевском уезде из небольших мастерских кустарного ткачества выросли фабрики: Карцева, Князевых и братьев Хлудовых. На фабрике братьев Хлудовых в 1904 г. организовалась первая социал-демократическая группа в Егорьевске. После революционных событий 1905 г. Егорьевская организация была связана с Коломной и Москвой.

В конце 1907 — начале 1908 г. началось систематическое преследование полицией социал-демократических кружков и групп. Один за другим были разгромлены кружки на фабриках. В этот тяжелый период, когда доставка агитационной литературы из Москвы была чрезвычайно трудна и рискованна, у членов Егорьевской организации возникла мысль издавать агитационную литературу непосредственно в Егорьевске, но осуществить это им не удалось.

Разгон социал-демократических кружков продолжался и в 1909 г. В ноябре 1909 г. были арестованы руководители организации — Конин, Артемов и другие. С их арестом работа замирает, но социал-демократическое движение подавлено не было. С конца 1909 г. продолжают вести агитацию среди рабочих одиночки социал-демократы.

Несмотря на то что в годы реакции массовое революционное движение крестьянства резко спало, борьба крестьян все-таки продолжается. Донесения с мест в губернский центр все время говорят о «самоуправстве» крестьян Рязанской губернии.

Расчеты правительства, что новая аграрная реформа приведет к «умиротворению» крестьянства, не оправдались. В Рязанской губернии крестьяне в основной своей массе враждебно относились к проводимому

правительством землеустройству, особенно к организации хуторских и отрубных хозяйств. Аграрная реформа обострила классовые противоречия и усилила революционные выступления рязанского крестьянства. Столыпинская реформа в Рязанской губернии потерпела наибольший крах ¹.

* *

*

Тверская губерния в отличие от Смоленской и Рязанской имела довольно развитую промышленность (преимущественно текстильную). В ней насчитывалось сравнительно большое количество промышленных предприятий (крупнейшая Морозовская мануфактура в Твери) и имелись значительные кадры пролетариата. Существовали там социал-демократические организации большевистского направления, из которых самой сильной была Тверская. Рабочие предприятий Тверской губернии шли в ногу с пролетариатом Петербурга и Москвы.

Годы реакции и в Тверской губернии не прошли бесследно. Царское правительство усиленно громило политические и экономические организации пролетариата. Был закрыт профессиональный союз тверских рабочих по обработке волокнистых веществ. Тверской комитет РСДРП вынужден был уйти в глубокое подполье, чтобы сохранить силы для будущей борьбы. Социал-демократической организацией при ситцевой фабрике Тверской мануфактуры в это время руководила член Тверского комитета РСДРП работница Анна Петрова ².

Условия жизни текстильщиков в эти годы значительно ухудшаются. Безработица, нужда, голод, болезни — постоянные спутники капитализма — заставляют страдать рабочих. Крестьянство в результате нового аграрного законодательства также еще больше разоряется и нищает. В Тверской губернии, как и в

¹ См. «Ученые записки Рязанского государственного педагогического института», т. XVI, 1957, стр. 62.

² См. А. Парфенов, А. Черняев. Правда нашей жизни. 1858—1958. К столетию Калининского хлопчатобумажного комбината. Калинин, 1958, стр. 35.

других, развивается отходничество — резерв пополнения пролетариата.

Несмотря на свирепый террор, тверские рабочие не переставали бороться за свои права. В те годы рабочий человек почти не имел никаких прав. А если царская власть и давала кое-какие права, то тут же стремилась их урезать. Так, например, тверские рабочие выбрали депутатом во II Государственную думу А. П. Вагжанова. Но вскоре был опубликован царский указ о роспуске Думы. Многие члены социал-демократической фракции были арестованы. Вагжанову удалось скрыться, но потом он тоже был арестован и осужден к четырехлетней каторге с ссылкой в Сибирь.

Революционные выступления рабочих Тверской губернии тесно переплетались с крестьянскими волнениями, в которых руководящая роль принадлежала рабочему классу.

Крестьяне поджигали усадьбы помещиков, оказывали сопротивление волостному старшине при сборе недоимок, нападали на стражников и полицию.

По свидетельству хроники, сохранившейся в архивах, в Тверской губернии в годы реакции имели место неоднократные выступления крестьян и рабочих. Так, например, в Кашине 6 июня 1907 г. при массовых обысках у местных жителей были обнаружены книги К. Маркса и Ф. Энгельса. 15 июня крестьянская молодежь деревни Михалихи Хабоцкой волости Весьегонского уезда устроила демонстрацию с красными флагами и пением «Марсельезы». С 19 по 21 июня бастовали рабочие крахмального завода в городе Вышнем Волочке. 25—27 июля бастовали батраки в имении Н. А. Глебовой.

28 января 1908 г. была забастовка рабочих типографии губернского правления. 3 апреля 1909 г. крестьяне напали на отряд конных стражников около деревни Руново Ново-Ржевского уезда¹.

Как видно, даже в глухие годы столыпинской реакции рабочее и крестьянское движение в Тверской губернии не прекращалось, а лишь находило новые, применимые к данным условиям формы.

¹ См. «Хроника революционного движения в Тверской губернии». Калинин, 1941, стр. 57—62.

Ю. ГЕРТМАН

К ИЗУЧЕНИЮ IV ТЕМЫ КУРСА ИСТОРИИ КПСС

Деятельность ленинской партии в период реакции (1907—1910 гг.) изучается во всех звеньях партийной учебы. В начальной политшколе, где историко-партийные проблемы рассматриваются на основе биографии В. И. Ленина, два часа отводится на тему «Борьба за партию в годы реакции». Учебная программа предусматривает для этой темы такие вопросы: Разгул реакции. Борьба В. И. Ленина против ликвидаторов и отзовистов за сохранение и укрепление нелегальной партии пролетариата. Значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в борьбе за идейную чистоту теоретических основ партии. Подведение итогов первой русской революции. Борьба против оппортунизма в международном рабочем движении («Программа начальной политической школы». М., Политиздат, 1967, стр. 5—7). Таким образом, слушатели на основе изучения деятельности В. И. Ленина должны получить общее представление об изменении обстановки в стране после поражения революции 1905 г., состоянии РСДРП, острой борьбе, имевшей место в ее рядах в это время. Наибольшую трудность для слушателей начального звена вызовет знакомство с содержанием книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В учебном пособии для слушателей политшкол «В. И. Ленин. Краткий биографический очерк» (М., Политиздат, 1967) несколько фраз посвящено этой книге (стр. 75—76). Однако, на наш взгляд, в ходе беседы со слушателями следует попытаться дать им более широкое представление о затронутых в ней проблемах. Этого можно добиться постановкой

в ходе беседы следующих вопросов: 1) Чем объясняется реакция на идеологическом фронте и каковы ее основные направления; 2) Религия — опиум для народа. Отношение рабочей партии к религии и церкви; 3) Что мы понимаем под партийностью философии, искусства и т. д. Следует сначала попросить ответить на эти вопросы самих слушателей с привлечением примеров о проявлении современной политической реакции в странах капитализма, а затем уже показать раскрытие этих вопросов В. И. Лениным в годы реакции и актуальность его выводов в наши дни.

В среднем звене партийной учебы — школе основ марксизма-ленинизма (курс истории КПСС) период реакции объединен в одной теме (четвертой) с годами нового революционного подъема, и согласно учебной сетке на эту тему отводится два часа лекционных и два часа для собеседования (см. «Программа школ основ марксизма-ленинизма». М., Политиздат, 1967, стр. 4, 9—10). Требования, предъявляемые к слушателям среднего звена партийной учебы, значительно выше, чем к тем, кто занимается в начальных полит-школах. Они изучают ленинские работы, партийные документы, читают мемуарную и научно-популярную литературу. Слушатели должны постепенно приобретать навыки к самостоятельному, творческому изучению историко-партийных проблем и марксистско-ленинской теории. Опыт работы некоторых школ основ марксизма-ленинизма свидетельствует, что целесообразнее не дублировать план лекции и вопросы, предлагаемые слушателям для собеседования. Практика показала, что если они полностью совпадают, то это не стимулирует самостоятельную работу слушателей. Другое дело, когда лектор лишь формулирует некоторые проблемы, указывает источники, литературу к ним, предлагая слушателям самостоятельно изучить их к теоретическому собеседованию. Этот методический прием одновременно сокращает круг вопросов лекции, позволяя рассмотреть оставшиеся более обстоятельно и полно.

В четвертой теме для самостоятельной подготовки слушателей можно выделить следующие вопросы:

1. Ленинская оценка сущности столыпинской реформы.

2. Значение решений V Общероссийской конференции РСДРП и расширенной редакции газеты «Пролетарий».

3. Международное значение опыта большевиков по использованию легальных и нелегальных форм борьбы.

Естественно, что собеседование не должно сводиться к обсуждению только этих вопросов. Слушатели обязаны усвоить все основные проблемы темы, в том числе и те, которые освещались в лекции. Подготовка актуальных вопросов слушателями без их предварительного освещения в лекции должна привить навыки самостоятельной работы над источниками и литературой.

Проблемные теоретические семинары по истории КПСС — высшее звено партийной учебы — предназначены для слушателей, в основном знакомых с историей партии, имеющих навык и опыт конспектирования источников, способных самостоятельно изучать проблемы марксистско-ленинской теории. Материалы настоящего сборника и методические указания для этой категории обучающихся могут быть использованы при подготовке рефератов и сообщений по теме «Стратегия и тактика КПСС на главных этапах ее деятельности» (см. «Примерные темы и планы некоторых теоретических проблем для самостоятельного изучения в системе партийного образования в 1967/68 году», стр. 13—14).

Цель подобных теоретических семинаров — глубокое осмысливание историко-партийных проблем и их органическое увязывание с современностью, превращение знания марксистской теории в убеждения, привитие навыков в проведении дискуссий по политическим вопросам. Участники семинара выбирают для себя с помощью пропагандиста тему доклада. В ходе заслушивания докладов пропагандист старается путем постановки различных проблемных вопросов (если это не было сделано в выступлении) вовлечь в дискуссию всех участников семинара.

Какие темы рефератов следует рекомендовать?

1. Оценка большевиками и меньшевиками обстановки в России после поражения революции 1905—1907 гг.

2. Ленинская тактика в борьбе за массы в 1907—1910 гг.

3. Борьба В. И. Ленина против правого и «левого» оппортунизма.

4. Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — образец последовательной защиты философии марксизма.

При подготовке любой из этих тем или в ходе дискуссии на семинаре неизбежно возникнут и даже могут приобрести самостоятельное значение актуальные вопросы современной политики партии или отдельные стороны деятельности коммунистических партий/за рубежом. Это делает занятие в семинаре более интересным, творческим. Следует всемерно побуждать слушателей шире привлекать современный материал для подготовки докладов и выступлений на семинаре, учить их раскрывать ленинские идеи в развитии, показывать единство теории и практики в деятельности КПСС и всего международного коммунистического движения.

В программе для высших учебных заведений по четвертой теме читаются только лекции («Программа курса истории КПСС». М., «Мысль», 1966, стр.13—14, 62).

При подобном разнообразии аспектов рассмотрения нашей темы, которые обусловлены разными звеньями политической учебы, сроками обучения, уровнем подготовки слушателей и выработкой у них навыков к самостоятельной работе, дать общие методические указания сложно. Естественно, что каждый руководитель школы или семинара должен относиться к нашим рекомендациям творчески, с учетом своего опыта и состава слушателей.

Изучение любой темы — это уже традиционно — начинается с краткого вступительного слова пропагандиста, цель которого рассказать о месте данной темы в курсе истории КПСС, ее особенностях, актуальности и о том, каким идейно-теоретическим и историческим материалом она вооружает нас. В этом смысле период реакции занимает в истории нашей партии особое место. Не трудно заметить, что с момента появления большевизма как политической партии (1903 г.) и до октября 1917 г. большевики действовали главным

образом или в условиях революционного подъема (1903—1905 гг.; 1910—1914 гг.; 1915—1917 гг.), или во время революции (1905—1907 гг.; февраль — сентябрь 1917 г.). Лишь в 1907—1910 гг. наступила длительная полоса реакции да немногим более года в начале первой мировой войны, причем в последнем случае главным условием, определившим тактику партии, была война, а уж реакция была ее неизбежным спутником.

Таким образом, лишь один раз в своей истории партия нового типа, партия большевиков жила и действовала в течение трех лет в условиях, когда господство реакции требовало перестройки всей ее работы, выработки и обоснования новых методов воспитания масс, укрепления и расширения связей с ними, совершенствования приемов конспирации.

Годы реакции — время написания значительных теоретических работ В. И. Ленина. Среди них на первое место необходимо поставить его фундаментальный философский труд «Материализм и эмпириокритицизм». Пристально исследует Ленин в эти годы опыт революции 1905—1907 гг., особенно программные лозунги и тактику партии по отношению к крестьянству, защищая и развивая марксистскую аграрную теорию. Двадцатипятилетию со дня смерти К. Маркса посвящена яркая и глубокая статья В. И. Ленина «Марксизм и ревизионизм» (Полн. собр. соч., т. 17, стр. 15—26; изд. 4-е, т. 15, стр. 15—25), раскрывающая сущность и классовые корни правого оппортунизма.

Значительное число работ посвящено анализу обстановки, сложившейся в России после переворота 3 июня 1907 г., разработке новой тактики партии, приемов и методов ее работы в массах. В этих произведениях дается критика враждебных большевизму идейных течений и тактических установок, раскрываются причины их появления и приносимый рабочему движению вред (В. И. Ленин. «Об оценке текущего момента». Полн. собр. соч., т. 17, стр. 271—284; изд. 4-е, т. 15, стр. 243—255. «На дорогу». Полн. собр. соч., т. 17, стр. 354—365; изд. 4-е, т. 15, стр. 316—326. «Ликвидация ликвидаторства». Полн. собр. соч., т. 19, стр. 43—51; изд. 4-е, т. 15, стр. 417—424 и др.).

В годы реакции происходят заседания V Общероссийской конференции РСДРП (21—27 декабря 1908 г.) и совещание расширенной редакции «Пролетария» (8—17 июня 1909 г.), активное участие в которых принял В. И. Ленин. Проекты решений, резолюций и выступления В. И. Ленина на этих встречах с партийными работниками из России позволяют также полнее раскрыть опыт работы партийных организаций в условиях глубокого подполья (см. В. И. Ленин. «V Общероссийская конференция РСДРП». Полн. собр. соч., т. 17, стр. 323—338; изд. 4-е, т. 15, стр. 291—301. «Совещание расширенной редакции «Пролетария». Полн. собр. соч., т. 19, стр. 1—42; изд. 4-е, т. 15, стр. 391—416. «КПСС в резолюциях...», ч. I. М., Госполитиздат, 1954, стр. 194—205, 211—232).

Большевики многому научились в годы реакции, приобретенный опыт неоднократно выручал партию впоследствии. Он и сейчас является важным приобретением международного коммунистического движения, особенно для тех партий, которые запрещены в странах капитализма или работают полулегально. Если мы хотим кратко определить сущность этого опыта, то следует сказать так: партия научилась правильно отступать. Оглядываясь на пройденный большевиками путь, В. И. Ленин в 1920 г. писал: «Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 10; изд. 4-е, т. 31, стр. 12).

Думается, что раскрытие этого опыта и должно составлять главную цель занятий всех звеньев сети политического просвещения. Целесообразно поэтому выделить следующие узловые вопросы темы:

1. Наступление реакции. Разработка новой тактики партии.
2. Защита и развитие Лениным теоретических основ партии.
3. Борьба за сплочение партии против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов.

4. Работа партии в массах, подготовка их к новым революционным боям.

Предложенные вопросы повторяют разделы IV главы II тома многотомной истории КПСС. Подобное распределение материала нам представляется наиболее логичным (см. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. II. М., Политиздат, 1966, стр. 772).

Рассмотрение первого вопроса должно начаться с анализа экономического и политического положения в стране. Пропагандист знакомит слушателей с материалами из «Альбома наглядных пособий по истории КПСС» (ч. I, стр. 32, 33—34, М., Госполитиздат, 1958), характеризующими столыпинскую аграрную реформу, рост в условиях промышленной депрессии монополистических объединений, реакционность нового избирательного закона.

По-своему извлекая уроки из опыта революции, царизм пытался более прочно опереться на промышленную буржуазию и найти себе союзников среди кулацких элементов деревни. Это был, по меткому выражению В. И. Ленина, «последний клапан», который должен амортизировать революционную энергию масс, мелкими реформами погасить недовольство трудящихся, избежать новой революции. Второй шаг по пути превращения царизма в буржуазную монархию означал попытку сохранить основы строя при помощи использования противоречий между дворянством и либеральной буржуазией при гораздо более глубоком общем их антагонизме со всей демократией, особенно с рабочим классом. Таков был смысл «политики пряника»; одновременно с ней в ход был пущен и «большой кулак».

Главный удар самодержавие направляло против гегемона революционного движения — рабочего класса и его авангарда — марксистской партии. Наибольшим репрессиям подвергались большевистские организации. Так, Петербургская перенесла 15 массовых арестов руководящих партийных работников. Московский городской и окружной комитеты арестовывались 11 раз («История Коммунистической партии Советского Союза», т. II. М., Политиздат, 1966, стр. 245). Несли потери партийные организации Донбасса, Урала, Си-

бири, Дальнего Востока. Не было такой партийной организации, которая не подвергалась бы полицейскому разгрому. Были арестованы, заключены в тюрьмы или сосланы видные большевики, соратники В. И. Ленина — Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский. Произошло значительное сокращение численного состава партии.

Однако жизнеспособность и твердость большевиков оказалась необычайной, а умение восстанавливать комитеты и группы, хотя и малочисленные, поистине удивительным.

Несмотря на жестокие преследования, нерегулярно, иногда не больше одного-двух номеров, но все же удалось наладить издание ряда газет и журналов, причем они выходили и в крупных промышленных центрах, и на периферии. Партия из глубокого подполья продолжала революционную пропаганду и агитацию.

Стойко отступить, сохранив свое знамя и идеалы, смогли лишь большевики-ленинцы. Меньшевистское крыло партии отреклось от революции, недавнюю вооруженную борьбу масс рассматривало как «чрезмерную», ненужную крайность и призывало к «конституционным» формам сопротивления. Ценой отказа от революционной программы и тактики меньшевики добивались права на легальное существование партии. Наиболее отчетливо эта тенденция сказалась в ликвидаторстве, главным требованием которого было «...отрицание необходимости нелегальной социал-демократической партии и связанное с этим отречение от РСДРП, выход из нее, борьба против нее на страницах легальной печати, в легальных рабочих организациях...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 45; изд. 4-е, т. 15, стр. 419). Меньшевики-ликвидаторы грозили сломать и разрушить с таким трудом созданную стройную организацию пролетарской партии. Вопрос, по мнению Ленина, мог быть решен только так: партия не может идти вперед без решительной ликвидации ликвидаторства.

Серьезным осложнением борьбы против меньшевиков-ликвидаторов было течение отзовизма, главным лозунгом которого был отказ от использования легальных возможностей, и прежде всего отзыв депутатов

из Думы. Сторонники отзовистов, прикрываясь «левой» фразой, предлагали такой пересмотр политического курса партии, который означал полный разрыв столь трудно поддерживаемых в годы реакции связей партии с массами. В. И. Ленин неоднократно указывал, что отзовизм есть «ликвидаторство наизнанку», подчеркивая тем самым, что оба течения ведут к уничтожению революционной пролетарской партии, только ликвидаторы делают это открыто, предлагая упразднить нелегальную партию, а отзовисты завуалированно, под прикрытием революционных фраз превращают партию в секту. Одинаковой была также ошибка сторонников обоих течений в оценке обстановки в России после поражения революции. Ликвидаторы и отзовисты считали, что буржуазная революция в стране закончилась, второй не будет. Но дальше выводы их были диаметрально противоположными. Первые ратовали за легальную «конституционную» деятельность по примеру лейбористов; вторые — за чисто пролетарскую борьбу, для которой якобы нужна лишь нелегальная боевая подготовка. Необходимо, чтобы слушатели всех звеньев партийной учебы основательно усвоили, что совершенно иной политической линии и тактики, опиравшейся на глубокий марксистский анализ социально-экономического и политического положения в стране, придерживались большевики-ленинцы.

Исходным пунктом для В. И. Ленина было твердое убеждение в том, что в России неизбежна новая буржуазно-демократическая революция, поскольку глубокие противоречия, вызвавшие первую, не устранены. Раз так, значит, политическая программа остается прежней, стратегия не меняется, лозунги остаются, но существенно меняется тактика. От руководства массовой борьбой трудящихся в виде крупных забастовок, всеобщих политических стачек, вооруженных восстаний надо было перейти к будничной работе по укреплению партийного подполья, конспиративных форм деятельности, к умелому использованию даже самых скудных легальных возможностей.

«Мы научились во время революции...— писал В. И. Ленин,— вносить в движение максимум толкающих вперед лозунгов, поднимать энергию и размах непосредственной массовой борьбы. Мы должны те-

перь, во время застоя, реакции, распада, научиться... действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового подъема), систематически, упорно, двигаясь шаг за шагом, завоевывая вершок за вершком» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 50; изд. 4-е, т. 15, стр. 423.).

Большое место в разработке и обосновании новой тактики партии сыграла V Общероссийская конференция РСДРП, которая проходила в Париже с 21 по 27 декабря 1908 г. Ее решения закрепляли тактический план большевиков, они стали принципиальной основой политической линии РСДРП в новых условиях. Конференция осудила реформистское перерождение меньшевиков-ликвидаторов и левацкие устремления отзовистов.

Для более глубокой подготовки к занятиям по первому вопросу пропагандист может рекомендовать слушателям статьи В. И. Ленина «На дороге», «Ликвидация ликвидаторства» и резолюции V конференции РСДРП («КПСС в резолюциях...», ч. I. стр. 195—205). Рекомендуем также воспользоваться материалами первого раздела IV главы II тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., Политиздат, 1966).

Рассмотрение **второго** вопроса — защита и развитие Лениным теоретических основ партии — имеет цель ознакомить слушателей с работой «Материализм и эмпириокритицизм». Начать рассказ о книге или беседу со слушателями о ней следует с объяснения причин наступления реакции на марксистское мировоззрение, революционную стратегию и тактику рабочего класса и его партии. Противники революции, от черносотенцев до меньшевиков, имели одну цель — подорвать философию марксизма, в которой они справедливо видели революционную основу программы и политики партии пролетариата. Идейные шатания коснулись части большевиков. Группа партийных интеллигентов пыталась подменить марксистскую философию махизмом и соединить ее с религией, что получило название богостроительства. Сознательный поход против основ марксистской философии сопровождался ссылками на новейшие открытия физики и нарочитым выдумыванием сложных наукообразных терминов. В. И. Ленин после-

довательно рассматривает основные современные философские «школки», противоборствующие диалектическому материализму, определяет их истоки, разоблачает их идеалистические выверты и софизмы. Работа носит остро полемический характер, и ее изучение требует известных навыков и подготовки. Однако думается, что предисловие к первому изданию и особенно заключение вполне доступны для слушателей партийного просвещения. В предисловии В. И. Ленин определяет цель своей работы, а в заключении — краткий итог. Пропагандист же, рассказав о том, какую огромную роль сыграла книга В. И. Ленина в годы черносотенной реакции в борьбе против русского и международного ревизионизма, должен дать хотя бы общее представление о значении философских выводов Ленина для развития современной науки, особенно физики и химии. Рекомендуем пропагандистам, особенно руководителям теоретических семинаров, для этой цели следующие статьи и популярные брошюры:

А. Блохинцев. Ленинское учение о неисчерпаемости материи и современная физика. В сб. «Великое произведение воинствующего материализма». М., Соцэкгиз, 1959.

Г. Курсанов. Учение В. И. Ленина об истине и современная наука. В сб. «Великое произведение воинствующего материализма». М., Соцэкгиз, 1959.

В. Кеменов. Ленинская критика марксизма и кризис современного буржуазного искусства. «Вопросы философии» № 5, 1959.

И. Сисакян. Идеи Ленина находят подтверждение в выводах современной биохимии. «Вопросы философии» № 5, 1959.

Третий вопрос — борьба за сплочение партии против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов — раскрывает деятельность большевиков-ленинцев по осуществлению решений V Общероссийской конференции РСДРП. Откровенно оппортунистическая линия ликвидаторов породила разногласия и среди меньшевиков, часть из которых понимала опасность отказа от нелегальной работы. Одновременно ленинцам необходимо было четко отмежеваться от левацкой тактики отзовизма. Эту задачу выполняло совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий», проис-

ходившее в Париже 8—17 (21—30) июня 1909 г. (см. «КПСС в резолюциях...», ч. I. М., Госполитиздат, 1953, стр. 24—232). Сплочению пролетарской партии на основе разработанной В. И. Лениным оценки обстановки и новой тактики всячески мешал Троцкий и его немногочисленные единомышленники. Объявив себя «вне фракций», Троцкий проповедовал мир между революционерами и оппортунистами внутри пролетарской партии. В противоположность В. И. Ленину, требовавшему сплочения всех партийных сил на принципиальной основе борьбы за революционную партию, Троцкий насаждал в рабочем движении России центризм. Маскируясь «левой» фразой, он фактически способствовал деятельности ликвидаторов и отзовистов. В обстановке обострившейся фракционной борьбы в январе 1910 г. состоялся Пленум Центрального Комитета, на котором три недели шла ожесточенная дискуссия. Серьезной победой В. И. Ленина и его сторонников было осуждение Пленумом ликвидаторства и отзовизма как проявления буржуазного влияния на пролетариат. Однако ЦК принял ряд компромиссных решений, которые мешали достижению единства партии на принципиальной марксистской основе.

Борьба против отзовистов и ликвидаторов шла не только в партийных центрах, но и среди рабочих в крупных промышленных районах. В ряде организаций (Выборгского района Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Киева, Баку, Уфы и др.) рабочие-меньшевики выступили против ликвидаторов. Их стали называть меньшевиками-партийцами. С критикой ликвидаторов выступил Г. В. Плеханов. В целях сплочения всех здоровых сил партии В. И. Ленин выдвинул тактику блока с меньшевиками-партийцами как в рабочих организациях России, так и за границей.

Рассматривая четвертый вопрос — работа партии в массах, подготовка их к новым революционным боям, — пропагандист должен прежде всего подчеркнуть, что борьба за сохранение и укрепление нелегальной партии была неразрывно связана с завоеванием масс и подготовкой их к новой революции.

Много сил отнимала у большевиков-ленинцев борьба за влияние на массы, особенно в легальных

организациях, с меньшевиками-ликвидаторами. Большевики старались обеспечить проведение своей линии в Думе, профессиональных союзах, рабочих культурно-просветительных организациях (клубы, общества, вечерние школы), страховых кассах, народных университетах.

Следует обратить внимание, как гибко использовали большевики для обличения самодержавия и столыпинского режима разного рода легальные съезды и встречи; социал-демократические фракции и рабочие группы выступали на съезде народных университетов (январь 1908 г.), кооператоров (апрель 1908 г.), фабрично-заводских врачей (апрель 1909 г.) и др. (см. П. Кац. «Рабочие группы всероссийских легальных съездов (1907—1910 гг.)». «История СССР» № 5, 1966).

Ценные и интересные материалы об использовании большевиками легальных организаций и учреждений можно найти также в «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., Политиздат, 1966, стр. 311—322); «Очерках истории Московской организации КПСС» (М., «Московский рабочий», 1966, стр. 120—140), в настоящем сборнике и других источниках (см. список литературы).

Несмотря на полицейские преследования, во многих больших городах и промышленных районах продолжали действовать партийные комитеты, а на крупных предприятиях сохранялись партийные ячейки или регулярно поддерживалась связь с рабочими. Не умолкало нелегальное большевистское партийное слово: пропаганда и агитация на основе конкретных фактов бесправия, притеснений и насилий сочетались с политическими прокламациями. С соблюдением строгой конспирации проходили областные партийные конференции (Центрально-промышленный район, Поволжье, Урал), а также местные конференции Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода и других городов.

Наступление реакции, естественно, снизило интенсивность пролетарских выступлений и число их участников. Пропагандист может использовать для раскрытия этого «Альбом наглядных пособий по истории КПСС» (М., Госполитиздат, 1952, вып. I, лист. 32)

и «История КПСС». Наглядное пособие книжного формата. Выпуск первый. (М., Госполитиздат, 1962, стр. 119).

Далее следует особо подчеркнуть, что революционная борьба не прекращалась. То в одном, то в другом месте вспыхивали экономические и политические стачки пролетариата, кратковременные забастовки демократической части студенчества, росло недовольство, накапливался горячий материал и происходили революционные вспышки в обездоленной деревне.

Уже в середине 1910 г. в летних выступлениях русского пролетариата В. И. Ленин увидел начало нового этапа революционного движения. «Полоса **полного** господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, **отступавший** — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в **наступление**» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 74; изд. 4-е, т. 16, стр. 327).

Партия большевиков вступала в следующий этап своей истории — период нового революционного подъема. Трудные годы реакции оставались позади. Большевики-ленинцы выходили идейно и организационно окрепшими из партийного кризиса, сохранив нелегальные организации и связи с пролетарскими массами России и завоевав твердые позиции в легальных организациях. Сбывались пророческие слова В. И. Ленина, сказанные в самом начале наступления реакции: «Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падает духом от неудачи первого военного натиска, не теряет головы, не увлечется авантюрами» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 420; изд. 4-е, т. 13, стр. 409).

В заключение полезно показать, хотя бы кратко, международное значение деятельности большевиков в годы реакции для современного коммунистического и рабочего движения. На страницах журналов нередко встречаются материалы о разных аспектах работы коммунистов в массах (Ю. Бочкарев. «Коммунисты самые стойкие борцы за национальную независимость (Азия, Африка, Латинская Америка)». «Коммунист»

№ 5, 1963; Г. Шарапов. «Борьба компартий капиталистических стран за интересы крестьянства». «Вопросы истории КПСС» № 10, 1965; Л. Селезнев. «Особенности современного рабочего движения в развитых странах капитала». «Вопросы философии» № 11, 1965). Имеются научно-популярные брошюры и книги, в которых можно найти много сведений из современной жизни и борьбы коммунистов в странах капитала («Классовая борьба в развитых капиталистических странах». М., «Мысль», 1966; «Международное революционное движение рабочего класса». М., Политиздат, 1965).

История не прощает тем, кто пренебрегает выводами из ее уроков. Пропагандисту следует показать, что авантюристическая политика группы Мао Цзэ-дуна в вопросах внешней и внутренней политики идет вразрез с ленинизмом, опытом международного коммунистического движения, ставит под удар компартию Китая и несет новые бедствия китайскому народу.

Литература к теме

- В. И. Ленин.* На дорогу. Полн. собр. соч., т. 17; изд. 4-е, т. 15.
В. И. Ленин. Ликвидация ликвидаторства. Полн. собр. соч., т. 19; изд. 4-е, т. 15.
В. И. Ленин. Марксизм и ревизионизм. Полн. собр. соч., т. 17; изд. 4-е, т. 15.
Резолюция V конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.). «КПСС в резолюциях...», ч. I. М., Госполитиздат, 1954, стр. 195—197, 201—203.
Резолюции совещания расширенной редакции «Пролетарий». «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 219—222.
Владимир Ильич Ленин. Краткий биографический очерк. М., Политиздат, 1967.
История Коммунистической партии Советского Союза, т. II, глава IV. М., Политиздат, 1966.
Очерки истории Московской организации КПСС (1883—1965), глава III. М., «Московский рабочий», 1966.
Партия большевиков в период реакции (1907—1910 гг.). Документы и материалы. М., Госполитиздат, 1961.
Н. Шibaева. Партия большевиков в период реакции (1907—1910 гг.). М., Политиздат, 1965.
И. Пономарева. Борьба В. И. Ленина за партию в годы реакции (подготовка и проведение V конференции РСДРП). Изд-во МГУ, 1965.

- К. *Шахназарова*. Некоторые стороны работы Большевистского центра. «Вопросы истории КПСС» № 11, 1966.
- К. *Шалагин*. Борьба большевиков с троцкизмом (1907—1914). М., «Высшая школа», 1965.

Фильмы

- а) Художественные: «Юность Максима», «Поколение победителей», «Первые радости», «Лично известен», «Яков Свердлов».
- б) Документальные: «По залам Центрального музея В. И. Ленина», ч. 1. А. «Ленин и Горький», «Н. К. Крупская».

ПО МУЗЕЯМ МОСКВЫ

Центральный музей В. И. Ленина

Этот зал очень небольшой в сравнении с другими залами музея. Но экспонаты, собранные в нем, ярко раскрывают одну из самых трудных и героических страниц в истории нашей партии, рассказывают о самоотверженности ее организаторов и руководителей, чей дух не сломили годы черной реакции (1907—1910). Фотографии, развешанные на стенах, запечатлели лица боевых и верных соратников В. И. Ленина, сосланных царским правительством в ссылки и брошенных в тюрьмы. С 1908 по 1909 г. находился в Тифлисской тюрьме замечательный большевик, человек легендарной храбрости С. А. Тер-Петросян (Камо). С. М. Киров был брошен в Томскую тюрьму (1906—1908 гг.), Г. К. Орджоникидзе — в Батумскую (1908 г.), М. В. Фрунзе — во Владимирскую (1907—1912 гг.), В. В. Куйбышев — в Томскую (1909 г.), М. И. Калинина сослали в Тверскую губернию (1910—1911 гг.), Я. М. Свердлов — в Нарымский край (1910 г.), Ф. Э. Дзержинского держали в Варшавской цитадели с 1908 по 1909 г.

В. И. Ленин вынужден был уехать за границу. Он опоздал к пароходу, уходившему в Финляндию, и ему пришлось в сопровождении двух рыбаков переходить Финский залив в декабрьскую ночь 1907 г. Лед был тонкий, Владимир Ильич едва не утонул. Добравшись пешком до шведского острова, он там сел на пароход. Этот рискованный переход Лениным Финского залива запечатлен в картине художника А. Л. Рылова, экспонирующейся в зале. Темный колорит полотна, названного: «В. И. Ленин уходит в эмиграцию», передает всю опасность, угрожавшую Владимиру Ильичу в ту декабрьскую ночь 1907 г.

Партия находилась в подполье. Но ни на день, ни на час не прекращалась деятельность ее вождя В. И. Ленина за границей и его верных соратников — в России. Наипервейшей и наиважнейшей задачей в этот период В. И. Ленин считал организацию и выпуск большевистской печати. Он восстановил в Париже, а потом в Женеве выпуск газеты «Пролетарий», на страницах которой периодически выступал. На витринах и стендах хранятся фотокопии рукописей статей В. И. Ленина, опубликованных в газете «Пролетарий». Здесь же — фотокопия подлинника автореферата «Аграрная программа социал-демократии в русской революции»,

появившегося впервые в журнале «Социал-демократическое обозрение» (на польском языке) в августе 1908 г., и работа В. И. Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», написанная в первой половине 1908 г. и вышедшая в издательстве «Жизнь и знание» в Москве в 1918 г.

Хорошей иллюстрацией к аграрному положению России, которому В. И. Ленин уделял огромное внимание, служат диаграммы, статистически подтверждающие глубину ленинского анализа в этом вопросе: «Ясно, таким образом, что в России к концу XIX века громадное количество земель — и притом, как известно, лучших, по качеству, земель — сосредоточено по-прежнему (по-средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков». На витрине можно увидеть подлинник сборника ленинских статей «За 12 лет» (подзаголовок: «Два направления в русской социал-демократии»), выпущенного в Петербурге в 1908 г. под псевдонимом Вл. Ильин, а также фотокопии писем В. И. Ленина и Н. К. Крупской — М. И. Ульяновой и А. М. Горькому.

Найдена записная книжка Н. К. Крупской. В ней около 300 адресов, по которым вел переписку В. И. Ленин. Надежда Константиновна была верной помощницей Владимира Ильича, поддерживала его постоянную связь с партийными организациями России. Экспонируются фотографии тех, кто в трудные годы реакции выполнял задания партии в России: это, прежде всего, члены семьи Владимира Ильича — А. И. Ульянова-Елизарова, организовавшая издание в России книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», Д. И. Ульянов, М. Т. Елизаров; член ЦК партии, член редакции газеты «Пролетарий» И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), а также М. С. Ольминский, В. В. Воровский.

Собраны интересные материалы, рассказывающие о местах пребывания В. И. Ленина за границей, в частности фотоснимки дома № 61 по улице Мареше в Женеве; дома № 4 по улице Мари-Роз в Париже, где жил Владимир Ильич в 1908—1912 гг.; зданий в Париже, где проходили заседания V Общероссийской конференции РСДРП 21—27 декабря 1908 г. (3—9 января 1909 г.) и Совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» 8—17 (21—30) июня 1909 г. А рядом на снимке — верные соратники Ленина, организовавшие выпуск большевистской печати в Закавказье, — С. Г. Шаумян, П. А. Джапаридзе, С. С. Спандарян в группе членов редакции газеты «Бакинский рабочий», выходившей в 1908 г.

Большое место отведено документам и материалам, связанным с работой Ленина над его главным философским трудом — «Материализм и эмпириокритицизм». Эта экспозиция открывается мраморной доской с высеченными на ней бессмертными ленинскими словами: «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет назад». Поражает обилие книг на русском, английском и немецком языках, собранных в двух книжных шкафах, — только часть того, что прочитал и изучил Владимир Ильич за несколько месяцев в Парижской и Женевской национальных библиотеках и библиотеке Британского музея в Лондоне, готовя свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм». Рядом — снимки зданий этих библиотек и большая витрина, на которой выставлены десятки

экземпляров ленинского произведения, издававшегося в течение полустолетия на языках разных народов мира: на английском, французском, немецком, испанском, греческом, албанском, польском, болгарском, чешском, китайском, японском и т. д.

Завершается экспозиция макетом библиотеки Британского музея (макет выполнен художником А. Любочским), где в прошлом столетии написал свой научный труд «Капитал» Карл Маркс, а в 1902—1903 и 1908—1909 гг. создавал свои великие произведения Владимир Ильич Ленин.

Государственный музей Революции СССР

В музее собраны ценные, редкие документы, характеризующие революционную борьбу большевистских организаций России под руководством партии в суровую пору реакции. Экспозиция организована по принципу тематического подбора иллюстративно-художественного материала и документов, рассказывающих о деятельности партии в той или иной области подготовки трудящихся масс к новому революционному подъему. На стендах — фотокопии листовок Московского и Донского комитетов РСДРП к рабочим заводов с призывом спланироваться и копить силы для новой борьбы. Эти листовки появились в связи с указанием V конференции РСДРП, состоявшейся в декабре 1908 г., о создании на промышленных предприятиях подпольных рабочих ячеек и комитетов, которые были призваны средствами агитации и пропаганды и путем непосредственного практического вмешательства организовывать рабочие массы. Специальные фотовитрины сохранили для нас лица организаторов и руководителей партийной работы на местах. Это члены Московского Комитета РСДРП Д. И. Курский и И. И. Скворцов-Степанов; Бакинского — М. А. Азизбеков и П. А. Джапаридзе; Томского — А. Ф. Иванов; Иваново-Вознесенского окружного бюро РСДРП — П. П. Постышев; Харьковского — А. Г. Скороход. Экспонируются также редкие фотографии, запечатлевшие маевку рабочих чугунолитейного завода в Нижегородской губернии и кружок политических ссыльных в селе Устимцы Архангельской губернии, ставивший целью подготовить агитаторов для партийной работы на фабриках и заводах России. Чувство глубокой горечи вызывает снимок, на котором застыли в скорбном молчании бакинские рабочие, организовавшие демонстрацию протеста у гроба убитого полицией 29 сентября 1907 г. азербайджанского большевика Х. Сафаралиева.

Огромное внимание уделяла партия разъяснительной работе среди крестьян, объяснению сущности столыпинской аграрной реформы. В музее экспонируются фотокопии ленинских работ по этому вопросу: статья «Аграрная программа социал-демократии в период русской революции 1905—1907 гг.», написанная в конце 1907 г., и статья «Что делается в деревне», опубликованная в «Рабочей газете» 18 (31) декабря 1910 г. Несмотря на то что в начале периода реакции наблюдался сильный спад крестьянского движения, в дальнейшем, особенно под влиянием проводимой большевиками разъяснительной и организаторской работы, деревня

снова начинает бурлить. Красочно оформленная диаграмма дает представление о крестьянском движении в России данного периода. Привлекают внимание рисунок известного советского художника-плакатиста Д. С. Моора, названный «Крестьянин пашет землю сохой», и работа художника Б. В. Покровского «Расслоение деревни», которые помогают глубже понять трагизм положения крестьянства в царской России, особенно в годы реакции. Эту же тему раскрывают и живописные полотна художников Н. И. Дрюгина, В. В. Соколова, С. А. Виноградова.

В период реакции большевики стремились использовать все легальные возможности для связи с массами. Этому служили профсоюзы, рабочие кооперативы, клубы, больничные и страховые кассы. В музее демонстрируются резолюции Московского Комитета РСДРП о работе большевиков в рабочих клубах (ноябрь 1909 г.), Центрального Комитета РСДРП — о работе в кооперативах (март 1908 г.) и Центрального Комитета РСДРП — о работе в профессиональных союзах (февраль 1908 г.). Здесь же фотографии с 1-го Всероссийского съезда фабричных врачей, состоявшегося в Москве в апреле 1908 г., и группы профессионального союза печатников Ростова-на-Дону. Весь этот раздел венчает большая картина старейшего советского художника Б. В. Иогансона «Обыск в профсоюзе».

В 1907—1910 гг. помимо центральной большевистской газеты «Пролетарий», органа ЦК РСДРП, выходили легальные газеты и журналы: «Наш путь», «Рабочее дело», «Бакинский рабочий», «Гудок» и др. С подлинниками отдельных номеров этих изданий можно познакомиться на стендах. А рядом, под стеклом, хранятся валик и подшипник — части печатной машины из подпольной типографии Московского Комитета РСДРП, где в 1908 г. печаталась нелегальная большевистская газета «Рабочее знамя» — орган областного бюро Центрального промышленного района Москвы и Московского окружного комитета РСДРП.

О жестокости царского правительства, казнившего в годы реакции тысячи революционных рабочих, крестьян и передовой интеллигенции, бросившего десятки тысяч лучших людей России в тюрьмы и ссылки, рассказывают несколько витрин с различными орудиями пыток и истязаний.

Словно сама история представила на суд ручные и ножные кандалы, кистени и кожаные треххвостные плетки — все эти страшные атрибуты власти, которыми пользовалось российское самодержавие в борьбе с народными массами. В отдельной витрине заключено позорное «изобретение» черносотенцев Саратовской каторжной тюрьмы — смирительная рубашка для политических заключенных. На табличке — описание этого нечеловеческого орудия пытки: «Куртка, сшитая из толстой, грубой сыромятной кожи, с кольцами и ремнями для шнуровки, надевалась на политзаключенного. Руки и ноги его притягивали к спине и в таком виде бросали его грудью на сырой, холодный асфальтовый пол темного карцера на 6—8 часов. Мучения были ужасны. Через несколько минут подвергнувшегося пытке охватывали страшные судороги, затем наступало полное онемение всего организма и потеря сознания заключенного».

Великий русский художник И. Е. Репин написал суровую об-

личительную картину, которая называется «Царская виселица». Она выставлена в этом же зале, рядом с материалами и документами, обличающими царское правительство.

На фоне всех этих злодеяний еще более несгибаемыми и убежденными в правоте своего дела предстают замечательные революционеры, чьи лица сохранили для нас редкие музейные фотографии. На одной из них — Я. М. Свердлов и В. В. Куйбышев в группе ссыльных Нарымской тюрьмы (1910 г.), на второй — политические заключенные в Иркутской тюрьме: А. В. Калинин, П. Г. Измайлов, И. Н. Нагих, К. А. Рубан, И. А. Петров, Д. К. Белановский, М. Н. Вовчинский, А. Г. Федоров и И. А. Лопаткин (1908 г.).

Большой интерес представляют произведения искусства, в которых советские художники отразили период исключительно тяжелой борьбы большевистской партии против царского самодержавия. Значительное место отведено полотнам живописцев В. В. Журавлева — «Одевание смиренной рубашки на политического заключенного в Саратовском каторжном центральном», Н. А. Касаткина — «В подпольном рабочем кружке», И. Т. Колочкова — «Расклейка прокламаций», В. А. Успенского — «Донбасс в прошлом. Старая Юзовка (Собачеевка)», картина художников Кукрыниксы — «После катастрофы на шахте» и т. д.

Посетители также могут познакомиться и с многочисленными работами советских скульпторов. Здесь можно увидеть и скульптурную группу М. А. Шамова «Политических ведут», и произведения В. Е. Селибир «За землю», М. Н. Страховской — «Каторжник, прикованный к тачке». В центре зала — огромное изваяние рабочего, прячущего книгу («Запретная книга»), выполненное скульптором А. С. Монанниковой. Завершает экспозицию скульптурная группа «На этапе», принадлежащая резцу скульптора Г. С. Шкловского.

Государственный Исторический музей

Часть зала, в которой размещены экспонаты, относящиеся к 1907—1910 гг. в истории нашей страны, представляет собой как бы разрез одиночной тюремной камеры. Это ощущение усиливается и обработкой настенного мрамора под грубую кирпичную кладку, и подлинными дверью и оконной решеткой из камеры политических заключенных Бутырской тюрьмы, вмонтированными в общий интерьер. Окончательно формируют восприятие всей царской России как тюрьмы народов вещи и документы, представленные здесь: шинель, мундир и каска старшего унтер-офицера отдельного корпуса жандармов; медали, выдававшиеся за службу в полиции и тюрьмах; орудие пытки, особенно распространенное в Александровской тюрьме, — так называемая «кобыла», на которой заключенного били плетью; одежда политкаторжанина, тюремная кухонная посуда (из Владимирской губернской тюрьмы), ручные и ножные кандалы (из Горно-Зерентуйской тюрьмы).

Все эти орудия и средства подавления человеческой личности

еще больше подчеркивают негибкую волю и убежденность российских революционеров, о которых рассказывают редкие документы. Вот тетрадь записей В. М. Серова, большевика, депутата II Государственной думы. Он вел ее во время пребывания в Петербургской пересыльной тюрьме после осуждения по делу социал-демократической фракции II Думы в 1908 г. Сохранилось «Дело» А. А. Лопатина, члена Читинского Совета казацких и солдатских депутатов, который в числе 26 писарей и казаков Забайкальской области был осужден на каторгу за участие в освобождении из Акатуйской тюрьмы матросов. На снимке запечатлено лицо Е. Галдинского, участника вооруженного восстания в Ростове-на-Дону, осужденного на 15 лет каторги и умершего от туберкулеза.

Особенно внимательно и подолгу рассматривают посетители документ изумительной силы, бесстрашия и большевистской убежденности — тюремный дневник П. С. Селяева, члена Читинского Совета, участника вооруженного восстания. «Никакие репрессии, — пишет в нем мужественный революционер, — не в состоянии задавить того духа, который пробудила в нас декабрьская революция. Я жду не дождусь, когда восстанет наш великан-народ и тогда, о! берегитесь, прохвосты! пощады не будет, так как слишком много пролито народной крови». Дневник велся конспиративно. Запись обрывается незадолго до смерти автора, последовавшей 5 мая 1908 г. в Горно-Зерентуйской тюрьме.

Поворотным пунктом в работе партии в период реакции стала V (Общероссийская) конференция РСДРП 1908 г. Подлинник написанной В. И. Лениным резолюции «О современном моменте и задачах партии» представлен на одной из витрин экспозиции вместе с листовками Московского Комитета РСДРП, в которых партия обращалась к рабочим, крестьянам, студенческой молодежи, солдатам с призывом сплотить свои силы для новой борьбы с царизмом. Одна из них названа — «Голод» и объясняет: «Пока крестьянин не проснется, не почувствует себя человеком, не потребует себе прав, не захочет жить, как и все сытые люди, не начнет бороться со своими угнетателями и врагами, с царским правительством, с помещиками и чиновниками, не схватит их за горло и не вырвет у них силой права на счастливую жизнь, до тех пор он будет жить в нищете, голодать и подчиняться всяким насилиям».

В конце осмотра — верстовой столб с Якутского тракта, по которым царские палачи гнали в ссылку политических заключенных и который стал теперь музейным экспонатом в Стране Советов.

1907 год

3 июня. Третьеиюньский государственный переворот, положивший начало периоду реакции. Арест членов социал-демократической фракции Государственной думы.

Июнь. В. И. Ленин уезжает в Финляндию. Живет там до декабря.

21—23 июля. В Котке (Финляндия) состоялась III конференция РСДРП (Вторая общероссийская).

5—11 (18—24) августа. В Штутгарте (Германия) состоялся конгресс II Интернационала. В работе конгресса участвовал и был избран членом бюро (президиума) В. И. Ленин.

Начало сентября. В Териоках состоялась Петербургская общегородская конференция РСДРП. С докладом о конгрессе в Штутгарте выступил В. И. Ленин.

5—12 ноября. В Гельсингфорсе (Финляндия) состоялась IV конференция РСДРП (Третья общероссийская).

11 ноября. В Петербурге арестованы 14 членов ЦК РСДРП.

Ноябрь — декабрь. В. И. Ленин написал книгу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов».

25 декабря (7 января 1908 г.). В. И. Ленин и Н. К. Крупская приехали в Женеву. Начало второй эмиграции Ленина.

1908 год

Февраль — октябрь. В. И. Ленин пишет книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

Не позднее 3 (16) марта. В. И. Ленин написал статью «Марксизм и ревизионизм».

24 апреля (7 мая). В. И. Ленин выступил в Женеве с рефератом на тему «Оценка русской революции и ее вероятное будущее».

25 мая. Московская общегородская конференция РСДРП обсудила вопросы о профсоюзах, о Военной организации и выступила против отзовистской тактики по отношению к Государственной думе.

11—13 (24—25) августа. В Женеве состоялся Пленум ЦК РСДРП. На Пленуме В. И. Ленин разоблачил попытки меньшевиков ликвидировать ЦК, заменив его «Информационным бюро». Сформированы Российская коллегия ЦК и Заграничное бюро ЦК. Ленин избран от большевиков в редакцию ЦО партии.

Декабрь. В. И. Ленин и Н. К. Крупская переезжают из Женевы в Париж.

21—27 декабря (3—9 января 1909 г.). В Париже состоялась V конференция РСДРП (общероссийская).

¹ Даты указаны по старому стилю. Для событий, происходивших за границей, в скобках приводятся даты по новому стилю.

1909 год

28 января (10 февраля). В газете «Социал-демократ» № 2 опубликована статья В. И. Ленина «На дорогу».

1—6 апреля. В Москве состоялся 1-й Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей, в работе которого активно участвовали большевики.

13 (26) мая. В газете «Пролетарий» № 45 опубликовано письмо меньшевиков-партийцев Выборгского района Петербурга с призывом к меньшевикам объединиться в рядах нелегальной РСДРП.

8—17 (21—30) июня. В Париже под руководством В. И. Ленина проведено совещание расширенной редакции «Пролетария».

20—25 августа (2—7 сентября). В. И. Ленин написал статью «О фракции сторонников отзовизма и богостроительстве».

13 (26) ноября. В Париже В. И. Ленин прочел публичный реферат «Идеология контрреволюционного либерализма. (Успех «Вех» и его общественное значение.)»

28 декабря. В Петербурге открылся антиалкогольный съезд, превратившийся под влиянием большевиков в съезд по борьбе с правительством.

1910 год

2—23 января (15 января — 5 февраля). В Париже состоялся Пленум ЦК РСДРП.

7 (20) марта. На собрании второй парижской группы содействия РСДРП при обсуждении доклада о январском Пленуме ЦК В. И. Ленин выступил за объединение с меньшевиками-партийцами (плехановцами).

30 мая. В Москве вышел первый номер газеты «Наш путь», организованной большевиками.

15—21 августа (28 августа — 3 сентября). В Копенгагене состоялся конгресс II Интернационала. В работе конгресса участвовал В. И. Ленин.

30 октября (12 ноября). В Париже вышел первый номер «Рабочей газеты», нелегального органа большевиков, в котором участвовали и меньшевики-партийцы. Организатор газеты и ее редактор В. И. Ленин.

8—12 ноября. Политические забастовки и демонстрации рабочих и студентов в Москве, Петербурге, Николаеве, Киеве, Екатеринославе, Юрьевске, Харькове, Одессе в связи с похоронами Л. Н. Толстого.

16 декабря. В Петербурге вышел первый номер большевистской легальной газеты «Звезда».

Декабрь. В Москве вышел первый номер легального журнала «Мысль», созданного по решению Заграничного центра большевиков в противовес ликвидаторским журналам. Издавался под руководством В. И. Ленина.

СОДЕРЖАНИЕ

Консультации

Н. Матюшкин. Разоблачение В. И. Лениным столыпинской аграрной реформы	3
В. Широков. Борьба против реакции на идеологическом фронте	30
А. Шапкарин. Московская организация большевиков в годы реакции	57

Страницы истории

III Государственная дума и отношение к ней большевиков	84
Сборник «Вехи» — знамя буржуазной контрреволюции	90
Кто такие ликвидаторы и отзовисты?	96
Партийные конференции в годы реакции	103
Что представлял собой «августовский блок»?	109
Кто такие меньшевики-партийцы и почему большевики пошли на блок с ними?	113
Большевистская печать в годы реакции	117
В губерниях Смоленской, Рязанской и Тверской	122

Методические советы

Ю. Гертман. К изучению IV темы курса истории КПСС	128
По музеям Москвы	144
Краткая хроника событий	150

Партия большевиков в период реакции (1907—1910 гг.)

М. «Московский рабочий», 1968.

152 с.

ЗКП1-4

Редактор *В. Дубровинский*

Художественный редактор *А. Игнатьева*

Техн. редактор *Т. Павлова*

* * *

Издательство «Московский рабочий», Москва, пр. Владимирова, 6.
Л 80303. Подписано к печати 20/XII 1967 г. Формат
бумаги 84 × 108¹/₃₂. Бум. л. 2,37. Печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 7,9.
Тираж 20 000. Тем. план 1968 г. № 15. Цена 21 коп. Заказ № 743.

Типография «Красный пролетарий».
Москва. Краснопролетарская, 16.